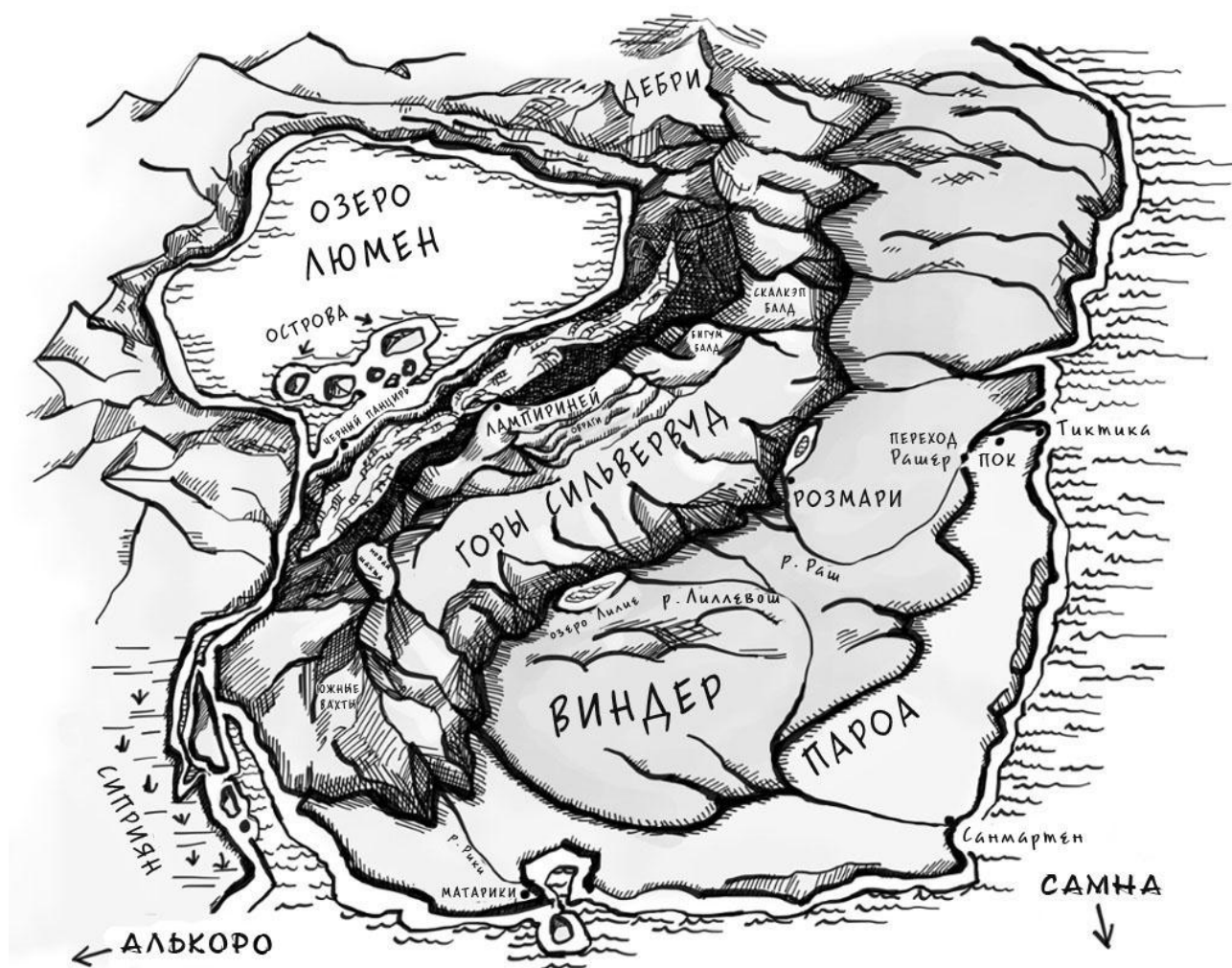

Эмили Б. Мартин «Лесничая» («Лесничая» - 1)
Перевод: Kuromiya Ren

Люси и Амелии.
Этого не было бы без вас

ПРОЛОГ

Король Валиен постукивал пальцами по грубому столу, шрамы на его правой руке сияли розовым на его медной коже. Он и фигура перед ним были в капюшонах, от этого прикрытия и полученных тревожных новостей на его коже проступил пот. Фигуру перед ним отличало только серебряное кольцо с молочной жемчужиной.

- Уверена? – тихо спросил король. Таверна гудела, жители города пили и веселились, но он не мог рисковать, чтобы его подслушали. Если бы не буря снаружи, он бы встретился с информантом подальше, среди холмов, вдали от наблюдательных людей, готовых доложить о его подозрительной встрече совету.

- Да, - ответил информант. – Я нашла их в Санмартене. Всех троих. Королеву Мону Аластейр и ее братьев. Мой король, королевичи озера Люмен не мертвы. И враги тоже скоро могут об этом узнать.

Король нахмурился, его пальцы не унимались. Это все меняло. Это подвергало опасности всю власть на востоке. Его корона, которую он получил недавно, пострадает одной из первых.

- Что ж, - ровно сказал он, сжимая кулак и глядя на фигуру в капюшоне. – Мы должны что-то с этим сделать.

ГЛАВА 1

Тонуть. Не так я хотела бы завоевать доверие наблюдателей.

Я смотрела на мужчину с женщиной почти час, пока сидела на пирсе. Они работали в тандеме: один изящно нырял, а другой появлялся на поверхности. Они оставались под водой очень долго, опустошали плетеные корзинки, висящие на их шеях. Он мог задержать дыхание дольше, чем она, зато она явно ныряла глубже, сияние ее золотистых волос пропадало в серо-зеленых глубинах. Я поежилась, пока смотрела, воздух в конце апреля был теплым, но вода все еще оставалась холодной, а пара была в тонкой одежде. У него вообще была голая грудь, а она была в темной безрукавке, заправленной в штаны. Их бледная кожа была обгоревшей.

Зрелище было необычным. Многие в прибрежной стране Пароа были рыбаками или торговцами, воды были слишком бурными для ныряния, при этом не слишком глубокими. Но эти двое успешно приносили полные корзинки морских ушек и формировали из них горки на берегу. Несколько чаек оживленно прыгало рядом с их добычей.

- Закончила?

Я подняла взгляд, обветренное лицо рыбака закрывало солнце. Он указал на невод в моей руке.

- Я не буду платить тебе за простой на работе, слышишь? Если закончила, уходи, - он бросил мне медную монету. Я опустила невод, пальцы были красными от работы с нитями. Я убрала монету в карман. Он забрал невод и пошел по пирсу, миновал двух ныряльщиков и растущую гору их добычи.

Я встала, стряхнула водоросли со штанов. Жалкая монета за утро противной работы не помогала, мне нужно было искать что-то еще, чтобы пообедать. И я пошла прочь в ту же сторону, что и рыбак.

День был пыльным, вода пенилась у пирса, покрывая камни солеными брызгами. Я шла по центру тропы к двум ныряльщикам, которых не тревожили бурлящие волны. Женщина опустилась на колени на камнях, разбирая недавнюю добычу. Я подошла к ней и обнаружила, что путь преградили ноги, торчащие из-под горы ткани и весел. Я пригнулась, но весла тянулись шире, чем дорожка, и идиот, что нес их, не старался смотреть под ноги... а океан ждал жертву. И я ударилась головой о весла и полетела в воду.

Я выдавила лишь одну фразу – «земля и небо!» - и погрузилась в холодную воду.

Сила потока потрясала, меня бросило на камни, а потом утащило от берега, как осла за поводья. Я барахталась под водой, искала, за что уцепиться, но не умела плавать, и мои старания не останавливали погружение. Воздух вырывался из моего рта, пузырьки светлячками уносились к поверхности.

В груди растекался жар, мысли немели от ужаса. Я билась в бурлящей воде. После всех сложностей, что я преодолела, после всех потерь я собиралась умереть так.

Я не успела отдаться панике, вода забурилась вокруг меня, руки подхватили меня под плечами и потащили к солнцу.

Мы вырвались на поверхность, я отплевывалась, как кошка, подавившаяся костью, а спаситель тащил меня на спине к краю пирса. Две веснушчатые руки оттащили меня от камней на землю. Золотые волосы сверкнули на солнце.

Женщина-ныряльщица забралась на камни. С нее лилась вода. Мужчина опустился на колени рядом со мной.

- Пару раз глубоко вдохни, - сказал он.

Я так и сделала, откашляла соленую воду. Женщина опустилась неподалеку от мужчины и выжала косу.

- Плавать не умеешь? – отметила она.

Я тряхнула головой. Вода вытекала из ушей.

- Как ты догадалась?

- Воды наглоталась? – спросил мужчина. Его светлая борода была темнее, рыжее его волос, что были такими же, как у женщины.

- Нет, - я коснулась лба, рука подрагивала. – Кровь идет?

- Нет, но будет синяк и шишка. Мазь с этим справится.

Я медленно вдохнула, наслаждаясь воздухом в легких. Страх улетучился, и я посмотрела на женщину. Она с холодом смотрела на меня, чуть приподняв бровь.

Я уняла дрожь ладони и протянула ей руку.

- Спасибо. Я бесполезна в воде. Ты спасла мне жизнь.

Она посмотрела на мою ладонь, потом на мое лицо. Ее глаза чуть прищурились.

- Что ж, - я вытянутой рукой убрала спутанные волосы за плечо. – Думаю, я достаточно вас отвлекла. Прибудет Свет с вашими умениями в воде и помощью незнакомцам, - я согнула ноги в коленях, чтобы встать. – Удачи с морскими ушками.

- Стой, - сказала она.

Я замерла и взглянула на нее. Она кашлянула.

- Кольм, - сказала она. – Не думаешь, что стоит осмотреть тот ушиб? У нее может быть сотрясение.

Ее брат – в этом я не сомневалась из-за золотистых волос, веснушек и знакомого взгляда, который она бросила на него, - нахмурился, но не успел заговорить. Она схватила свою тунику и надела через голову.

- Идем, - приказала она, встав. – Отведем тебя в таверну. Бармен даст тебе что-нибудь теплое. Может, бренди.

- Не... надо...

Но она подняла меня на ноги и повела по пирсу, обходя рыбаков. Врать не буду, я не боролась. Ее брат Кольм надел рубашку и поспешил за нами.

- Ваш улов, - запротестовала я.

- Мы соберем еще, - сухо сказала она.

Таверна была тихой и мрачной после яркой активности на пирсе. Еще не пришли моряки, чтобы снять дневную усталость кружкой, так что внутри был только бармен. Златовласая женщина усадила меня за стол у пустого камина и выдвинула стул напротив меня.

- А бренди? – я вскинула бровь.

Она не слушала меня и села, с ее мокрых штанов капала на камни вода. Ее брат опустился рядом со мной, атмосфера была напряженной.

- Как тебя зовут? – спросила она.

- Мэй, - сказала я. – А тебя?

- Откуда ты родом, Мэй?

- Какая разница? Город полон путешественников.

- Но не с твоей родной земли. Твой акцент и беспечное поведение выдают тебя.

- Какое поведение? – я была уязвлена.

Она нетерпеливо взмахнула руками.

- Ты выкрикнула необычное ругательство. Не каждый будет вопить про землю и небо, и ты благодаришь, протягивая руку, в воде ведешь себя как пьяная кошка. Я слишком долго ходила вокруг вашего глупого короля, чтобы не узнать кого-то из гор Сильвервуд.

- Он не мой король.

- Не ври мне...

- Нет, - перебила я, скрестив руки. – Ты не ошиблась. Я из Сильвервуда. Но Валиен – не мой король. И если ты думаешь, что я выделяюсь, посмотри на себя и на него. Вы как пара початков кукурузы на поле бобов. Из вас морской народ не лучше, чем из меня.

Она сложила руки на столе с ледяным взглядом.

- Вот как, - сказала она.

- Да, - ответила я. – Спасибо, что спасла, и что сделала вид, что купила мне бренди, но мне пора.

- Почему ты сказала, что Валиен – не твой король?

- Потому что. Я не его подданная, я не верна ему.

- Но ты из Сильвервуда.

- Когда-то была.

- Можешь объяснить?

- Нет, если сама будешь секретничать, - я начала подниматься со стула, но тут она потянулась к мокрому воротнику и вытащила длинную серебряную цепочку. На ее конце висела жемчужина больше ногтя на моем большом пальце.

- Знаешь, что это? – спросила она.

- Жемчужина.

- А откуда берутся жемчужины?

- Вылетают из ракушек.

Она на миг глаза и задержала дыхание от моего незнания.

- К этому мы вернемся. Я о том... где на востоке добывают жемчуг?

- Озеро Люмен, конечно. Я не дуручка. Я жила рядом в горах почти всю жизнь.

Она сомкнула пальцы на кулоне.

- Вот. Мы оттуда, Мэй. Мы из Люмена.

Я не скрывала удивление.

- И зачем вы ныряли за моллюсками в Тиктике так далеко от дома? Я не думала, что кто-то избежал вторжение алькоранцев три года назад. Вы не должны быть мертвы или в рабстве?

- Да, - тихо ответила она, но не успела продолжить. В грязное окно таверны залетели крики. Мы посмотрели туда, на пристань, где кипела активность. Драка привлекла зевак. Некоторые пытались разнять задира, но многие подзадоривали их.

- О, великий Свет, - выдохнула женщина.

Кольм встал из-за стола.

- Я заберу его, - он пошел на свет. Мы смотрели, как он пробирается сквозь толпу зевак и поднимает задиру за воротник. Отгоняя людей, как комаров, он пошел к таверне. Фигура в его хватке извивалась и вопила, его носки едва касались земли.

- ...надеюсь, ты подавишься, лживый сын воловьей птицы! Надеюсь, твое судно треснет, когда ты в следующий раз... Отпусти меня, Кольм!

Кольм бросил добычу на оставшийся стул и сел без слов. Волосы новенького были темнее, цвета грязного золота, но у него было больше веснушек, чем у двух других, вместе взятых. Под его правым глазом был старый большой шрам, схожий с перевернутой улыбкой. Женщина смотрела на юношу взглядом, что заморозил бы волны у берега. Знакомый взгляд. Еще один брат.

- Клянусь, рыбак это начал, - сказал он, пересекаясь с ней взглядом, вскинув голову.

– Я все утро помогал ему тянуть сети, а потом он начал считать мою долю, и...

- Арлен, - перебила она. – Тихо.

Он сгорбился на стуле, сверлил ее взглядом и тыкал костяшкой опухшую губу. А потом он заметил меня.

- Это кто?

- Мы как раз разбираемся, - сказала она и переключила внимание на меня. – На чем мы остановились?

- Вы назвались народом озера, хотя по слухам должны быть мертвы или нырять за жемчугом под флагом Алькоро, - сказала я.

- Многие умерли в тот день, но не мы, как видишь, - сказала она с горечью в голосе.

– Мы одни смогли сбежать.

- Как удобно для вас, но не для вашего народа.

Арлен ударил руками по столу, глаза пылали.

- Как ты сме...

- Я не хочу обсуждать с тобой правильность того дня, - сказала она, сбив вспышку гнева брата.

- Тогда чего ты хочешь? - спросила я. - Я поблагодарила, хотя уже жалею об этом. Может, разойдемся, как незнакомцы, и все?

- Я хочу не этого. Я хочу информацию. Ты из Сильвервуда, восточного соседа озера. Я спасла тебя. В ответ расскажи о ситуации на озере Люмен и состоянии моего народа.

- Ты оттуда? - Арлен окинул меня взглядом. - Конечно, это я вижу. Цвета такие темные, что никого не обманешь...

- Арлен, Света ради, если не можешь сказать ничего полезного, молчи, - его сестра сверлила меня взглядом.

Я вскинула брови.

- Ты говоришь смело, как для беженки павшей страны. И удача не на вашей стороне. Я знаю меньше вас. Я не была в горах пять лет, задолго до вторжения алькоранцев.

- Почему?

- Не ваше дело.

Для такой скромной одежды она выглядела слишком властно. Я попыталась вернуть ледяной взгляд, не мигая.

- Так почему? - спросила она.

- Не твое дело.

Ее холодный взгляд окинул мой потрепанный облик.

- Ты не выглядишь переехавшей ради лучшей жизни. Проблемы семьи?

- Едва ли.

- Наказание? - она прищурилась. - Изгнание?

Это было быстро. Я не ожидала, что мы прямо перейдем к теме. Мое замешательство подтвердило ее догадку. Она отклонилась так, словно привыкла вести допрос.

- Значит, изгнание.

- Ладно, - я недовольно взмахнула рукой. - Я изгнана. Мне нельзя ступать на земли Сильвервуда.

- За что?

- Какая разница? - рявкнула я.

Она провела указательным пальцем по нижней губе.

- Никакой, пожалуй. Может, внешность не врет, и ты просто преступница.

- Нет, - с нажимом сказала я.

Она вскинула изящную бровь, я фыркнула. Я уже не управляла разговором.

- Я поспорила с дураком-королем.

- С королем Валиеном?

- С Вандаленом. При мне Валиен был принцем. Его отец щелкнул пальцами, и я из королевской стражи стала той, у кого нет ни титула, ни дома.

- Но Вандалена убили в прошлом году, когда он попытался побороть алькоранцев и захватить люменский трон. Я слышала новости в Санмартене. Валиен теперь король. Он же тебя не прогонит?

- Даже не знаю. Старые советники короля давно хотят заполучить озеро Люмен, и, пока все не изменится, у Валиена нет власти над ними. Он лишь их марионетка, пока не найдет давление на них.

Я почти видела, как мысли женщины крутятся за голубыми глазами.

- Так ты была в королевской страже?

- Я была Лесничей.

- Вы все лесничие, - сказал Арлен, упираясь подбородком в кулак.

- Нет, - покачала я пальцем. - Удивительно, сколько людей вне гор так ошибаются. Не все мы Лесничие. Лесничий - это титул, ранг. Мы защищаем горы и направляем

отряды скаутов. Мы управляем лесной стражей, это самая высокая ветвь королевской стражи...

- Ладно, хватит, - сказал он, помахав руками, чтобы прервать меня.

- Кем ты себя возомнил?

Он ухмыльнулся.

- Я...

- Арлен! – рывкнула его сестра. Сначала я подумала, что ее расстроило его поведение, но ее, похоже, больше волновало, что он собирался сказать, а не как он это хотел сказать. Что-то горело в ее глазах. Она повернулась ко мне. – Так ты знаешь горы? Можешь провести по ним?

- Конечно, могу. Вслепую.

- Не попавшись королевской страже? Другим Лесничим с такими же навыками, как у тебя?

- Наверное. Я знаю, где они, и что их насторожит.

- Даже сейчас?

- Да, - горечь изгнания сдавила горло. – Сильвервуд – мой дом. Это моя сущность. Это часть меня, как кости. Такое не уходит, даже если какой-то идиот в короне выгнал меня.

Она разглядывала меня. Лицо Арлена было пустым, но Кольм пронзал сестру взглядом.

- Мона, - тихо сказал он.

Она повернулась к нему.

- Пора.

- Мы не знаем, что найдем...

- И не узнаем, - парировала она, глаза пылали. – Новости нашего народа не пробираются за эти горы, и проходы на юг теперь закрыты. Мы потратили слишком много времени на осторожность в тени.

Я посмотрела на них.

- Что?

- Ты слишком быстро веришь, - сказал он, глядя на меня. – Твое желание освободить наш народ затемняет твой разум.

- А когда будет шанс, Кольм? Когда нам попадется кто-то, знающий горы, но не в ответе перед их королем?

- Погодите, - сказала я. – Что?

Арлен соображал. Он склонился.

- Мы возвращаемся? – его глаза были ярче, чем у его сестры, но пылали той же энергией.

- У нас есть проводник, - настаивала она, глядя на Кольма свысока. – Это нам и нужно.

Я схватилась за стол, пытаясь замедлить разогнавшийся разговор.

- Стойте. Погодите. Никто никого и никуда не ведет.

Она повернулась ко мне, и я снова ощутила удар ее власти, несмотря на ее простую одежду и сгоревшую на солнце кожу.

- У нас есть план действий со дня, как мы выбрались из реки, что течет из озера Люмен, но нам всегда мешало одно: мы не могли вернуться к нашему народу. Мы сбежали на юг по водным путям Сипри, но теперь корабли алькоранцев закрыли их, переправляют только богачей к врагу. Вернуться можно только через горы, и никто, кроме лесного народа, не может там ходить. Мы искали тебя.

- Нет, - сухо сказала я. – Не меня.

- Три года мы бродили по незнакомым землям, но не встретили ни одного серебря. Твой король закрыл горы. Ни войти, ни выйти. Ты наш первый и, скорее всего, единственный шанс.

- Уверена, ты думаешь, что это так, но почему я должна соглашаться? – я указала на нее. – Все во мне говорит, что ты – враг, недружелюбный сосед. И ты просишь провести вас мимо моего народа? С чего бы?

- Ты сказала, что не верна королю Валиену.

- Но я все еще верна людям и родине.

- Именно. Думаю, мы обе согласны, что вместо вражды между озером и горами лучше идти против Алькоро. Когда-то горы были торговым путем между озером Люмен и другими соседями. Наше богатство текло через твою страну. Твои мастера по серебру и наши ловцы жемчуга создавали самые красивые украшения, - она покрутила свой кулон. – Алькоранцы все изменили. Они используют навыки моего народа и отправляют наше богатство в чужие страны, - она склонилась ближе. – Так не должно быть. Если мы вернем озеро, мы сможем открыть торговлю с горами. Это на пользу и твоему, и моему народу.

- Это не поможет мне, - сказала я.

Она все еще склонялась на локтях, ее плечи были напряжены. Мне казалось, что она быстро размышляет.

- Мона, - сказал снова Кольм, его голос стал отчаяннее.

Она окинула взглядом пустую таверну, а потом выпрямилась, расправила плечи умелым движением.

- Меня зовут Мона, - тихо сказала она. – Ты узнаешь это имя?

- Обычное имя с озер. Разве не так звали королеву, убитую при вторжении?

Она пронзила меня взглядом, Кольм рядом со мной утомленно опустил бородатый подбородок на ладонь.

- Погодите...

- Да. Я королева, которую должны были убить. Я – Мона Аластейр, королева озера Люмен и двенадцати островов, - она снова подняла кулон. – Это не просто жемчужина. Это наследство моего рода, одна из первых и крупнейших жемчужин Люмена, которую передают от правителя к правителю.

- Как вы пережили вторжение? – спросила я.

Она взглянула на Кольма, а потом на меня.

- Мы уплыли.

- По южным водным путям?

- Да. Оказались в Матарики, были там какое-то время, но Арлен все испортил, и мы не могли там оставаться. Мы пробрались по холмам Виндера к южным границам Сильвервуда, но мы не смогли найти проводника. Мы долго искали путь, но деньги закончились, и пришлось вернуться к берегу. Мы водный народ, можем выжить у воды. Нам какое-то время везло в Санмартене. Пока этот дурак, - она кивнула на Арлена, тот шумно выдохнул, - не затеял пьяную драку на людях посреди зимы, крича, что мы – законные правители озера Люмен, - она смерил наго хмурым взглядом.

Ее брат выглядел одновременно пристыжено и нагло.

- И никто не спорил? – спросила я. – Никто не выдал?

- Я надеялась, что те, кто слышал, посчитали, что он – пьяница, несущий чушь. Мы сбежали из города, пока не поползли слухи.

Арлен закатил глаза.

- Это было почти четыре месяца назад. Можно подумать, я такой каждую ночь.

- Я только что вытащил тебя из драки! – сказал Кольм.

- Но я не вопил в этот раз. И не я начал.

- В любом случае, - перебила Мона, - никто не подошел к нам, а мы старались не выделяться.

- Работая ныряльщиками?

- Ты не узнала нас, - отметила она. – А ты должна знать наш народ лучше всех на этом берегу.

Я смотрела на нее минуту, обдумывая ее историю. Эта новость была мощной для восточного мира, мощной и опасной. Шли секунды тишины, я встряхнулась.

- Это... ничего не меняет, - выдавила я.

Она устроилась на стуле.

- Я – королева очень богатого народа, Мэй. А ты, похоже, нищая и бездомная.

- Это не так, - возразила я. – Мне хватает меди на фисташку.

- Сделай это для меня, - сказала она. – Проведи меня и моих братьев через горы, и я сделаю тебя богаче твоего короля.

- А потом? – спросила я. – Что со мной будет потом?

- Что хочешь. Останешься у озера. Уплывешь на корабле на юг. Может, уговоришь короля Валиена снять наказание. Он может послушать, если власть будет у нас.

- А если я побегу докладывать услышанное первому попавшемуся алькоранцу? – спросила я. – Они мне тоже заплатят, а они уже у власти.

- В твоей спине окажется дротик, - резко сказал Арлен.

- Потому что сила Лесничей в ее честности.

Я посмотрела на Кольма, испугавшись слов моей старой клятвы, произнесенных им. Он пожал плечами.

- Так в книгах по истории. Может, сейчас это уже не ценится.

Я смотрела на него, и старая спящая преданность загорелась глубоко во мне. Мона улыбнулась, зная, что он попал в цель. Ее ухмылка вернула меня в чувства, и я попыталась прогнать это тепло.

- Насколько богатой? – спросила я.

Она улыбнулась и подняла кулон. Он мерцал в пыльном солнечном свете.

- Насколько нужно. Ты сможешь купить остров фисташек.

- погоди, - выпалил Арлен, задумчиво хмурясь. – Я рад вернуться и прогнать алькоранцев, но как мы можем доверять, - он окинул меня жестом, - этому? Даже если она не верна королю Сильвервуда, она все еще серебря, а не наш союзник. Она может бросить нас в горах.

- И зачем же? – спросила я у него. – Рисковать своей шеей, слушаясь наказания, чтобы бросить вас? Меня казнят, если я вернусь. Если мне идти в горы, то не просто так.

- Конечно, - холодно сказала Мона. Она не смотрела на гримасу младшего брата и повернулась к Кольму. – Мы не можем продолжить, если ты против, Кольм. Я вижу, ты думаешь. Что скажешь?

Он молчал мгновение, подбородок упирался в ладонь.

- Боюсь, мы спешим, - сказал он. – Я бы не стал идти в Сильвервуд даже с проводником, еще и давно не бывавшим там. А если король изменил пути скаутов? Что мы скажем, если нас схватят? Получится ли у нас забрать озеро? – он покачал головой. – Мы слишком много не знаем. Но я пойду за тобой куда угодно, Мона, ведь и я хочу освободить наш народ, - он поднял голову. – Я не против. Если ты идешь, и я иду.

Она улыбнулась ему.

- Хорошо. Спасибо, Кольм, - он посмотрела на меня. – Тогда решено.

Я заерзала. Все происходило слишком быстро.

- Наверное.

- Отлично.

- Мне нужно пару дней на сбор припасов и планирование маршрута, - сказала я.

Она помахала рукой.

- Конечно.

- И деньги. Если вы не хотите делить фисташку.

- Нам хватит одежды в путь. Арлен пойдет с тобой за покупками. Что-то еще?

Я посмотрела на нее, сбежавшую королеву. Ее светлые волосы вились, высыхая в косе. Я посмотрела на ее братьев. Арлен был бойким, а Кольм выглядел уставшим.

Провести этих троих через Сильвервуд, не попавшись скаутам короля, чтобы столкнуться с врагом в конце пути? Рисковать головой ради трех королевичей, у которых было так мало шансов на успех?

Желудок заурчал, добавляя свое мнение во внутренний спор. Я давно не могла купить неплохой ужин. А Мона спасла мне жизнь. Но за этими словами скрывалась глубокая, темная и страшная любовь, которую я пыталась скрыть в изгнании.

Я хотела увидеть дом, хотела делать свою работу. Я была Лесничей, я была в отчаянии.

Я зажала пальцами переносицу и посмотрела на бар.

- Бренди, - сказала я. – Думаю, бренди мне понадобится.

ГЛАВА 2

Припасы, что я предпочитала брать с собой в горы, было сложно найти на рынках Тиктики. Всего для рыбалки и лодок было полно, но вещей для пути по лесам и горам было мало.

Я ходила от лотка к лотку, Арлен плелся за мной в поисках подходящих вещей для пути. Мона послала его помогать мне нести покупки, но я была уверена, что он следил, чтобы я не убежала из города с ее деньгами. Он изображал недовольство от каждого выбранного мной товара и с болью отсчитывал монеты.

- У нас есть шнур, - сказал он, прислонившись к столбу, пока я проверяла прочность веревки.

- Нам нужно чем-то привязывать ему к ветвям на ночь, - сказала я, сворачивая ее.

- Из-за медведей?

- Медведей и не только. Мыши, еноты, скунсы... редкие звери пройдут мимо удобного мешка фруктов.

- Правда, что лесной народ может общаться звуками зверей?

- Отчасти. Не всегда. Но лесная стража подает сигналы криками птиц. Кардинал означает – все чисто, таун – бегите ко мне. Как-то так.

- Чем лесная стража отличается от королевской?

- Есть три ветви королевской стражи, - сказала я, скользя взглядом по прилавку с ботинками и туфлями. – Лесная стража – высшая ветвь, там скауты и Лесничество, их лидеры. Мы – охрана леса, а не солдаты. Мы следим за лесом и нашим влиянием на него. Вооруженная стража – это армия. Нас учат для боя, но лесная стража больше делает упор на беззвучность и слежку, чем на сражения мечом.

- А третья ветвь?

- О. Стража дворца, - я фыркнула, мы прошли торговца шелками. – Мы зовем их Крайним средством. Дружеское соперничество. Они защищают дворец и правителя, что важно, но они расхаживают в красивой форме, пока мы выполняем всю грязную работу, - я повернула после пары лотков и застонала от зависти. – Кстати говоря.

Женщина продавала всевозможные луки. Пароанские луки из камыша годились для рыбалки. Изогнутые виндеранские луки делали из бараньих рогов. Было несколько неуклюжих арбалетов, они были только в Алькоро, а местные не хотели раскрывать секреты их создания. Но люди пытались сделать подобия. Я миновала это новое оружие и выбрала лук, знакомый моей руке – короткий и плоский, хотя он был с рогом в составе, а не из чистого куска дерева, как я привыкла.

- Можно? – спросила я у торговли. Она кивнула, я схватила лук и натянула тетиву до щеки. Она поддавалась легче, чем у моего старого, тугого лука из орешника кари, но я ощущала силу этого короткого оружия. – Явор? – спросила я.

Торговка снова кивнула.

- Десять истернов.

Арлен присвистнул.

- Нет уж.

Я любовалась луком.

- Но он такой хороший.

- У нас столько нет. А даже если бы было, Мона меня убила бы. И я вооружен. Нам не нужен лук.

Я вздохнула и отпустила тетиву. Десять золотых истернов я за эти полгода не накопила. Это было слишком дорого для лука из явора. И мне требовались стрелы. Я подавлено опустила лук на место среди других. Я погладила пальцем плоский край.

- Что дальше? – спросил Арлен, надеясь отвлечь меня от прилавка.

Я неохотно зашагала вперед.

- Клеенка.

Мы пошли по ряду. Я искала лоток с клеенкой. Он нависал над моим плечом и продолжал расспрос.

- Правда, что, если сойти с тропы, заколдованные магом короля горы запутают тебя?

- Где ты такое услышал?

Он пожал плечами.

- Эту историю у нас рассказывают детям.

- Это бред. У короля есть советники, но это не маги. Они колдуют не сильнее тебя.

- Никакой магии? – он прищурился, словно не хотел мне верить. – Как ты понимаешь горы? Почему никто не может перейти их?

Я повернулась к нему с удивлением.

- А как вы так долго не дышите под водой? Как не тонете и не замерзаете? Навыки. Подготовка. Врожденный талант. У каждого народа свое: морской народ хорош с лодками, народ холмов – со скотом. В этом нет ничего особенного.

- А Свет? Вы почитаете Свет?

Я пожала плечами и продолжила выбирать клеенку.

- Как и все. А вы?

- Отчасти. Но Мона теперь не очень почитает. У Алькоро план якобы вдохновлен свыше. Они захватывают другие народы, считая, что исполняют пророчество Света и это их судьба.

- Да, я слышала о таком. Этот пророк... как они его зовут? Призм? Он вырезал пророчество на камне, вокруг которого построена столица алькоранцев, да?

Он раздраженно взмахнул рукой.

- Оно может быть хоть в сталь и алмазах, все равно это неправильно. Какая божественная сила направляет один народ поработать другой? Какой пророк оправдывает убийство правителя ради выгоды?

Я вскинула руки.

- Я просто пытаюсь купить клеенку.

Он хмуро посмотрел на товар в моей руке.

- Уверена, что нужно три?

- Да. Три серебряника.

Он вручил мне монеты с нарочитой покорностью.

- Сколько нам еще надо?

- Немного. Мы неделю будем идти вверх по реке Раш, там будет много торговых городов. А вот после Розмари, городка у каменоломни, мы пойдем своими силами в гору. Так что сразу много брать не нужно. И мне нужно пополнить запас трав.

Мы шли по рядам, пока не нашли травницу, окруженную разными растениями и настойками. Я окинула взглядом ее товары. У нее было много экзотики – эвкалиптовое масло, женьшень, ярко-золотой порошок куркумы в пакетиках – но все это было дорогим, я могла заменить их травами, что уже были у меня. Но у меня кончалась мята, и уже не было лавандового масла. Я ткнула Арлена локтем, он прислонился к другому прилавку, теребя кулоны из яшмы.

- Семь серебряников.

- Семь? За что?

- Аптечка. Многое я смогу найти в лесу, но не все. Семь серебряников.

Он отсчитал монеты.

- Какие раны ты собираешься лечить?

- С тобой – множество. Ты же изобретательный. Давай деньги.

* * *

- Что это? – спросила Мона позже тем вечером, когда мы разложили покупки.

Арлен теребил кулон из яшмы.

- Для Сорчи, - с тоской сказал он. – Отдам ей, когда мы вернемся, как символ моей любви.

Она с болью закрыла глаза.

- Ты ухаживал за ней две недели до вторжения алькоранцев, но потратил серебро на кулон для нее?

- Она меня любит.

- Она ударила тебя по лицу, - Мона сняла мешочек с монетами с его пояса. – И мне тоже хочется. Реки и моря, води себя умнее. Ты даже не знаешь, жива ли она. Не трать наши деньги.

- Можно разжигать им огонь, если камень сломается, - сказала я, разняв их и развернув свою карту на столе. Карты Сильвервуда продавали редко, они часто были неполными, так что я набросала свою, в некоторых местах угадывая расстояние. Некоторые детали были неточными – озеро Лилие не тех пропорций, и южный край Виндера и Пароа был упрощен до жути, но это не требовалось для нашего пути. Мона склонилась над моей работой. Арлен хмуро присел у своей сумки и сунул кулон внутрь.

- Ты неправильно нарисовала острова, - сказала Мона.

- Какие острова?

- Острова Люмен, - она недовольно указала на мой грубый набросок озера Люмен. – Ты нарисовала всего пять, и все они неправильные.

- Я перерисую их, когда мы придем туда, - сказала я, вытягивая карту из-под ее пальца. – Сосредоточимся на том, что главное, - я обвела реку Раш. – Мы пойдем на юго-запад. До перехода Рашер дойдем за три дня, за четыре – если будет идти медленно, - я указала на город у большой дельты реки. – После этого мы перейдем Пароа и придем в Виндер. Из морской страны в холмы. По пути до Розмари будут города поменьше, это займет около семи-восьми дней. А потом будет сложнее, - я постучала пальцем по границе Сильвервуда. – То, что было торговым путем, непроходимо для прибывших уже пятьдесят лет, правители позволили опорам в начале пути развалиться, так что перейти там почти невозможно. И так мы попадем сразу в Лампириней, к дворцу короля, а это плохо. Я хочу повести нас южнее, через центр леса.

- Там есть тропа? – спросила Мона.

- Нет. Это плохая новость. Хорошая в том, что так скаутам короля будет сложнее нас выследить. Если идти бодро, за две недели дойдем до Частокола.

- Частокол? – спросил Арлен.

- Большое каменное ограждение, отделяющее озеро от леса...

- Я знаю, что это, - сказал он, открывая мешок с фруктами, что мы принесли. – Там ведь водопады. Нам придется спуститься? Это вообще возможно?

- Местами, - сказала я. – Мы будем осторожны. Это займет пару дней.

- Фу, - он прижался головой к стене со стуком. – Мы не можем поехать на лошадях?

- Конечно, - резко сказала я, сворачивая карту. – Купи себе лошадь на оставшиеся деньги. Она пригодится, пока мы будем идти по дорогам и спать в гостиницах, но ты не поведешь лошадь в горы этим путем. Придется бросить ее в Розмари, - он сверлил меня хмурым взглядом. – Эй, я не говорила, что будет просто или весело. Вы просили меня, не наоборот.

- Хорошо, хорошо, - парировал Арлен. – Понял. Мы идем.

- Хуже побега с озера не будет, - тихо сказал Кольм.

Остальные двое притихли на миг, затерялись в общем воспоминании. Я сунула карту в сумку, не продолжая разговор. Когда стало понятно, что рассуждать дальше они не собираются, я кашлянула.

- Оружие, инструменты, - громко сказала я. – Что у вас есть?

Мона пожала плечами.

- Бур, надеюсь, - я не успела уточнить, она подняла властно голову. – Арлен из нас лучший воин, но ему пришлось продать меч в Лилле.

- У меня еще есть Птах, - сказал он.

- Что? – спросила я.

Он ослабил ремешок сумки и вытащил изогнутый кусок дерева, остро заточенный на одной стороне. С той стороны две жемчужины превращали острый конец в клюв на голове птицы.

- Мой атлатл. Хищный птах.

- Атлатл? – я смотрела на диковинное оружие. – Об этом оружии ты говорил? Вы еще его используете?

Его уши покраснели.

- Нет, мы используем мечи и луки, как и все на востоке. И длинный лук, а не ваши плоские и короткие. Но это я успел сорвать со стены, когда начали стрелять по берегу озера.

- У вас есть снаряды для него?

- Парочка.

Я взмахнула рукой.

- Думаю, енота от нашей еды это отпугнет, - он надул от возмущения, но я повернулась к Кольму. – А ты?

Он покачал головой.

- Я не успел ничего забрать при побеге. Есть только нож.

- И у меня, - Мона сжала свою сумку. – Но оружие в любом случае нам мало поможет, да?

- Да, - согласилась я. – Костры в Сильвервуде привлекут всех скаутов в радиусе десяти миль, так что охота отпадает. Пока все будет хорошо, сражаться не придется, да мы и вряд ли выстоим против большого числа противников. Люди по пути в Розмари вполне дружелюбны, а в Сильвервуде не с чем драться.

- Не с чем? – спросил испуганно Арлен. – Медведи, рыси, змеи...

- Попробуй отбиться от рыси атлатлом. Посмотрим, что выйдет. Если не попадешь ей между глаз, дротик будет не страшнее укуса пчелы, - я покачала головой. – Не важно. Рыси не тронут взрослого, а медведей больше интересует, что у тебя в сумке. Змей просто не нужно трогать. Пока никого не ткнешь, не нужно и драться.

- Там всегда есть лесной народ, - сказал Арлен с насмешливым вздохом. Он порылся в мешке с фруктами. – А ты? Какое у тебя оружие?

Я придвинула надбитый серебряный компас на пару дюймов, пальцы лежали на крышке.

- Одна из немногих вещей, что я умудрилась забрать при изгнании. Король забрал мой лук, ранг и титул. Он немного расшатан, но не страшно, - я спрятала компас в мешочек на поясе, и он обхватил компас тканью. – И есть нож, как и у вас. Слушай, хватит есть нашу еду!

- Мы пополним запасы через три дня, - возразил он, я отодвинула мешок с фруктами подальше от него.

- Чем меньше пополнять, тем лучше. Вы еще свой жемчуг не вернули, а я не хочу чинить неводы в каждом городе ради пары медяков, - я затянула свою сумку. – Если мы хотим добраться до озера, на нашей стороне должны быть удача и логика. Не будем подставлять себя еще до начала.

Путь через Пароа вдоль реки Раш можно было назвать приятным. Поздний апрель вел себя хорошо, когда мы добрались до дельты. Солнце нас грело, а ветер приносил сладкие запахи. Берега были полны лилий и нарциссов, а еще телег с разноцветными товарами, что проносились мимо нас в города у реки. Но с каждым шагом мне было все тревожнее. Я сто раз за день проверяла себя, пыталась понять, зачем согласилась на такое опасное задание.

Было сложнее.

Совет короля дал ясно понять, что меня ждет, если я вернусь – повезет, если я увижу конец недели в темнице. Я пыталась подавить страх, что затея не строит риска.

Утром я шла впереди троих спутников. Они были воодушевлены решением вернуться к своему народу, по пути обсуждали детали плана. Разговор проходил в виде смелых заявлений Моны, возражений Арлена, который спорил, казалось, веселья ради. Кольм почти всегда молчал, хотя добавлял тихое слово или фразу, меняя этим весь разговор.

Я не участвовала. У меня не было их уверенности, будто они уже прошли Сильвервуд, будто он не был нависшей темной загадкой. Я заставляла себя обдумывать по шагу за раз, сосредоточившись на дороге перед нами.

- Мэй.

Я вздрогнула. Я не заметила, что Кольм отошел от спорщиков.

- Что?

Он поравнялся со мной.

- У меня есть немного монет. Хочешь купить себе новую обувь на следующем рынке?

Я покраснела, поняв, что он оценил состояние моей изношенной обуви.

- Спасибо, но у них вряд ли есть нужная.

- Какая?

Я подняла ногу, прыгнула, чтобы поспевать за ним.

- Я мягкой подошвой. Похоже, из всех народов востока только мы не носим ботинки с твердой подошвой.

- Тебя изгнали в этой обуви? Она так долго протянула?

Я опустила истертую подошву на землю.

- Ох, нет. Они порвались после второй зимы. Пришлось найти башмачника в Сиприяне, и он сделал мне эти, что стоило мне месяца работы.

- Уверен, кто-нибудь в Переходе Рашера сделает тебе пару.

- Нет, я не хочу тратить время, - я обошла выбоину в дороге. - Я буду в порядке, особенно в лесу. И они мне помогают.

- С чем помогают?

Я указала на дорогу впереди.

- Объяснить этот путь. Если я доведу вас до другой стороны гор, то я куплю новые ботинки.

- Не стоящее риска дело, как по мне.

- Тогда пусть это будет очень хорошая обувь. Может, и новая сумка со спальным мешком, - и лук из маклюры с узорами.

Мне показалось, что я уловила улыбку, но в этот миг Мона позвала его объяснить что-то, что она доказывала Арлену. Он отстал, оставив меня обходить каждый камень и яму.

Той ночью мы были в придорожной гостинице, созданной для путников у дельты. Мы сидели за столом из досок в общей комнате с низким потолком. Кольм перевязывал царапины на руке Арлена, которые он получил, сунув атлатл в куст жасмина. Мона снова изучала карту, которую я набросала. В пути она заплела длинные золотистые волосы в косу вокруг головы, и казалось, что она в короне.

- Какие горы в это время года? - спросила она, отмечая точкой наше местоположение.

- Влажные, - сказала я. - И холодные, по крайней мере по ночам. На высоких хребтах даже может быть снег. И мы можем попасть под дождь.

- Будет ли лед у Частокола?

- Надеюсь, нет. Но сначала сосредоточимся на главном переходе. По проблеме за раз.

Я сделала глоток приторного сидра и огляделась. Здесь было полно других путников, у бара пели и танцевали несколько торговцев. У двоих были маленькие барабаны, у одного - потрепанная укулеле. Другие стучали по бару, самый толстый танцевал с

розовощекой буфетчицей. Мона рассеяно смотрела, ее локти упирались в стол, пальцы были сцеплены под подбородком.

- Ты знаешь, что в такие моменты я больше всего скучаю по Люмену? – спросила она ни у кого конкретно.

- Танцы, - сказала я.

- Нет. Пение. Вряд ли ты знаешь о наших традициях при солнцестояниях.

Я покачала головой.

- Вода вся в лодках, - сказала Мона, ее голос был отстраненных. – Всюду горят фонари, люди усеивают острова. Пока горят фонари, слышно песню, она летит от лодке к лодке, от берега к берегу. Вода ночами отражает музыку, - она смотрела на веселье в другом конце комнаты. Все больше путников подпевало известной балладе.

- Я скучаю по танцам, - сказала я, не подумав.

Мона повернула голову ко мне, подбородок все еще упирался в ладони.

- Я слышала, что твой народ танцует, но не видела. Танцуете рядами?

- И кругами, и парами.

- Ты хорошо танцуешь?

Я пожала плечами.

- Не лучше многих, полагаю. Никто не смотрит, хорошо или плохо ты танцуешь. А ты хорошо поешь?

Она улыбнулась.

- Как все, - она махнула на другую часть стола. – У Кольма хороший голос.

- Я неплох, - сказал Арлен, почесывая царапины. – Я пел на их свадьбе.

- Свадьбе? – я посмотрела на Кольма. – Ты женат?

Весельчаки громко рассмеялись. Буфетчица пошла наполнить кружки, так что толстый торговец танцевал с мальчишкой-конюхом, кружа его как безумное пугало. Кольм смотрел на них без радости.

- Был, - ответил он.

Его ответ закончил разговор, веселье у бара вдруг показалось дешевым. Прошло десять минут, наши чашки опустели. Кольм встал и сообщил, что идет спать. Мона и Арлен пошли за ним. Я задержалась, зашивая шов сумки. На это ушла минута, но я сидела полчаса и смотрела, как веселье угасает, толстый торговец просил играющего на укулеле сменить ритм, а буфетчица начала разгонять гуляк. Я затанула сумку и пошла по лестнице в нашу комнату.

Арлен храпел, но Кольм на соседней кровати был слишком неподвижным и тихим. Я миновала их и устроилась на пустой кровати под окном. Тучи заслоняли часть полумесяца и звезды.

Земля и небо. Я утомленно укуталась в плащ. Путь уже казался сложным. Мне только сочувствия не хватало.

* * *

День ходьбы привел нас в Пок, который был бы таким же непримечательным, как другие городки по пути, если бы не стал прибежищем для бродячих артистов. Другие города были практичными, а этот существовал для веселья. Гирлянды лент и потрепанных флажков висели на деревьях на улицах, продавали разноцветные товары и предлагали услуги. У сплетничающих торговек стояла гора плетеных корзинок, в меньшую поместилось бы яйцо, а в самых больших можно было сидеть. Дети бегали всюду с охапками цветов, уговаривая мужчин и женщин купить букетики для любимых. Некоторые сидели у костров и жарили хлеб поверх углей, предлагали купить горячие кусочки.

Мы брели по улицам, день подходил к концу. Мы упивались видами и звуками. Мы миновали женщину с татуировками, стоящую у круглого вольера и принимающую ставки на то, как быстро она одолеет аллигатора. Мы шли дальше, хор воплей поднялся, когда

она запрыгнула на спину существа. Она схватила его за челюсти, пока он бился. Ее каштановые волосы растрепались. Арлен обернулся, чтобы рассмотреть.

- Любопытное место, - сказала Мона, глядя на мужчину, продающего клетки живых цитомордников. - Я слышала об этом городке, но так далеко мы не ходили.

- Я была здесь пару лет назад на Фестивале Света, - сказала я. - Один из факиров чуть не сжег таверну.

Девушка с лентами в волосах сунула в лицо Моны букетик нарциссов.

- Цветы для мужа?

Мона рассмеялась.

- Мужа нет.

- Тогда для возлюбленного.

- И такого нет. Есть братья, но они, боюсь, обойдутся.

Девушка тут же повернулась ко мне.

- Цветок для милого?

- Прости, - сказала я. - Вряд ли это мне нужно.

Она умчалась прочь, ворча, ее ленты подпрыгивали, она пропала в толпе.

- У тебя есть любимый? - спросила Мона.

- Был пять лет назад. Сейчас - вряд ли, - все эти слова были слишком приторными, чтобы описать сложность тех отношений. Мы остановились у торговки тканью, и я потрогала грязно-зеленый хлопок. - Все это осталось там, пропало со всем остальным.

- Жаль.

Я пожала плечами.

- Это было к лучшему. Его семья ненавидела меня.

- Алый, - сказала торговка.

- Что, простите? - спросила я.

Она погладила сверток ослепительно-красной ткани.

- Алый подойдет твоей медной коже. Твои волосы будут казаться рыжее.

Коричневый тебе не идет.

Я посмотрела на свою потрепанную тунику.

- О. Вся моя одежда становится коричневой.

Мы прошли дальше. Торговец сидел в окружении отрезков кожи, один такой он натягивал на деревянную раму. Делал барабаны. Я постучала по одному барабану, кожа задрожала.

- Используете прутики?

- Что?

- Видимо, нет, - сказала я.

- При чем тут прутики? - спросила Мона, мы пошли дальше.

- Палочками играют. А тут играют пальцами.

- Ты умеешь играть? - спросил Кольм.

- Нет. Брат умеет. Мои родители создают инструменты.

Мона взглянула на меня, склонив голову.

- Да?

- А что такого?

Она пожала плечами.

- Похоже, я и не думала, чем может заниматься твоя семья.

Ее безразличный тон разозлил меня.

- Что тут такого? Они все еще делают инструменты. А ты думала, что я из семьи бродяг?

Она посмотрела на гребни с камнями и улыбнулась.

- Похоже на то.

- Я жила в горах, знаешь ли. Дом, родня... мой старший брат - кузнец, сестра разводит пчел...

- О, не заводись. Я не хотела обидеть. Посмотри на эту брошь, Кольм. Это лазурит.
- Ваши родители, видимо, ничего не делали, да?
- Слова были гадкими, она повернулась и холодно посмотрела на меня.
- Нет, они просто правили страной.

Мы смотрели друг на друга, рынок шумел вокруг нас. Кольм пристально смотрел на брошь с лазуритом. Я поздно поняла, что об их родителях лучше не говорить. Если я все правильно помнила, они умерли, когда Мона была ребенком.

- Простите, - быстро сказала я. – Я не хотела.

- Все хорошо, - сказала она и повернулась к украшениям. Она не извинилась. – Я знаю, что ты имела в виду. В Сильвервуде может быть иначе, но правители Люмена всегда активно занимались страной. Может, тебе это кажется отдыхом, ведь ты из обычной семьи, но там нельзя ошибаться, а народ все время следит. Девизом моей мамы было: «Никто не может быть идеальным, но королева должна вести себя идеально».

Это многое в ней объясняло. Но я молчала, не хотела развивать спор в начале пути, хоть я была затронута семья. Мы с усилием прошли мимо украшений и тишине, попали к лотку с талисманами и символами Света – стеклянными призмами, зеркальными кулонами и резными фонарями.

- Глупости, - с презрением сказала Мона.

Сзади раздался шум, Арлен догонял нас, румяный и радостный.

- Я выиграл двенадцать серебряников, поставив на ту женщину!

- Мило, Арлен. И я рада, что ты мудро используешь наши деньги, - она вытянула ладонь. – Отдай, пока все не потратил.

- Я это заслужил, это мое.

- Не заслужил, и это наше. Отдай.

- Через десять минут бой петухов...

- Точно нет.

Мы быстро пошли по улице, приблизились к группе людей под карликовой пальмой. Кто-то кричал в середине скопления. Мы подошли, и я схватила Мону за руку.

- Стой!

Она хотела стряхнуть мою руку, но замерла, ведь крик донесся до нас.

- ...процветание Седьмого короля – процветание всего востока и не только, друзья! Пророчество Призма – благословение для всех, благодаря алькоранцам, оно разлетится по всем культурам. Друзья, не думайте о Свете, как о чем-то далеком! Это источник жизни, сияющий всюду вокруг нас. Нужно лишь услышать слова Призма, вырезанные на камне в моем городе: «Мы – создания Света, и мы знаем, что идеально...».

- Уходим, - бормотала я, подталкивая их. Я сомневалась, что защитник Алькоро заметил бы Мону и ее братьев, ведь слухов о том, что они выжили, еще не ходили, но лучше было не рисковать. Если он узнает в них людей озера, то придется отвечать на неудобные вопросы.

- Поверить не могу, что целый народ можно так сбить с толку, - процедила Мона. – Как они смеют говорить о процветании и благословении, описывая свои деяния!

- Думаю, они верят, что поступают правильно, - сказала я, мы промчались мимо торговца барабанами.

- Это еще хуже! Убивать невинный народ, узурпировать монархию, поработать людей... Нет, Арлен! – она оттащила его от вольера с аллигатором. Женщина с татуировками завязывала глаза под рев зрителей. – Мы вернемся в гостиницу!

- Ах, Мона, потом будет танцовщица. Говорят, она играет мелодию колокольчиками на бедрах...

- Нет, - ее щеки пылали. – Мне надоел этот город. Нам еще два дня идти до Перехода Рашера, я хочу скорее отправиться в путь завтра утром. Я не буду веселиться тут, пока алькоранцы зазывают людей, а наш народ в рабстве у их гадкого Седьмого короля.

Впервые за этот день я была согласна с Моной.

* * *

Два дня прошли без событий, и мы прибыли к городу у Перехода Рашера. Тут была не такая энергия, как в Поке. Улицы гудели телегами, скотом, ремесленниками и торговцами, все были заняты торговлей. Все главные дороги Пароа и Виндера сходились здесь, таблички указывали путника направления: в Тиктику, вверх по реке к Розмари, на юго-запад к Лейтвош и к Санмартену, а оттуда к Матарики. Дорога шла на север, вела глупцов по тому, что было торговым путем в Сильвервуд. Мы ушли от этого перекрестка и отправились на поиски гостиницы. Нашим планом было пополнить днем припасы, пока дорога занята, а потом свободнее отправиться к холмам Виндера.

Мы сидели в общем зале, поглощали ужин. Я давно не ела родную еду, меня устраивало все теплое, но блюдо с мясом, хлебом и вином было роскошью. Арлен тоже наслаждался, ведь всю дорогу жаловался на то, что я ограничивала их в еде. Мона и Колям держались достойно, их обучила жизнь при дворе, они ели медленно и тихо, но тоже радовались угощению. Мона расплела косу, и волосы свободно ниспадали шелком на ее спину. Двое мужчин с усами сидели в дальнем углу и бросали на нее взгляды, когда волосы поблескивали в свете огня. Я порой смотрела на тех мужчин, надеясь, что их интерес угаснет.

Разговор монархов снова касался стратегии по возвращению Люмена. Мона хотела проверить план, хотела сделать так, чтобы Алькоро никогда не смогли пересечь водные пути Сиприяна, Арлен в этот раз соглашался с ней, но Колям не был уверен, что это возможно.

- Алькоро запутались, Мона, а от этого рождается агрессия. Даже если мы отгоним их на юг, Сиприян не сможет долго отбиваться.

- Но они захватили Сиприян, чтобы подобраться к нашей торговле, чтобы лишить клиентов, - возразил Арлен. – Если бы не желание получить наше богатство, они бы не трогали Сиприян.

Колям покачал головой.

- Алькоро и сами без ресурсов. И король Селено...

- ...простофиля и убийца, - холодно сказала Мона.

- Он безумен. Ты знаешь, что якобы написано в пророчестве. Ты слышала мужчину в Поке. Они думают, что богатство и мощь их народа будет при Седьмом короле Алькоро, и все ожидают, что он приведет их к процветанию. Но их запасы бирюзы закончились два поколения назад, а их поставки кофе затмила Самна. У них осталась только военная сила. Как еще он может исполнить их пророчество? Они не отдадут Сиприян. Они там могут управлять торговлей по водным путям.

- Я знаю, что ты учил историю, Колям, - сказала Мона, - но я думаю, что пора стряхнуть хватку Алькоро с востока. Если Селено развернется к другой стране, а почти у каждого народа защита лучше, чем у Люмена, его могут убить при нападении на кого-то другого, и вера алькоранцев в это глупое пророчество умрет с ним. Они поймут, что веками верили в ложь, и их мощь рухнет, - она провела рукой по волосам, и на них вспыхнул огонь.

Мужчины из угла смотрели на нее. Я – на них.

- Думаю, вам стоит говорить тише, - прошептала я.

Арлен проверял дротики. Он подпер Птаха кружкой, словно давал ему присутствовать при разговоре.

- Нужно прогонять их, - сказал он, не слыша меня. Он поставил дротик на палец. – Нам же лучше, если они падут.

- Они не падут, - возразил Колям. – Они разозлятся, а если падут, то это не на пользу нам. Они больше пятидесяти лет управляли торговлей в Сиприяне. Без чистого пути на юге и связи с Сильвервудом с кем мы будем торговать? Нам нужны их торговцы на водных путях.

- Я не буду торговать с народом, подавляющим наш, - едко сказала Мона. – Сиприян может увозить наше богатство лодками, но я не буду никогда торговать с Алькоро. Ты должен думать так же после их поступков, Кольм.

- Конечно, - яростно сказал он. – Но нужно слушать разум, а не сердце.

- Хочешь сказать... - начала Мона, но я прервала ее, надеясь сделать разговор безопаснее.

- Кстати, я была там.

Мона посмотрела на меня, вскинув брови.

- Ты была в Алькоро? Когда?

- Четыре года назад, за пару месяцев до вторжения. Это была моя первая зима после изгнания, и я брела на запад, надеясь, что там теплее, чем в Виндере.

- И как там? – спросил Арлен, вставляя дротик в клюв Птаха, его жемчужины блестели. – Сухо, да?

- На суше, - сказала я. – Страна каньонов. И оказалось, что зимой там холодно. У берега влажно и теплее, как раз для плантаций кофе. Но они опасаются незнакомцев, а я не могла предложить им умения, за которые мне заплатили бы, так что я вернулась на восток. И зимовала на болотах Сипри.

- Ты бывала в их столице? – один из его дротиков скатился со стола и застучал по полу. – О, реки к морям...

- В Каллаисе? Не доводилось, - я смотрела, как он достает дротик. – Я слышала, что город красивый, с башнями и шпилями на стенах каньона. Может, когда я получу плату, когда вы сорвете их флаги со своих кораблей, я вернусь и поброжу по городу.

Мона прищурилась, но я потянулась и зевнула, чтобы перебить ее, и встала из-за стола раньше, чем она возразит.

- Не знаю, как вы, а я собираюсь спать. Политика меня утомила.

Я пошла по комнате, направляясь к двери, ведущей во двор и к купальням. Ночь была ветреной, и я решила оставить сушку волос теплему ветру. Вместо этого я пошла в уборную. У двери стояла тяжелая каменная урна с пеплом и лопатка с короткой рукоятью, чтобы нейтрализовать запах. Полумесяц таял на небе, двор своим светом не озаряя. И поэтому я не заметила, пока не столкнулась на выходе с двумя темными фигурами. Я резко отпрянула.

Это были торговцы из угла, глазевшие на волосы Моны. И, наверное, слышавшие их планы революции. Я стояла перед ними, понимая, что нож остался в сумке в комнате.

- Привет, - сказала я.

- Не буду тратить слова, - сказал мужчина справа. У него был легкий акцент, из-за которого «о» звучала почти как «е». – Сразу скажи правду. За твоим столом сидели трое путников с золотыми волосами. Это народ озера?

Я смотрела на него. Он был на голову выше меня, что не впечатляло, учитывая мой рост. Его усы завивались на концах.

- Что народ озера забыл так далеко на востоке? – спросила я.

- Да или нет?

- Не знаю. Я не с ними. Мы просто болтали.

- Я не дурак. Ты вошла с ними и оплатила за них комнату.

Ну вот.

- С чего вы взяли, что они – народ озера? Волосы? Вокруг много светловолосых с холмов Виндера.

- Волосы цвета песка и загорелая кожа, но эти трое бледны, как луна, и с веснушками. Необычно. И кто еще использовал бы атлатл с жемчугом? И кто еще говорил бы про реки и моря?

Я поклялась ударить Арлена при встрече.

Усатый мужчина сжал в кулаке мой воротник. Один палец окружало толстое кольцо с камнем с прожилками. Бирюза.

- Если они не с озера, ты бы сразу так сказала. Я просил говорить мне правду. Это пловцы, ловящие рыб гарпунами, из Люмена, и их трое: женщина и двое мужчин, один и бородой. Думаю, - он встряхнул меня, - что, если проверить женщину, у нее окажется под блузкой кулон из жемчуга. Мы слышали сплетни в Санмартене.

- О?

- Аластейры живы, да?

- Ох.

Я вытянула шею и впилась зубами в его кулак изо всех сил. Он отпустил меня, ругаясь. Его товарищ бросился на меня, но я схватила его за предплечье и направила к двери туалета. Он врезался в дальнюю стену, а первый впился в пучок моих волос на затылке. Я надавила на его руку, другу ладонь сложила копьём и вонзила в его горло. Он хрипел, но не отпускал, и я размахнулась ногой, тут пригодилась бы твердая подошва. Я попала ему между ног. Он пошатнулся, взвыл, и я отбросила его к товарищу, захлопнула дверь туалета за ним. Я придвинула к двери урну с пеплом, заперла засовом, ударив по нему лопаткой. Я отбросила лопатку и побежала к двери гостиницы.

Моны и ее братьев не было за столом, и я побежала по общей комнате к лестнице, сердце колотилось в груди. Алькоранцы недооценили меня из-за моего размера и отсутствия оружия, но больше ни так не ошибутся. Мои пряди прыгали по плечам, голова болела на затылке, где он выдернул немного волос. Я перепрыгивала по две ступеньки, добралась до нашей комнаты и распахнула дверь.

Комната была темной, но три головы поднялись от моего резкого появления.

- Вставайте! – выдохнула я. – Все! Скорее.

Мона села, а я начала собирать вещи в свою сумку.

- Что такое?

- Два алькоранца заметили вас внизу. Шевелитесь.

Кольм и Арлен тоже сели.

- Алькоранцы? – повторил Арлен. – Как ты поняла?

- Бирюза, усы и акцент. Без глупых вопросов, - я стащила плащ с Арлена и бросила в него комком.

Мона и Кольм были на ногах.

- Откуда они узнали, что мы здесь?

- Ваше беспечное поведение, представьте себе. И Птах, - я закинула сумку на спину. – Вставай, Арлен, или я тебя...

- Где они сейчас? – спросила Мона, собирая свою сумку.

- В туалете, - я пошла к двери. Остальные шли за мной в разной степени готовности.

- погоди, - Мона схватила меня за руку на площадке. – Куда мы идем? Что ты задумала? Мы не пополнили запасы...

- Нужно уйти дальше двери, - тревожно сказала я. – По проблеме за раз.

Мы спешно спустились по лестнице и вышли в ночь. Вечер был ранним, гостиницы горели огнями, люди наслаждались гостеприимством города. Мы повернули на главную дорогу к перекрестку с указателями.

- Наденьте капюшоны, – сказала я на ходу.

- Куда мы идем? – осведомилась Мона. – Мы не сможем спрятаться от них в пути прикрытыми головами.

- Знаю, - мрачно сказала я, указатели виднелись впереди. – В Розмари идти не стоит, если ходят слухи, что вы живы, нас будут там искать. Сойдем с главной дороги и обдумаем варианты.

Мы поспешили в траву на краю перекрестка. Земля была в кочках и камнях. Свет и звуки города остались позади, а впереди над холмами висел полумесяц. Нас уже не было слышно с дороги, и я остановилась.

- Итак, Розмари не подходит, - я спешно продумывала путь в голове.

- Они знали, что это мы? – спросила Мона, чуть запыхавшись. – Или просто считали нас народом с озера?

- Они были уверены, что это вы. Они слышали сплетни в Санмартене.

Луна толком не светила, и я лишь представила, как Мона едко смотрит на Арлена.

- Что? – возмутился он.

- Они могут сообщить своему кораблю, - сказал Кольм, пока его брат с сестрой не завели спор. – Они могут и не побежать за нами.

- Да, но дальше их может быть больше, - сказала я. – Они могут послать гонцов вперед, к горам, и к своим кораблям. Они могут догадаться, что мы попробуем перейти горы. Могут понять, что я из Сильвервуда, если подумают.

- Торговый путь тоже не подходит, - сказала Мона.

- Да. Придется оставить и другие пути рядом, - я вглядывалась во тьму. Небо кончалось там, где уже не было видно звезды. – Мы можем пересечь Виндер по прямой и попасть к лесу севернее озера Розмари.

- Сколько это займет? – спросил Кольм.

- Четыре-пять дней, наверное.

- Почему не сделать дугу, а потом направиться в Розмари? – спросил Арлен. – Если они не найдут нас на дороге, все равно могут попытаться преследовать.

- Потому что, - осторожно сказала она, - Проблема у нас, похоже, больше, чем пара торговцев, ищущих нас на дороге.

- Какая? – спросила Мона.

- Не думаю, что есть сомнения. Они сообщат королю Селено, что видели вас, живых, в Переходе Рашера, одетых для пути и в обществе кого-то, похожего на серебряного. Они не глупые, что бы вы ни говорили об их короле. Они поймут, что вы возвращаетесь к озеру. И если они начнут действовать раньше, чем мы доберемся туда...

- ...кто знает, что может случиться, - закончила Мона мрачным голосом. – Они могут прислать корабли и солдат для войны.

- Или сообщат о нас Сильвервуду, - сказала я. – Они способны на многое, но это все нам не на пользу. Наши дни сочтены. Нам нужно попасть к озеру раньше, чем слух долетит до водных путей Сипри, что вы живы и идете в Люмен.

Они молчали передо мной. Холодный весенний ветер шуршал травой, по коже бежали мурашки.

- Как изменится наш путь? – спросила Мона после паузы.

- Нужно быстро добраться до гор, - сказала я. – Но переходить их придется дольше. Мы попадем к ущельям восточнее Лампириней, путь будет под наклоном. Но идти в обход к Розмари и по задуманному изначально пути будет дольше.

Мона глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

- Думаю, это лучший вариант. Хорошо. Что насчет этой ночи?

- Пойдем дальше. Нужно миновать больше холмов, отойти от дороги. А потом устроимся на ночлег.

- А провизия?

- Об этом подумаем утром, - устало сказала я и повернулась на северо-запад. – По проблеме за раз.

ГЛАВА 3

Мы двигались по холмам без троп до полуночи, рискуя вывихнуть лодыжки, когда опасность могла нас настигнуть. Я гнала их, пока мы не устроились ночевать под нависающим камнем. Я встала раньше остальных утром и развела костер, наполнила свой котелок из ручья неподалеку. Я бы не занялась этим с утра, но у нас было немного чая, было лучше заварить пакетики до того, как мы дойдем до Сильвервуда. Я заставила спутников спешно завтракать, потушила костер и разбросала пепел, пока они сидели с кружками.

Мы схватили сумки и пошли в холмы, ускоряя шаги, видя пучки травы под ногами. Я шла впереди с серебряным компасом в руке, используя холмы как ориентиры. Холмы Виндера были неровными, обманчиво отвесными, закрывали все впереди и позади нас, помогая и мешая. Птицы с широкими крыльями кружили над нами в небе, пикируя порой за добычей, скрытой в траву. Больше мы никого живого до вечера не видели.

Я оглядывалась на тучи позади нас, отмечая с недовольством, что нам светит провести первый полный ночлег на улице под дождем. С такой тревогой я вела спутников по холму, пока мы не застыли на краю стада кудрявых овец. Они замешкались и заблеяли. Мы подвинулись в сторону, пытаюсь обойти их, но тут из стада выбежали две собаки, лая и рыча. Мы сжались в кучу, а они пригнулись перед нами, скаля зубы. Арлен полез в сумку за атлатлом, но на краю стада появился пастух, обходя своих овец. Он издал пронзительный свист и побежал к нам. Собаки оглянулись на него, их тела все еще были агрессивно напряжены.

- Убери, - шепнула я Арлену. Он убрал атлатл за плечо. Пастух добрался до своих собак. Он был с холмов, высокий и худой, с бородой цвета земли. В руке он сжимал изогнутый посох.

Я кашлянула.

- Добрый день, сэр.

Он разглядывал нас.

- Путники?

Я кивнула.

- Верно. Не воры, - в холмах переживали из-за кражи скота. – Простите, мы не хотели напугать ваше стадо.

Он посмотрел на своих собак, еще скалящихся на нас.

- Тише, Ито. Тише, Пег.

Они выпрямились и насторожили уши. Они сели на землю и смотрели на него, стуча по траве пушистыми хвостами.

- Если идете в Розмари, вы далеко от дороги, - сказал он, указывая посохом.

- Спасибо. Мы не заблудились.

- Нет? Но таким путем вы никуда не дойдете, только к горам, - он посмеялся над абсурдностью этих слов. Не дожидаясь нашего ответа, он кивнул на небо за нами. – Вам лучше найти укрытие. Молния бьет по тому, что выделяется. И вам, и мне лучше уходить.

Мона посмотрела на стадо.

- Думаю, амбар у вас есть?

Он окинул ее взглядом.

- Есть. Но я вас даже не знаю, и я не хотел бы проснуться без овец.

Она открыла мешочек на поясе.

- Мы можем заплатить вам за крышу на ночь и еду, - он вытащила горсть серебра, то, что у нас осталось.

- Мона, мы справимся ночью, - сказала я. – Мы можем укрыться с подветренной стороны холма...

- Я не буду спать под бурей, - сказала она твердо. – Сейчас нам от денег проку нет, и у нас мало еды, чтобы пройти через...

- Я буду ставить силки, - быстро сказала я, заглушая ее, но мужчина уловил слова.

- Через? – повторил пастух. – Через что? Через горы?

Она вытянула руку с серебром.

- Да, через горы. Не спрашивайте, зачем. Это наше дело. Вы дадите нам укрытие и еду?

Он смотрел на нас.

- Я почти пятьдесят лет живу в тени гор, и я еще не встречал того, кто пройдет там больше четверти мили. Люди пытались, конечно, торговаться с королем, но если их не прогонял лесной народ, они терялись среди деревьев, - он покачал головой и забрал из ее ладони пару монет. – Но, как вы и говорите, это не мое дело. Я бы не советовал туда идти, но на голодный желудок вы точно ничего не сможете. Я посмотрю, чем может поделиться Хелли.

- Вы очень щедры. Я этого не забуду.

Он забавно посмотрел на нее, развернулся и повел нас сквозь стадо. Он отошел на пару шагов, и я прошипела ей:

- Веди себя не как королева.

Она пронзила меня сжигающим взглядом, а он бросил через плечо:

- Зовите Тофером.

Мы представились ему, пока шли за ним по склону. Поняв, что мы – не угроза, его собаки бежали у его ног, свесив языки. У дальнего края своего стада он отдал приказ, и собаки побежали среди овец. Тофер свистел, направляя собак, собирая овец в тесную кучу. Мы потрясенно смотрели, поражаясь, как четко собаки отвечают на его свист. Стадо двигалось за нами, он вел нас по протоптанной тропе во впадину среди холмов.

Его дом был в традиционном стиле, земляные стены были покрыты штукатуркой и вжимались в склон холма. Травянистая крыша спускалась к крыльцу с видом на ручей. Ниже по течению стоял амбар рядом с пастбищем с ягнятами. Он направил стадо на пастбище с помощью собак и посоха, а потом повел нас вдоль ручья к дому. Дверь открылась, внутри все было простым, но ухоженным, земляные стены покрывал свежий слой штукатурки.

- Гости, Хелли, - сообщил Тофер, мы прошли в дверь. С кухни донесся вопль, мы пересекли порог и увидели, как пухлая женщина держит брыкающегося ягненка и вливает ему в рот молоко.

- Ой, - сказала она и хмуро посмотрела на мужа. – Из всех ночей...

- Мы не вовремя? – спросила Мона.

- Я не готовила ужин. Даже печь не растопила...

- Путники, Хелли. Другие обычаи. Темнеет, - Тофер кивнул на безлунное небо. – Постная ночь.

- Вы поститесь в новолуние? – спросил Арлен.

- И пируем в полнолуние. Сдержанность и веселье, - он отпер дверь кладовки.

- Я могу сделать кукурузные лепешки, - сказала Хелли, ставя ягненка на пол. – И есть масло...

- Нет, нет, - сказала я. – Не нужно. Крыша и немного еды. Мы не хотим быть обузой.

Хелли встала из-за стола и присоединилась к мужу у кладовки, они вместе вытащили несколько головок белого сыра, сверток вяленого мяса, мешок яблочной кожуры и три банки огурцов в хлебе и масле. Пока они там рылись, маленький ягненок бродил по кухне рядом с двумя собаками, словно один из них.

- Можно спросить? Почему у вас ягненок дома? – удивленно сказал Арлен.

- Родилась крохой, - сказала Хелли, заворачивая сыр в ткань. – Она почти готова выйти на пастбище, но я этого не хочу. Она думает, что помогает Пег и Ито.

Я услышала, как тихо фыркает Мона, и посмотрела на нее, удивленная тем, что она так несдержанна. Но она не смотрела на ягненка. Она увидела резную призму на широком подоконнике. Свет лампы отражался от ее поверхностей. Мона смотрела на призму так,

словно она ее оскорбила. Я посмотрела на людей холмов, но они, похоже, не заметили такую реакцию.

Одна из собак нюхала мои лодыжки, виляя хвостом. Я отодвинулась. Я не понимала желание других культур держать зверей дома. К счастью, Тофер и Хелли быстро завернули для нас угощение. Мы отказались от предложенной склянки молока, зато взяли буханку хлеба и немного клеверного меда на ужин.

- Не очень гостеприимно, - жаловалась Хелли, завязывая сверток сыра бечевкой.

- Этого более чем достаточно, - сказала я. – Вы так добры.

Снаружи заворчал гром. Тофер зажег фонарь, сунул под руку охапку одеял и позвал нас.

- Идемте в амбар, пока небеса не разверзлись, - взяв провизию, мы пошли за ним вдоль ручья. Поднимался ветер, холодный и заряженный, от этого волны шли по траве, первые крупные капли упали, когда мы вошли в амбар.

В отличие от дома, амбар был деревянным, хоть и с брешами между досками, показывая, как мало деревьев в Виндере. Самые большие дыры были забиты сеном и штукатуркой. Мы вошли, несколько куриц цвета ржавчины зашумели в удивлении, бегая под ногами. Тофер повесил фонарь на крючок и кивнул на ряд пустых стойл.

- Сено чистое. Крыша не протекает. Закройтесь, если не хотите, чтобы курицы беспокоили. Остерегайтесь петуха, он клюется. Что-нибудь еще?

- Вряд ли у вас есть новости из Сильвервуда? – Мона опустила сумку.

- Новости? Их нет. Место закрыто, как гробница. Скажу лишь, что новому королю отстреливать нарушителей нравится меньше, чем старому, - он провел рукой по толстой деревянной балке, поддерживающей склад сена наверху. – Мы осторожно ходили за деревом. Мужчины и женщины шли ночью, валили одно дерево и уносили на распилку. Следующей ночью мы проделывали это в другом месте. Теперь можно повалить пару деревьев и распилить там же. Дети даже начали собирать грибы. Не ясно, это новый король мягок, или люди собрались высоко в горах, отрезанные от всего.

Арлен взглянул на меня, наверное, желая увидеть мою реакцию на это. Но я просто сняла сумку с плеча и прислонила к стене стойла. Подходить могли оба варианта, хотя мягким короля Валиена точно не опишешь.

Серый кот прыгнул на дверь, заурчав. Тофер почесал его за ухом.

- Знаю, это не мое дело, но я вас предупрежу. Если хотите торговать, туда не идите. Лесной народ не интересуют предложения чужаков.

- Мы не торговцы, - заверила его Мона.

- Тогда я не понимаю, что делать в горах, - он пожал плечами и пошел к двери. – Мышелову вяленое мясо не давайте, - он указал на кота, с надеждой нюхавшего сумку Арлена. Тофер вышел под дождь и закрыл за собой дверь.

- Хороший человек, - сказала я, расстегивая плащ.

- Даже если он и его народ воруют дерево у вашей границы? – спросил Арлен, отодвигая сумку от Мышелова.

- Это не моя граница. И не так давно серебряны торговали деревом. Мой народ решал, какие деревья валить, и мы садили на их месте новые. Но это прекратилось во время Тихой войны с вашим народом. Наши правители все меньше хотели пускать чужаков в горы, - я пожала плечами и развернула буханку хлеба. – Но Вендер – большая страна, и их проделки не обеспечат весь народ деревом. Если бы у правителей Сильвервуда был разум, они начали бы торговлю. Они хоть смогли бы делать это правильно, - я отломил кусок хлеба. – Это я поняла, проводя среди этих холмов последние пять лет. Поверить не могу, что я так быстро забыла о народе холмов. После пары месяцев на берегу забываешь обычаи других народов.

- Как-то это странно, - Арлен отломил кусок хлеба. – Что значит сдержанность и радость? Свет – не великий пророк, требующий жертв.

- Они видят это немного не так, - сказала я. — Дело в празднике. Так они выражают почитание. У каждой культуры есть что-то такое. У вас нет особого места, где вы видите Свет? Способа поклоняться ему?

- Нет, - сказал он, сбрасывая ботинки. — А что?

- Есть, Арлен, - тихо сказал Кольм. — На закате, когда свет ударяет по водопадам Частокола. Иначе зачем мы поворачиваемся к скалам в конце каждого дня?

Он пожал плечами.

- Наверное, потому что вид красивый.

Мона расстелила одеяло на сене, мы устроились на нем с баночкой меда в центре.

- Честно говоря, я готова с этим покончить. Я даже не уверена, что Свет существует.

Я удивленно посмотрела на нее.

- Как не существует? А солнце, луна, звезды...

- Я не говорю, что света нет, - она осторожно обмакнула кусочек хлеба в мед. — Просто сложно верить, что есть один Свет, вдохновляющий всех вокруг. Выглядит удобно, что каждая культура видит в этом то, что близко их сердцу.

- Циничная точка зрения.

- Да? Подумай, Мэй. Вера Алькоро в Свет привела их к моей стране. И весь бред с пророчеством и Седьмым королем... один народ в дураках, а другой — рабы. Почему Свет считает кого-то выше других?

- Я не говорю, что все правильно, - сказала я. — Но, думаю, что не почитать свет из-за неправильного понимания нельзя. Это повод искать истинное значение Света.

- Может, так. Может, нет.

- Но подумай... А-а! — Мышелов потерялся о мой локоть, пока я открывала флягу. Вода пролилась на мою обувь. — Ненавижу эти виндеранские фляги. Все бы отдала за деревянную горлянку, - я отогнала кота, выходящего у моих ног пушистой змеей. — Кыш, уходи!

Мона ухмыльнулась.

- Не любишь котов?

- Коты должны быть на воле, - сказала я, убирая руку, когда он выгнул спину, чтобы потереться о мою ладонь. — Как и другие звери.

- У твоего народа нет скота? — спросил Арлен, протягивая пальцы к носу кота.

- Есть немного. Индейки, пчелы, рябчики, перепела, кабаны. Но почти все семьи при этом охотятся. У нас же нет берега для овец или коз.

- Но вы не торгуете, - Мона покачала головой. — Такой странный народ. Закрытый.

- Знаешь, что? Зато нас никто не захватил.

Ее лицо стало мрачнее бури.

- Не смей так со мной говорить. Ты не имеешь права.

- У меня прав не меньше, чем у тебя. Я не твоя подданная, Мона. Так что не относись ко мне так.

Она посмотрела на меня свысока.

- О, Мэй, я так и не делала.

Я яростно оторвала корочку хлеба, свернула спальный мешок и ушла в другое стойло, не хотелось находиться в ее обществе больше, чем необходимо. Амбар стонал от ветра. Снаружи кудрявые овцы собрались под навесом, стряхивали воду с ушей. Я развернула спальный мешок и легла, слушала, как дождь хлещет по стене амбара. Так было, пока глупый кот не устроился комком у моего плеча, заглушив все звуки своим урчанием.

* * *

Я проснулась от вопля петуха утром. Мышелов ушел ночью, но оставил на моем плече слой серой шерсти. Я села, отряхиваясь. Арлен еще храпел, и я тихо пробралась мимо их стойла, вышла из амбара, чтобы умыться в ручье.

Я была удивлена тому, что проснулась не первой. Мона была у ручья с Хелли. Ее золотые волосы висели мокрыми на спине, она держала контейнер, куда Хелли загружала склянки молока. Хелли говорила с ней, Мона хмурилась. Я подошла, и она кашлянула, взглянув в мою сторону, перебивая женщину.

- Благодарю, Хелли, - Мона отдала ей контейнер. Хелли поставила его в судок в ручье, поприветствовала меня и пошла к дому, вытирая о фартук бутылку молока.

- Что это было? – спросила я.

- О, просто разговор, - она взмахнула рукой. – Она предложила нам завтрак.

Хелли решила исправиться за нехватку горячего ужина, погнала нас за стол на завтрак из яиц, гренков с маслом, черники, горячих бисквитов с мой кулак размером. Она отказалась от наших денег, сказав, что лишь выражает гостеприимство, упущенное ночью. Ягненок прыгал по комнате, блеял и стучал копытцами, пока Хелли готовила ему молоко. Призма сверкала в лучах утреннего солнца, бросая осколки радуги на стол. Один такой упал на чашку Моны, и она отодвинулась, кривя губы.

После завтрака мы убрали со стола и поблагодарили Тофера и Хелли за доброту. Ягненок проводил нас до двери, лизал росу с травы. Мы попрощались, закинули сумки за плечи и направились к туманным холмам.

- Что ж, - сказала Мона, когда домик пропал за холмом. – Этот вес нам тащить на себе, - она поправила сумку. – Нужно съесть эти головки сыра. Они тяжелые.

Я обдумала, что нам дали Тофер и Хелли.

- Лучше съесть консервы. Банки потом пригодятся для добычи.

- Какой добычи? – спросил Арлен. – Я думал, мы не можем охотиться в Сильвервуде.

- Не можем. Мы будем ставить силки, когда попадем в лес. Мы будем достаточно далеко, и наш дым не заметят.

- Что? – Мона искренне удивилась. – Ты все еще собираешься ставить силки?

- Конечно, - я взглянула на нее. – Ты же не думаешь, что пары банок и головок сыра хватит на весь путь к озеру?

Я не хотела унижить, но она оскалилась.

- А ты обеспечишь нас? Что ты поймашь? Лося?

- Мы можем и собирать еду, - раздраженно сказала я. – Если делить еду с умом, мы дойдем до Частокола.

- Что можно собирать? – спросил Арлен. – Орехи? Ягоды?

- Не то время года, - сказала я, сверяясь с компасом. – Травы. Лук. Сморчки, если повезет.

- Но все это сомнется в сумках, - фыркнула Мона.

- Потому нам и нужны банки, - сказала я, не скрывая ухмылки в голосе.

Она фыркнула, поправляя сумку. Склон стал отвеснее.

- Ты можешь хоть вести себя благодарно, - сказала она. – Если бы это была ты, мы бы мокли всю ночь, не получили бы еду. Я нам хоть что-то добыла.

- Я благодарна. Но это не отменяет факта что на весь путь еды не хватит.

Она цокнула.

- Видимо, твой народ во всей помощи ищет минусы.

Я повернулась к ней, мы приближались к вершине холма.

- Прости, что? Я не против помощи. Я не мешаю вам тратить деньги на роскошь, если вы того хотите.

- Крыша в бурю – не роскошь.

- Конечно, да? – парировала я, выглядывая из-за Кольма, вставшего между нами. – Помните, Ваше величество, что вы все равно промокнете в пути! И проголодаетесь. Может, вас даже ужалит пчела. Или не хотите страдать, можем вернуться в уютную гостиницу в Розмари, пока нас не найдут солдаты короля Селено.

- Не, - холодно сказала она, - говори мне о страдании.

Я открыла рот для ответа, но мы добрались до вершины холма, и слова умерли в гортани. Земля обрывалась перед нами, впервые мы увидели склоны гор, тянущиеся к небу. Они изгибались, как складки одеяла, брошенного на пол, бледно-голубые и далекие. Вид заставил меня замереть. Сердце трепыхалось, как рыба без воды. На миг усталость пяти лет пропала, оставив радость.

Другие тоже остановились, чтобы перевести дыхание. Кольм смотрел то на меня, то на горы.

- Как давно ты их не видела? – спросил он.

Я встрепенулась.

- Видела? Не так давно. Я была в Розмари пару месяцев назад, - я глубоко вдохнула. – Но они всегда застают врасплох, как бы часто я в ту сторону ни ходила.

- Почему не остаться в Розмари? – спросил Арлен, поправляя лямки сумки, а не глядя на горы. – Если вид для тебя так важен, почему не поселиться в городе у границы?

- Я пыталась какое-то время, - сказала я, рассеянно крутя компас в ладони. – Я работала на добыче мрамора пару месяцев, пока они не нашли кого-то сильнее меня. В Розмари толком ничем не займешься, и пришлось уйти в поисках работы. А еще, - сказала я, скользя взглядом по знакомым вершинам, - не всегда просто быть у границы, зная, что не вернешься.

- Чем скорее мы туда дойдем, тем скорее вернешься, - сухо сказала Мона. Она смотрела на горы, вскинув голову. – Куда дальше?

Я отвернулась от нее, якобы определяя направление по компасу. Пузырь спокойствия надулся во мне при виде дома, и я не хотела, чтобы она его сейчас лопнула.

* * *

Мы ночевали в кустах, где скрывался козодой, шумящий до рассвета. Мы не поспали, и на следующий день путь был тяжелым. Холлы без деревьев стали монотонными, горы не становились ближе с каждой вершиной. Следующей ночью мы прятались под камнями от дождя, пытаясь уснуть. И вот, следующим днем, мы пошли по плавному подъему, ведущему к подножию гор. Деревья торчали местами, вскоре спутались в чащи, а потом стали плотной стеной.

Мы добрались до леса.

Ручей поприветствовал нас, расширился в пруд, обещавший каменистое дно. По грязным берегам бегали ящерицы, виднелись и другие следы. Я обрадовалась и оставила спутников ловить рыбу в воде, а сама пошла в край леса за добычей. Я развесила силки в подходящих местах. На обратном пути я нашла дикую морковь, которую еще можно было есть, и я собрала ее в плащ с горстями листьев одуванчика и луком. Это, а еще найденные лисички и пойманные окуни, стали хорошим ужином. Мы сидели сыто у костра, напряженная атмосфера предыдущих дней рассеялась.

Удача была с нами. Следующим утром силки были полны добычи, и мы весь день коптили зайца, белку и рябчиков, чтобы взять с собой. Я жалела о потере меха и костей, но не было времени на их обработку, и я не хотела таскать их с собой по горам. Я разбросала их по лесу, благодаря каждое существо за свою жизнь и извиняясь за трату даров.

Я чистила зайца в угасающем свете, оставалось приготовить только это. Кольм сидел у аптечки, связывал букетики пряностей и веточек березы, результаты лежали рядами перед ним. Мона, как я заметила, сидела поодаль и разделяла приготовленную еду по сверткам и мешочкам. Я уже посмеялась над ней за отказ чистить мою добычу, когда ее народ всю жизнь собирал жемчуг из ракушек, но она не ответила. Она заплела волосы вокруг головы, снова превратив их в корону.

- Не знаю.

Я оглянулась, Арлен смотрел на склоны, свободно сжимая атлатл в руке.

- Что ты не знаешь?

Он указал на лес.

- Просто не знаю. Мне это не нравится. Здесь так закрыто. Я уже ощущаю себя муравьем в траве. Как ты тут определяешь путь?

- Для того у нас компасы, - сказала я. - Но со временем разбираешься.

- Я привык видеть небо.

Я подняла голову. Звезды поглядывали с синего неба, солнце давно скрылось за горами.

- Мы смотрим на звезды с деревьев и скал, - я посмотрела на темноту на востоке. -
Лето почти здесь. Вон его звезда.

Кольм свернул аптечку.

- Летняя жемчужина, - сказал он. - Я Люмене ее обычно не видно до раннего утра, когда она показывается над вершинами гор.

- Мы зовем звезду Светлячок-кавалер, - сказала я. - Он отмечает начало сезона светлячков. Его спутница ждет его на небе, - я указала на самую яркую звезду в изогнутом скоплении.

Кольм посмотрел туда.

- Мы зовем то созвездие Гусем. Он украл из озера жемчужные бусы, и они тянутся за ним.

- Мы говорим, что это медведь, за которым гонятся светлячки, - сказала я.

- Зачем светлячкам преследовать медведя? - спросила Мона.

- Зачем гусю жемчуг? - парировала я.

- Это жутко, - Арлен нас не слушал. Он отвернулся от леса и пошел к огню, сел в стороне от дыма. - И не говори, что твой народ не боится.

- Почему ты так говоришь? - спросила я.

Он опустил локти.

- У вас разные названия. Я видел твою карту. Лысый череп. Гора Пелена. Призрачная гора.

- Гора Голубого призрака, - исправила я. - Светлячки.

- Они не голубые.

Я смотрела на него.

- Голубые.

- Они желтые.

- Некоторые из них. А некоторые голубые. Голубые призраки. Ты их не видел? - я взмахнула руками, удивляясь, что это важную часть моей культуры они не знают. - Они не мерцают. Они все время сияют голубым и парят, - я показывала рукой. - На горе их тысячи каждую весну и лето, и когда они летят... - я ощутила знакомое старое чувство, вспоминая ежегодное событие, самое волшебное в мире. - Они как река света, беззвучная, текущая по лесу. Они озаряют деревья, их свет очень сильный. Мы прекращаем все, пока они летят, и мы сидим на ветвях над ними, играем музыку и танцуем, - я видела, что он не впечатлен. - Ты не знал о них? - я посмотрела на Кольма. - Скажи, что ты слышал о них.

- Я знал, что твой народ видит Свет в светлячках, - сказал он. - Я не знал, почему их звали голубыми призраками.

- Совсем? - спросила я.

- Помни, твои правители не рады чужакам в своей стране уже лет сто, - сказала Мона. Но даже ее раздражение не досаждало мне.

- А синхронные светлячки? - спросила я у Кольма. - Они подстраивают мерцание, - я помахала пальцами в воздухе. - Мерцают одновременно. О них вы слышали?

- Нет.

- Ох, - я хлопнула ладонью по лбу. - Великий Свет, вы не представляете вид... Вот бы знать, где они летят в этом году. Лучше всего их видно у водопада у дворца в Лампириней. Мы зовем его Огнепадом из-за того, что разные виды светлячков - голубые призраки, синхронные, желтые и зеленые - парят у берегов, как угли над водой.

Арлен потянулся и почесал голову Птахом.

- Вряд ли мы пойдем туда смотреть их. Не хочется попасться королю из-за жуков.

Я сжала ладони на коленях. Я хотела трясти его за плечи до скрежета его зубов за то, что он считал мой народ пустым. Я вонзила нож в зайца, с силой потянула шкурку. Я уже пять лет не праздновала появление светлячков. В последний раз я видела голубых призраков как раз перед тем, как мои глаза завязали извиняющиеся королевские стражи. Это я видела напоследок. Магия призраков угасла, как вся радость, которой меня лишил старый король.

ГЛАВА 4

Мы собрались следующим утром, погасили огонь и разбросали пепел. С подарками народа холмов и своей добычей мы повернулись к склонам без троп перед нами. Я держала компас в ладони, нашла направление, позвала троих спутников и пошла в лес.

Было приятно снова оказаться в лесу. Меня окружил темный, насыщенный и знакомый запах, птицы пели на ветвях, их голоса были понятны, как мой язык. Мелочи, о которых я почти забыла, удивляли меня на каждом шагу – радужный блеск стрекоз, белые лепестки лапчатки, крохотные следы мышей у ручья. Даже земля была знакомой под моими ногами, мягкая подошва ступала по слоям старой листвы. Я глубоко вдыхала ароматный воздух. Я была дома, наконец-то, я была там, где должна быть.

Но скоро я вспомнила о реальности. Я была нарушителем. Я строго говорила себе, что не имею права быть здесь. Я стиснула зубы, поправила сумку, шаги удлинились, мое недовольство росло. Я нырнула под куст рододендрона, думая о том, что бы мне хотелось прокричать на могиле Вандалена. Может, его старые советники еще продолжали его дело по превращению скаутов в лесных убийц. Может, они пытались расшатать короля Валиена. Хмурясь, я шла среди переплетенных кустов, ненавидя то, что я превратилась во врага своей страны.

- Черт, Мэй, медленнее!

Я замерла от крика Арлена и обернулась. Они были в десяти ярдах от меня, Мона – первая, за ней Кольм. Она хмурилась, глядя на длинный порез на своем предплечье. Арлен пытался высвободить сумку из лоз. Кольм, как самый высокий, вытирал грязь со лба, успев задеть им ветви рододендрона.

- Что такое? – спросила я.

- Ты идешь слишком быстро, Мэй, - раздраженно сказала Мона. – Из-за тебя мы попали в шиповник.

- Почему не обошли? – я посмотрела на спутанные ветви с шипами.

- Мы не знали, что это, пока не столкнулись!

Я смотрела, как они борются, получают царапины, пытаюсь освободиться. Наконец, они добрались до меня у ручья.

- Сколько дней я обещала вам на поход по горам? - я не удержалась.

- Не зли нас, - холодно сказала Мона. – Ты – наш проводник. Ты должна направлять нас, а не убегать от нас, - она потирала руку. – Медленнее. И предупреждай об опасности.

Я пожала плечами и повернулась к ручью.

- Хорошо. Попытаюсь.

Через час я поражалась тому, что были опытные путешественники, ничего не смыслящие в Сильвервуде. Мои спутники могли задерживать дыхание в холодной воде почти на пять минут, но в горах они были рыбами на камнях. Лес потрясал их. Они не могли отличить ядовитый плющ от лаконоса, шершня от бражника. Они не выглядывали паутину под деревьями, и они не собирались идти тихо.

- Великое пылающее солнце!

Арлен был хуже всех, и я развернулась, яростно шепча, пока он метался, как мышь на когте:

- Ты не можешь тише?

- Вы выращиваете таких больших пауков? – он содрогался, водя руками по волосам и плечам. – Они размером с мой большой палец!

- Радуйся, - парировала я. – Иначе вас съели бы комары. Просто смотрите под ветки.

- Я смотрю под пылающие ноги!

- Тогда хоть не вопи. Король Валиен услышит тебя с трона в Лампириней, - я пошла по берегу ручья.

- Когда мы остановимся на обед? – спросила Мона. – Уже почти полдень.

- Я надеялась пройти дальше, где этот ручей пересекается с ручьем Выпей-чай.

Я слышала по голосу Арлена, что он закатил глаза.

- Ох и названия у вас.

Я застыла.

- Заткнись.

- Не смей мне приказ...

- Нет, - перебила я и развернулась. – Заткнись и слушай.

Они замерли, и звуки леса окружили нас. С вершин деревьев четко доносился приказ, две ноты, как маятник, и трель. Выпей-чай! Выпей-чай!

- Тауи, - сказала я тихо. – О нем нам рассказывают одним из первых в детстве.

Фебы тихо так чихают,

Гаичка себя называет,

Тауи скажет выпить чай!

Сойка повторит это, знай!

Я посмотрела на деревья, увидела черную голову, красные плечи и белую грудку. Прекрасная птица.

- Все наши названия что-то означают, Арлен. Гора Пелена всегда подернута туманом. Лысый череп – купол камней, что возвышается над деревьями. Овраг Королепад – место, где сто лет назад упал и сломал ногу король. У всего своя история.

Мы слушали песню еще мгновение, а потом я повернулась без слов и пошла к другим деревьям на склоне. Минуту мы шли в тишине.

- Реки к морям, - сказал Арлен. – Теперь я все время их слышу.

Я мстительно улыбнулась.

* * *

Тем вечером мы остановились у каскада камней, покрытых мхом и папоротником. Несколько желтых светлячков мерцали у воды, они искали себе пару. Мы были в паре миль от места, где я хотела остановиться на ночь, но спутники так вспотели и покрылись царапинами, у них так болели ноги, что мне пришлось сдаться.

- Уверена, что нельзя разжечь огонь? – спросила печально Мона, глядя, как рыбки носятся под водой. – Мы далеко от поселений твоего народа.

Я покачала головой.

- Безопаснее жечь костры у Лампириней, ведь дым смешается с остальным. Скауты короля следят за горами у границы, они сразу заметят нарушителей. Дым привлечет их.

- Никак не пойму, - сказал Арлен, жуя кусочек вяленого мяса. – Почему твой народ такой недоверчивый?

- Ты не изучал историю?

- Учил, - сказал он. – И все равно не понимаю. Похоже, началось это со смены правителя триста лет назад.

- Двести лет назад, - исправил его Кольм.

Арлен отмахнулся.

- Важно, что оригинальная монархия была утеряна. Род королей и королев Светлой эры закончился, и народ слабее забрал корону. С тех пор принимались плохие решения.

- Дело не в передаче короны, - сказала я. – Закончилось серебро в шахте, торговля в горах стала хуже, а окружающие народы начали нападать на страну.

- Нападать? – повторила Мона. – Не было нападений.

- А как назвать то, что народ холмов валит деревья на границе леса без разрешения? Как назвать то, что ваш народ, Ваше величество, пытался построить дорогу в южных горах без нашего согласия? Это как нам строить мосты на вашем жемчужном дне?

- Твой король повышал тарифы на торговлю через лес, - возразила она. – Нам было все дороже отправлять богатства в дельту, и нам нужен был доступ к южным портам.

- И к чему это вас привело? Пришли алькоранцы. Конечно, они захватили Сиприян, чтобы быть ближе к озеру, ведь вы ошиблись, отправляя жемчуг по водным путям.

- И все равно все из-за твоих правителей, - сказал Арлен. – Потом нашли новую серебряную шахту, но вы отказались сотрудничать с озером.

- Тогда только закончилась война между нами! – парировала я. – Ваш народ должен был успокоиться, но ваши границы остались закрыты навсегда!

- Пелдален, - тихо вмешался Колям.

Я, торжествуя, указала на него, глядя на Арлена.

- Верно, - сказала я. – Король Пелдален. Его убили в стычке с бандой народа холмов, валящих лес, всего сорок пять лет назад! Ваш народ отводил реки на Частоколе, который принадлежит нам, пару лет спустя. Разве странно, что королева решила закрыть границы? Наши правители лишь пытались защитить народ и ресурсы!

- Уж очень многое ты прощаешь короне, изгнавшей тебя, - отметила Мона.

- Я же говорила, это был Вандален. Он воспринял наставления своей матери слишком серьезно. А вы говорите о том, что было задолго до его правления. Я не имею ничего против королей и королев прошлого, кроме того, что после них появился Вандален. Это он извратил все, даже защиту леса.

- Может, все изменится, - сказал Колям. – Может, его сын все исправит.

Арлен широко развел руки.

- Что изменилось? Что? Мы в пути, успех которого на пользу Сильвервуду и Люмену, но мы ползем по горам, как преступники. Король Валиен должен почетно встречать нас и пытаться восстановить отношения, если он думает о лучшем для подданных.

- И ты бы ему поверил? – сказала я. – После веков стычек и споров ты поверил бы его слову?

- Нет, - сказала Мона. – Его отец пытался убрать алькоранцев из Люмена, чтобы заполучить мой трон. Но его при этом убили.

- Может, Валиен научится на ошибках отца, - предположил Колям.

- За пару месяцев после гибели отца? – сказала Мона. – Он, наверное, еще скорбит.

Я фыркнула. Мона посмотрела на меня.

- Прости, - сказала я.

- Он еще не успел понять свои убеждения, - продолжила она. – И Мэй сказала в Тиктике, что он будет под давлением двора. Старый совет Вандалена захочет убедиться, что их влияние сильно, и если они поддержали вторжение в Люмен при старом короле, могут повторить это с новым. Так что предложения Валиена вызвали бы у меня вопрос, не продолжение ли это игры его отца.

Я потянулась.

- И кто теперь недоверчивый?

- Я не отрицаю этого. Королева не может доверять всем подряд.

- Кроме уопленников, умеющих пользоваться компасом.

Она стряхнула грязь с рукава.

- Ты скаут, Мэй, еще и изгнана. Ты не политик, не правитель. У тебя нет влияния в Сильвервуде. У тебя личные мотивы. Богатство и, подозреваю, шанс быть снова полезной. Ты не предашь меня, не предав себя.

Я недовольно смотрела на нее. Во мне кипели возражения, но я перевернулась и собрала свой спальный мешок. Во второй раз в пути я ушла подальше, чтобы не выпалить то, о чем пожалею. Разозленная, я опустилась среди папоротников. Светлячок пролетал мимо, пока я укутывалась в плащ. Я хотела кричать на нее, подавить ее высокомерие, но не могла.

Потому что она была права.

На следующий день мы прошли больше, хотя Арлен постоянно жаловался, как его плащ промок от росы, и что шум мешал ему спать. Я старалась не слушать его, ведь ему вечно что-то не нравилось.

Я старалась изо всех сил.

Мы шли вдоль ручья Выпей-чаю под пение тауи, а потом покинули берег и ушли на запад. Лес постепенно менялся с темных рододендронов на болиголов и лиран. Земля была усеяна зеленью и оранжевыми цветами лирана, мы часто проходили мшистые пни, оставшиеся от вырубки.

Наш разговор был бодрым, мы деликатно избегали всего, что было связано с годами вражды между нашими народами. Вопросы и приказы Моны были краткими и величавыми, а я воздерживалась от других слов, кроме описания земли, по которой мы шли. До следующего дня ничего не происходило.

Я была в двенадцати футах над землей на дереве, держалась коленями за ствол, пока привязывала веревку. Мы ночевали в сосновом бору, ароматном, но колючем под ногами. Тут не было ветвей, на которые можно было повесить еду. Мне пришлось натянуть веревку между двумя стволами, чтобы наши сумки были защищены. Закрепив веревку, я съехала по стволу. По пути я задела рукой комок смолы, текущей из ствола. Я замерла. Свет угасал, было сложно видеть, и я склонилась ближе. Я посмотрела, щурясь, на сосны вокруг меня.

- Что ты делаешь?

Я посмотрела вниз. Арлен был под деревом и смотрел на меня.

- Ничего. Проверяю сосны. Привычка, - я спускалась дальше. – Тебе что-то нужно?

- Что ты проверяешь?

Я потеряла липкую руку.

- Нет ли болезней. Отмирающих участков. Но тут есть смола, хвоя зеленая. Это хорошо. Значит, они отгоняют жуков.

- Что это значит?

- Как это понимать? Если дерево будет заражено, пострадают и другие деревья. Больные деревья нужно срубить до того, как их заразят. Почему ты на меня так смотришь?

- Нельзя же проверить все деревья в лесу?

Я вскинула брови.

- Ну, мы не ходим от дерева к дереву. У каждого Лесничего есть отряд скаутов, который проверяет определенный участок. Слабые сосны – то, что они ищут.

- Seriously?

- А ты что думал? – пылко спросила я, проходя мимо него.

- Ничего толком, - он пошел за мной. – Я думал, вы наблюдаете за птицами.

Я фыркнула и села в паре футов от Моны, штопающей прореху в плаще.

- Мы – защитники леса. Мы следим за таким. Потому нас зовут скаутами. Что? – он потрясенно смотрел на меня.

- Это же лес, - он помахал руками и сел у ствола сосны. – Разве он не заботится о себе сам?

- Если бы это был просто лес, он позаботился бы о себе, - я расшнуровала ботинок. – Но на горе живут тысячи людей, и все мы вредим. Оползни, загрязнение ручьев, излишняя охота, а еще влияние серебряной шахты. Если вырубить много деревьев, лес умрет, гору размочит, погибнут люди. Если загрязнить ручей, пропадут насекомые и травы, а там и рыба. Лесная стража и Лесничие созданы, чтобы следить за таким.

- А что насчет убийств путников-чужаков? – бодро спросила Мона. – Это есть в списке обязанностей?

Я пронзила ее взглядом.

- А что? Кого-то убили?

- Это ты мне скажи, - сказала она, делая идеальные крохотные стежки. – Но пару лет назад, до вторжения, я получила очень смешное письмо, где меня предупреждали, что скауты короля Вандалена получили приказ убивать чужаков в Сильвервуде. Возможно, тебя в это время уже изгнали.

Кольм рядом с Моной с любопытством смотрел на меня. Я перевела взгляд на ботинок.

- Думаю, они пытались остановить вырубку лесов и охотку возле наших границ. Так говорил совет. А Вандален хотел, чтобы мы отвлеклись от шахты, чтобы ослабили наши ограничения на нее.

- Так ты тогда еще была скаутом?

Я теребила потрепанную кожу ботинка.

- Когда отдали приказ, я еще была Лесничей.

- погоди, так нас убьют? – Арлен отодвинулся от ствола. Я думал, что нас могут схватить и допросить, а не убивать на месте. Скауты короля Валиена все еще убивают нарушителей?

Я вернула ботинок на ногу.

- Не знаю, какие у него приказы.

- Тофер говорил, что народ холмов уже не гоняют, - сказал Кольм.

- Валиен на троне всего пару месяцев, была зима, - сказала Мона, обрывая нить зубами. – Меньше шансов, что люди будут у границы. Вряд ли что-то изменилось.

Арлен покачал головой и прижался спиной к сосне.

- Плохая кровь. Плохое правление. Мэй, признай, корону передают не той семье. Может, если повезет, род изживет себя. Может, Валиена убьют рано, и новая семья заберет трон.

Что-то вспыхнуло во мне, но я не могла рассказать об этом трем королевичам, уверенным в своем праве возглавлять страну.

- Не рассчитывайте на это. Валиен хитрый, он не рискует. Я знаю. Я жила во дворце. Он лучший мечник, чем был его отец и дед. Он отчаянный. Он знает, что или все потеряет, или все обретет, - я вдохнула, взяв себя в руки. – Если он решит заполучить корону Люмена, он это будет делать умнее отца, поверьте.

- Что ж, - спокойно сказала Мона, разглаживая шов на плаще. – Он не получит ее без боя, а я до него точно доберусь. Я не нежничая с теми, кто хитрит со мной.

Я перекатилась, прижалась лицом к хвое и укутала плащом плечи.

- Ты ни с кем не нежничаеть.

* * *

Я резко проснулась ночью от знакомого звука: шорох, шуршание и кряхтение рядом с местом нашего ночлега. Я мысленно застонала. Если Мона проснется и увидит медведя у наших мешков, ее визг разбудит весь лес. Я подняла голову, убывающая луна смогла озарить в просветы между деревьев темный силуэт в тенях. Я замерла, глядя, как большая голова нюхает землю.

Там ничего не было. Наша еда висела на деревьях. Мы не использовали мыло несколько дней. Уходи, медведь.

Он сделал несколько шумных шагов по ковру из хвои и поднял голову к мешкам. Он оттолкнулся и встал на задние лапы, двигал носом в воздухе. Но я высоко натянула веревку. Он громко пыхтел, а потом опустился на землю со стуком.

Уходи. Уходи, пока королева не проснулась и не сорвалась.

Он снова понюхал воздух. Он медленно, замирая, пошел в нашу сторону.

Мы лежали по парам головами друг к другу. Медведь был ближе всех к Арлену, который лежал на животе с головой на руках. Мона была с другой стороны от него. Медведь опустил голову к земле в паре футов от бедра Арлена. Он понюхал.

Кольм был между мной и медведем, лежал на спине с одной рукой под головой. Я осторожно выпрямила ногу и ткнула его носком. Он дрогнул, но не проснулся.

- Кольм, - прошептала я. Медведь поднял голову и фыркнул. Я ткнула его снова. – Кольм.

Он с выдохом проснулся.

- Не пугайся, - тихо сказала я. – Не кричи. Рядом с Арленом медведь.

Он моргнул пару раз, но молчал. Я видела, как его голова склонилась, он искал взглядом зверя, замершего у бедра Арлена.

- Я попытаюсь увести его, - сказала я. – Мне нужно, чтобы ты медленно поднимался вместе со мной.

Он кивнул. Медведь фыркнул. Мона пошевелилась.

- Привет, мишка, - сказала я обычным голосом. – Привет.

Медведь отпрянул. Я медленно села.

- Садись, Кольм, - сказала я тем же ровным голосом. – Привет, мишка. Мы большие. Большие и неинтересные, - Кольм приподнялся на локтях. – Здесь ничего для тебя нет. Кольм, растяни плащ. Мишка, видишь, какие мы большие?

Медведь отпрянул на пару неуверенных шагов. Он фыркнул. Я увидела в свете луны, как Мона открыла глаза.

- Не кричи, - резко сказала я.

Она не кричала. Она громко охнула и села. Медведь фыркнул снова.

Арлен, к сожалению, был не таким сдержанным. Он пошевелился и поднял голову.

- Пылающее солнце! – он вскочил на четвереньки.

Медведь бросился.

Мона закричала. Она сорвалась со спального мешка в сторону.

- Не беги, Мона! Нет, Арлен, убери это!

Но он уже поднял Птаха, лежавшего у его локтя. Он выстрелил, вскакивая со спального мешка.

Медведь застыл перед ним. Арлен в спешке искал второй дротик. Я не видела, куда попал первый. Медведь ударил по земле двумя лапами.

- Опусть, Арлен!

Он снова взмахнул атлатлом, но в спешке и темноте плохо прицелился. Дротик вонзился в переднюю лапу медведя. Он бросился снова. Арлен отпрянул, ползя спиной вперед среди плащей и спальных мешков.

Я была на ногах, растянула плащ над плечами, как крылья летучей мыши.

- Уходи, мишка! – кричала я. – Уходи!

Но я не интересовала медведя. Он боролся с Арленом, а тот вспомнил о ноже на поясе. Ловким движением он выхватил нож и вонзил в плечо медведя.

Медведь завопил и стукнул Арлена тяжелой лапой, отбрасывая его. Дротики вылетели из его руки, Птах пропал в кустах. Он перекатился на бок, держась за руку.

Кольм был у дальнего края поляны. Мона, застывшая в центре нашего лагеря, побежала к кустам. Медведь помчался за ней. Она кричала.

- Стой, Мона! Не беги!

В темноте я не видела всего, что произошло дальше. Медведь пошатнулся, застыл. Он развернулся полукругом, пошатнулся и рухнул на ковер из хвои с тяжелым стуком. Он хрюкнул пару раз и затих.

В пяти шагах от него стоял Кольм с Птахом в руке. Два новых дротика попали в шею и между глаз медведя.

Повисла густая тишина. Мона выглядывала из-за дерева, прижимая руку к груди. Арлен лежал на боку, держась за руку. Кольм медленно опустил атлатл. А я стояла, сжимая в кулаках плаз, прижимая ладони к голове.

Я посмотрела поверх темной туши медведя на Кольма, неожиданно ощущая предательство.

- Он не должен был умереть! Не нужно было убивать его!

- Он погнался на Моной, - сказал он.

- Потому что она побежала, - я повернулась к ней. – Потому что ты побежала! – я повернулась к Арлену. – А ты ужалил его дротиком!

- Он напал, - зло сказал Арлен, садясь.

- Это был блеф!

Он убрал ладонь от руки и показал мне.

- Он ранил меня!

- Когда ты ранил его! Великий свет, он вел себя так, как и ожидалось! Ты его спровоцировал и получил ответ, - я указала на Мону. – Ты побежала, и он погнался. Так ведут себя медведи!

- Извиняться не буду, - холодно сказала она, выходя из-за дерева.

Я прошла к Арлену, схватила его за руку и рывком подняла на ноги.

- Ударишь, и я дам сдачи, - яростно сказал он.

Я сунула руку в карман его штанов и вынула горсть яблочной кожуры.

- А я говорила, - процедила я, - что ночью в лесу бывает всякое.

- Я забыл о них, - сказал он. – Я хотел отдать их тебе, когда мы заговорили про больные сосны.

Я развернулась и подошла к медведю. Я потянула за дротик. Он вылез наполовину и застрял.

- Они с зубцами, - сказал Арлен. – Дротики. Их нужно вырезать.

Я бросила в него кожуру, прижала плащ к глазам, хотелось кричать. Земля и небо, этому нас сразу учили как скаутов. Многие, попав в королевскую стражу, уже знали, как вести себя при встрече с медведем. Я думала, что и их этому учили, но они могли хоть послушать меня. Я пару раз резко вдохнула, пытаясь направить гнев в полезное русло. Я медленно убрала плащ от глаз и посмотрела во тьме на Кольма.

- Прости, - тихо сказал он. – Но медведь ранил Арлена и мог ранить Мону.

Я выпустила воздух, что держала в себе. Я все равно злилась на него, не что-то в его прямом и серьезном заявлении заставило меня подавить остатки гнева. Я отмахнулась.

- Это сделано. Но мы не можем оставить в нем дротик. Никто из моего народа не убил бы медведя, чтобы бросить его гнить в лесу. Скауты увидят птиц, что слетятся на падаль, и нам не нужно, чтобы они узнали дротики атлатла.

- Я их вытащу, - сказал Кольм.

- Хорошо. Арлен, сиди там, я принесу аптечку.

Я пошла во тьму к дереву с нашими мешками, и я услышала тихие слова Моны:

- Выстрел был хорошим, Кольм.

Я резко вдохнула, заставила себя идти к дереву, а не взрываться от гнева. Я забралась по стволу, хвоя била меня по лицу в темноте. У веревки я замерла, прижала лоб к липкой шершавой коре. Я вдыхала запах сосны.

Три дня. Три дня в Сильвервуде, а я уже думала, как же мы дойдем до конца, не убив друг друга.

* * *

Раны Арлена были небольшими, но глубокими, и я какое-то время промывала их. Когда я закончила и перевязала его руку, как только могла в темноте, я заставила всех собираться. Они почти не возражали – идти ночью никому не хотелось, но Мона не могла спать рядом с медведем, даже если он был мертвым. Или из-за того, что он был мертвым. Мне было все равно. Мы ушли из соснового бора по горе. Почти через час мы добрались до подходящего участка земли. Конечно, тут, в отличие от бора, были камни, где-то рядом жил скунс. Спали мы плохо.

Шли мы все так же медленно.

Следующие дни мы поднимались по склонам, и на меня тяжелым плащом легло неожиданное одиночество. Мона и Арлен не скрывали своего презрения к горам. Виды и звуки, что были мне старыми друзьями, пугали их, как скрежет сов, разбудивший нас ночью. Через пару дней я возвращалась от ручья с флягами и увидела, как Арлен бьет палкой кусты. Он перебил мои возмущения, заявив, что где-то рядом рысь. Раздалось горловое мяуканье, и он просиял, торжествуя. Я хотела задушить его. Он принял за хищника олененка, прячущегося в кустах, зовущего маму. Я в ярости заставила их перейти в другое место, чтобы лань могла вернуться к своему испуганному ребенку.

Когда они не возмущались, я видела безразличие. Мое сердце потеплело вечером, когда мы остановились в кольце ложного огня, что виднелся на гниющем дереве в

темноте. Но Мона и Арлен не были впечатлены, они тыкали плесень ботинками, ворча, что тут нет съедобных грибов, не сияющих в темноте. В результате разговора я снова ушла в сторону, спала в мягком свете, озаряющем лес.

Кольма я понять не могла. Если он и разделял недовольство брата и сестры, я этого не видела. Он старался сохранить мир, добавлял мягкое слово в наши разгоряченные разговоры, чтобы ослабить напряжение. Он помогал мне в мелких делах без просьбы. Он не жаловался. Он смотрел на ложный огонь. Но радость тоже не показывал. Может, он все еще искупал вину за медведя. Я почти хотела, чтобы он дал понять, на чьей он стороне. Но он оставался непоколебимым, как камень. Удивительно, но меня это расстраивало.

За годы изгнания я научилась подавлять тоску по знакомым лицам, голосу, что разделял мой взгляд на лес. Было легко в городах у рек и портов вести себя как еще один чужак, гость, который не может ничего дать. Но здесь, дома, я ощущала одиночество сильнее, чем на восточных холмах. Порой перед тем, как открывать глаза утром, сны возвращали меня в детскую спальню, в бараки, где в окна лились песни птиц. Мое прошлое выбиралось из тумана: форма, завтрак, походы. Но через пару ударов сердца вуаль пропадала, и я лежала на земле в лесу, кутаясь в грубый плащ, с кожаными ботинками, сделанными далеко от дома, и деревья смотрели на меня, сжавшуюся у их стволов, с вопросом на листьях.

Что ты здесь делаешь?

Кольм подошел ко мне в один из вечеров. Я не знала, что меня выдало: частые взгляды на Голый улей, скалу было видно отсюда, или он догадался, что что-то меня беспокоило. В общем, он заговорил со мной:

- Где мы, Мэй?

Я оглянулась на него.

- Где в пути?

- Нет, в горах.

- Мы в перешейке между двумя вершинами. Там гора Пелена, - я указала во мрак. – Вон там – Голый улей.

- Ты оттуда?

- Ох, - это так очевидно? – Да. Я жила в Лампириней семь лет, - я снова посмотрела на Голый улей. – Но да, оттуда моя семья.

- Они еще там?

Я смотрела на гору, черную в темнеющем небе. Если прищуриться, можно было подумать, что видно мерцание фонарей на склонах, озаряющих деревянные хижины во впадинах. Я подумала о своей сестре Сэре, которая куталась в марлю, выкуривая пчел дымом. Мейка – кузнец. Джол, барабанщик, пошел по стопам родителей. И Персэ. Милый Персэ мог сыграть мелодию слаще песен птиц на любом инструменте.

- Надеюсь, - сказала я.

- Ты их видела после изгнания?

Разговор набирал темпы. Я кашлянула.

- Нет. Первый год я приходила к границе леса и жгла большие костры. Тогда большая часть королевских скаутов была моими друзьями, и они приходили проверить, что за дым, и я передавала письма своей семье. Но Вандален узнал и приказал им прекратить это, - я смотрела на гору, шурясь. – Моя сестра была беременна, когда меня изгнали. Я хотела прийти домой на ее роды.

- Они с тобой попрощались?

Я покачала головой.

- Думаю, им сообщили, когда я пересекла границу леса.

- Мне жаль.

Я посмотрела на него, лицо скрывали сумерки. Кто-нибудь из моего народа, темнокожий и темноволосый, уже слился бы с темнотой, но золото его волос еще было видно в тусклом свете.

- Спасибо, - сказала я. Не знала, было ли меня слышно.
Я надеялась, что он услышал.

ГЛАВА 5

Земля вскоре стала резче, ее прерывали глубокие овраги, разрывающие лес. Эти трещины были скрыты кустами, были скользкими, а внизу были заросли рододендрона. Мы едва ползли, приходилось спускаться в эти овраги и подниматься по ним.

- Как же бесит, - сказал Арлен, мы отдыхали на дне очередного оврага перед подъемом по другой стороне. Он, как и все мы, был покрыт грязью от борьбы с рододендронами. – Их нельзя обойти?

- Через многие есть мосты, - сказала я, сверяясь с компасом. – Но использовать их рискованно, нас могут поймать. Так безопаснее. Никто не ходит по оврагам так, как мы, это слишком утомительно.

- Это точно.

Мы добрались до последнего оврага слишком поздно вечером, уже не хватало света дня, чтобы добраться до другой стороны. Мы с неохотой устроились на ночлег на камнях размером с дома, покрытых дюймовым слоем мха. Место было приятным, лучше многих, где мы ночевали с начала нашего подъема. Мы лежали на подушках из мха, передавали друг другу сыр и яблочную кожуру, смотрели, как небо становится розовым и золотым.

- Морской народ видит Свет в закате, да? – спросил Арлен, сложив руки за головой.

- Рассвет, - сказала я. – С берегов виден восток.

- О, верно. Рассвет.

Я повернула голову к нему.

- Вы жили три года у берега. Ты забыл?

Он пожал плечами.

- Наверное, я толком не замечал.

- Ты никогда не вставал так рано, - сказала Мона.

Он потянулся.

- Пожалуй, да, - желтый светлячок пролетел мимо нас, не желая ждать наступления тьмы для поиска пары. – Мы еще не увидели синих светлячков, Мэй.

- Не видели. Сложно понять, где они будут пролетать, кроме Лампириной.

- Ты сказала, что в них твой народ видит Свет, - сказала Мона. – Но разве они не бывают только летом? Что вы делаете остальную часть года?

- Мы видим его и в фосфоресцирующем свете, - сказала я. – Он появляется осенью. Так что мы видим его с ранней весны до первого снега. А зимой мы отвлекаемся на фестиваль Появления.

- Фестиваль...?

- Это из их истории, - сказал Кольм, пальцы были сцеплены на груди, он смотрел на небо. – Как наш Надводный пир.

- Ах, - улыбнулся Арлен. – Да. Полольщики мха.

- Не груби, Арлен, - возмутилась Мона.

- О, будто ты сама так ни разу не говорила, - он повернул голову ко мне. – Это история, в которой вы выкопались из земли?

- В какой-то степени, - я сверлила его взглядом. – Забавно, как мы умудрились придумать недельный фестиваль света из таких истоков.

Он зевнул.

- Расскажи. Все равно больше нечего делать.

О, он подкалывал меня.

- Нет, я не буду рассказывать, если ты собираешься просто насмехаться.

Кольм перевел взгляд с неба на меня.

- Я бы хотел услышать. Я только читал об этом в описаниях от других народов.

Я опустила голову, сжала пальцами мох. Кольм послушает. Он не будет смеяться. Я решила, что притворюсь, что рассказываю ему, а Арлена и Моны тут нет.

Появление лесного народа

- Жизнь началась глубоко в земле. Все было погребено в земле, тихое и неподвижное. Первые из нашего народа лежали среди других растений и животных, просто существовали в пустоте. Мы были тихим народом, боялись давящей земли и крошечной тьмы. Но мы были хрупкими и неумелыми, мы не знали, что за тьмой и тишиной что-то есть. Веками мы лежали во мраке.

Но другие существа были умнее нас. Они ощутили зов Света над нами, они искали путь из тьмы. Одно за другим, существа и растения использовали навыки и силу, что копилась в них, и оставляли нас позади.

Первым на притяжение Света ответил мох. Он выбрался из почвы, первое живое существо, выбравшееся из глубин. Он так поразился теплу солнца и сиянию луны, что просто сидел на вершинах гор, покрывая голую землю. После мха выбрались другие растения: травы, кусты, а потом и деревья, которые так хотели к Свету, что тянулись все выше и выше, чтобы достать его.

Животные последовали за ними, извиваясь, выкапывая путь на поверхность. Но мы не могли подняться к Свету. Мы не знали, как. Теперь мы не только были в земле, но и остались одни, брошенные всеми живыми существами. Мы горевали из-за своей судьбы, скрытые под давящей землей.

Но другие существа не забыли нас. Первыми на помощь пришли дождевые черви, они разрыхлили землю вокруг нас, помогая нам двигаться. Потом кроты научили нас использовать руки, чтобы копать землю. Корни растений вели нас наверх, пока мы не выбрались на поверхность, появились на Свет на коврах из мха.

Мы были потрясены, все еще испуганные, обнаженные, открытые. Пылающий Свет над нами казался слишком ярким, режущим. Мы цеплялись за землю, прижимались лицами ко мху, подумывая вернуться в знакомые глубины. Первый день угас, ночь накрыла нас, и мы очарованно смотрели на то, как Свет не пропал полностью. Под деревьями лес сиял фосфоресцирующим светом. Светлячки парили среди кустов, желтые, зеленые и голубые. Это придало нам смелости. Они наделили нас уверенностью. Они дали нам желание остаться над землей, и когда наступил рассвет, мы подняли уставшие глаза к солнцу снова, наш страх ослабевал.

Наша родня не бросила нас. Растения показывали нам медленно и терпеливо, как сидеть, деревья показывали, как стоять, как тянуться руками к Свету. Цикады учили нас использовать голоса, хоть они были хрипылыми, неприятными. Птицы помогли нам сделать речь приятной, создать слова и фразы, придать им значение. Богомолы показали нам первые неровные шаги. Олень научил нас бегать.

Мы учились у медведей собирать ягоды и травы, а горные коты показывали, как охотиться. Пауки учили нас прясть нити, чтобы укрыться, а муравьи показали нам строить. Травы и кусты помогали нам исцеляться. А потом, когда мы отточили эти навыки, требующиеся нам для выживания, пчелы показали нам, как танцевать, как выражать радость и благодарность.

И мы танцевали, радуясь новой жизни. Мы были в долгу перед жителями гор, которые научили нас жить на Свету. Мы почитаем тех, кто вдохновил нас остаться на земле: светлячков и света на земле. Мы помним, что не мы – хозяева гор, мы – ученики и заботимся о них. И мы помним, что мы не сами выбрались сюда.

- И мы празднуем неделей танца, которая заканчивается великолепной ночью, - сказала я, закончив. – Она начинается, когда гаснет свет. Двое детей, мальчик и девочка, избираются каждой зимой, чтобы играть первых испуганных людей леса. Мы зажигаем фонари, изображая светлячков, и мы разбрасываем угли для света на земле. Пока историю рассказывают, появляются танцоры в ярких одеждах, показывая пару, что овладела навыками. В конце все танцуют, и мы не останавливаемся до утра.

- Черви учили твой народ двигать руками и ногами? – посмеивался Арлен. – Не очень-то вы себе льстите, да?

Мои щеки пылали, но Кольм ответил раньше меня:

- Не в том смысл. Просто они ничего себе не присвоили. Ничего не принадлежит им, ни навыки, ни изученные искусства, ведь этим они овладели с помощью и вдохновением их родины.

- Это очаровательно, – сказала Мона. Пузырь моей благодарности от слов Кольма вдруг лопнул.

- Очаровательно? – повторила я.

- Думать о каждом звере и растении, о навыках, которым они могут научить. Забавная история.

Я зашипела, как лягушка с пухом на языке.

- Это не забавно. Это урок скромности и уважения. Мы все еще учимся у гор. Это не осталось в прошлом. Мы все время делаем это.

Она взмахнула изящно рукой.

- Конечно. Я не критикую. Наша история происхождения тоже фантастична. Мы якобы зародились в иле на дне озера, а потом ухватились за пузырьки, чтобы всплыть на поверхность. Это подчеркивает прагматизм и знание окружающей среды.

Я уставилась на нее, не зная, что именно тревожило меня в том, как она говорила о мифологии своего народа. Она взглянула на меня из-за тишины, прочитала выражение моего лица.

- О, ладно тебе, Мэй. Ты же не веришь, что началась с земли? Как родились первые люди? Как они дышали? Что они ели? Как муравей научил их строить, а растения – лечить?

- Думаю, мы не верим в это дословно, - сказала я. – Конечно, это упрощено и приукрашено. Но мы верим, что научились у каждого существа в горах...

- Да, да, - терпеливо сказала она. – Ты только подтвердила мои слова. Ты веришь в метафору. Это как с нашей песней о том, как мы собрали первую жемчужину, - она ткнула плечо Кольма носком. – Спой, Кольм. Давай.

Он неуютно заерзал.

- Не думаю, что...

- Давай.

Он нахмурился, глядя на лиловое небо, и начал:

Первая жемчужина

- Под водами озера жемчуг лежал,

Прекрасно на солнце блистал.

Лежал он на тьме, в глубине и прохладе.

Народ наш не мог его взять.

И звери смеялись с первых шагов,

Мы в воду с опаской вошли.

«Вот если б вы были умелы, как мы,

В глубины б спустились легко».

«Вот если бы вы, - водомерка сказала, -

Скользили, как я, по воде,

То сразу добрались до места, где жемчуг,

Чтоб каждый его увидал».

«Вот если бы вы, - сказал выдры малыш, -

Ныряли под воду, как я,

То сразу доплыли бы до глубины,

И жемчуг забрали б себе».

«Вот если бы вы, - тут окунь сказал, -

Как я выживали в воде,

Вы смогли бы дышать там и жемчуг достать,

Чтоб каждый его увидал».

«Вот если бы вы, - гагара сказала, -

*Ломали ракушки как я,
То вы жемчуг достали б, приз свой забрали б,
Чтоб каждый его увидал».
Король с королевою были мудры,
За зверями следили они,
Они думали, строили только ночами,
Чтоб звери не видели их.
Чтоб скользнуть водомеркой, построили лодку,
Толкнули ее по воде.
Чтоб нырять, словно выдра, учились часами
С водою над их головами.
Чтобы плавать, как окунь, долго не дышали,
В себе развивая терпенье.
Чтоб ракушку открыть, как клювом гагары,
Они взяли с собою ножи.
Король с королевою приз получили,
Открыли ракушку, и там увидали
Размером с яйцо и с блеском луны,
Жемчуг невиданной красоты.
Звери притихли от изумленья
От хитрости умных людей,
Они научились всему, и отныне
Жемчуга собирали они.
«Пусть так и знают, - сказали монархи, -
Создания суши и вод,
Что озера люди сильны и умелы,
Хитрее всех их умов».*

- Немного сократил, Кольм, - сказала Мона, пока я не успела похвалить богатство его голоса при пении. – Ты пропустил бобра и рака. Но не важно. Смысл остался. Эту песню поют детям на ночь. Мы растем с ней. Но никто не верит, что звери смеялись над первыми людьми озера. Мы любим указывать на умения зверей и говорить, что сами придумали это. Мы верим в метафору, а не в реальность песни.

- Это скорее колыбельная, - отметил Кольм.

- Но есть похожие песни не для этого, - сказала она. – «Баллада над водой» длится час, первый куплет вырезан в камне у пристани озера. Но многие считают это причудливой легендой, а не историческим фактом.

- И ты не веришь в мифологию, не веришь в Свет, - сказала я. – Во что ты веришь, Мона? Только в себя?

- Я верю в осязаемое, - мрачно сказала она. – Я верю в качества и силу своего народа, в свою роль в своей стране.

- Знаешь, кто еще в это верит? – спросила я. Мои следующие слова будут грубыми, но я не удержалась от сравнения. – Король Селено из Алькоро. Он тоже верит в свою роль.

- Я разозлилась бы, если бы не знала, что ты пытаешься меня уколоть, - сказала она. – Селено не верит во что-то конкретное. Он верит в бред, произнесенный сотни лет назад. Он верит в пустые слова и заявления. Он ни во что не верит. И это поддерживают все вокруг него, от королевы до подданных. Все они хотят верить в правду слов на камне в Каллаисе. Если бы они не верили в это, во что тогда они верили бы? – она махнула на небо над нами. – Так и со Светом, нас вдохновляет закат, и мы зовем его великим, считаем живым, хотя это просто наши глупые разумы хотят, чтобы это были не только красивые огни на небе.

- Ты никогда не пыталась понять, что делает Свет? – сказала я, раздраженная ее едкими словами. – Ты быстро заявляешь, что это напрасно и глупо, но подумай, чем бы

был мир без этого. Солнце поднимает растения с земли. Луна двигает воды океана. Звезды помогают путникам. Я бы не называла это просто красивыми огнями на небе.

- Потому что мы, люди, придумали, как использовать их для своих целей, - сказала она. - Мы сами связали жизни с огнями, потому что это было логично. Но это не значит, что огни разумны, что они направляют нас по незримому пути. Мы чтим их, потому что они полезны для нас.

- А мой народ? - спросила я. - Светлячки? Красивые, но их нельзя назвать полезными. Почему мы чтим их? Если все должно быть полезным, почему мы, люди, ищем красоту? Красота бесполезна.

Я думала, что победила, что сказала в этот раз последнее слово. Но она повернулась на бок, спиной ко мне и звездам.

- Я никогда не считала вас разумным народом, - сказала она.

Еще одна безрезультатная ночь.

* * *

Несколько дней спустя опасность прошла совсем близко. Мы шли к последним оврагам, после них оставался долгий подъем по главной гряде, по хребту гор. Нам везло с погодой и местностью, лишь несколько раз прошел небольшой дождь, лес был открытым. Мы как раз перебрались через камни, покрытые мхом и обрамленные густыми зарослями азалии. Я сверялась с компасом, королевичи были за мной, что-то обсуждали. Я нашла метку и прятала компас в мешочек, когда тихий шум долетел из-за камня.

- Тихо, - резко сказала я.

Мона и ее братья замолкли. Это уже доказывало, что мы сблизились, ведь они слушались меня, оценивали мою тревогу, не задавая вопросов. Через миг мои страхи подтвердились. Я поманила их безумными жестами за сплетение азалий.

- Наденьте капюшоны, - прошептала я, толкая их в кусты. - Замрите. Ни звука, - я пролезла к ним, пригнулась и смотрела в просветы между ветвей.

Через полминуты три фигуры появились чуть ниже нас, пересекали камни тихими точными шагами. Они были в формах Лесной стражи - туники цвета мха, коричневые короткие штаны, кожаные пояса с инструментами. На их ногах были кожаные сапоги с мягкой подошвой и бахромой на лодыжках. На их спинах висели легкие сумки, на их бедрах были колчаны, полные стрел с перьями индеек. С ними были плоские луки.

Я узнала в ближнем скауте друга по бараку, он был старше меня на пару лет. Других я не знала. Я скользнула взглядом по склону, отмечая признаки нашего присутствия: сдвинутый камень тут, примятый мох там. Они шли по нашему пути, последний скаут посмотрел на землю, и сердце замерло в моей груди. Но он промолчал, они пошли дальше без остановок, пересекли камни быстро и тихо, пропали в лесу на дальней стороне.

Я мысленно ругала их за то, что они не обращали должного внимания на округу. В таком отдаленном месте следы активности требовалось исследовать. Но это ощущение подавила радость. Нам очень повезло, что мы встретились на каменной поверхности, а не на влажной земле. Повезло, что они тихо говорили, выходя из леса, повезло, что ветер дул в нашу сторону, а не в их, и он принес их слова, а не наши.

Столько везения.

Я задерживала дыхание, пока они не скрылись в лесу. Через пару ударов сердца я поверила, что они ушли. Мы выждали еще минуту, а потом я выдохнула с тихим шипением.

- Скауты? - едва слышно прошептала Мона.

- Да, но они не активно искали что-то, и среди них не было Лесничего. Они идут на юг, так что, думаю, они возвращаются в Лампириней с задания в северном лесу. Странно... обычно тут редко ходят. Многие используют тропу у оврага.

- Ты их узнала?

- Только одного. Мы делили барак. Но это ничего не значит. Если бы я была одна, я могла бы уговорить их пропустить меня. Но я веду трех незнакомцев по стране, которую

они защищают, и этому они не обрадуются, - я вдохнула, стараясь замедлить биение сердца, проверила еще раз склон. – Хорошо, теперь тихо. Говорите как можно меньше. Мы будем все ближе к тропе, ваш акцент выделяет вас, как ворона среди крапивников.

* * *

Мы добрались до края последнего оврага, и я поняла, почему три скаута шли по склону, а не по тропе. Я прошла мимо колючих сосен и замерла, покачиваясь, на краю неожиданной пропасти. Почва покатила из-под моей ноги, я сделала несколько шагов назад, впилась в сосну. Мой рот раскрылся.

Там, где раньше был пологий склон с лесом, теперь была открытая рана, тянущаяся в стороны от нас. Я смотрела на ущерб, а земля обваливалась даже без вмешательства. Кусты рододендрона на дне были в обломках. Десятки мертвых сосен усеивали склон, как груды хвороста.

Гнев нахлынул на меня, я сжала дерево дрожащей рукой, замечая ряды дыр, оставленных вредителями-жуками. Я посмотрела на красную сухую крону. Это дерево тоже скоро умрет. И весь лес продолжит обваливаться в этом районе, пока не превратится в озеро земли.

Арлен присвистнул, они присоединились ко мне.

- Это все усложняет.

Мона отпрянула от ручейка земли.

- Мы можем это обойти? Пересечь севернее или южнее?

Им не было дела. Никому не было дела. Никто не думал, как легко можно было предотвратить такой поворот. Никто не думал, что ручей внизу больше никогда не будет чистым. Никто не думал о существах, что попали под обвал земли. Никто не думал, что это была основа работы Лесничих.

Моей работы.

Я недовольным воплем я отломала сухую ветку, за которую держалась, и бросила в рану в земле. Она упала с неприятным шлепком в густую грязь.

Краем глаза я увидела, как Мона вскинула брови, но мне было все равно. Я развернулась, растолкала их и пошла по пути, откуда мы пришли.

- Идемте, - сказала я. – Отойдем от края, пока он не обвалился.

Мы ушли к здоровым деревьям. Я остановилась и вытащила компас, сверлила взглядом стрелку. Кольм, шедший в конце группы, догнал меня.

- Мне жаль деревья, - сказал он.

Компас дрожал в моей руке.

- Я проверяла этот склон в начале обучения. Мы знали, что он неустойчив. Когда Вандален заставил нас сосредоточиться на склонах ниже, мы все равно отправляли туда скаутов, чтобы следить за деревьями, - я закрыла компас и вдохнула. – Они явно прекратили это делать.

Мона и Арлен поравнялись с нами, я видела, что Мона все еще осуждает меня за срыв.

- Так что нам делать? – холодно спросила она.

Я вдохнула, пытаясь взять себя в руки.

- Севернее идти нет смысла. Скауты, которых мы видели, шли с севера, так что там перехода нет.

- А южнее?

- Это может сработать...

- Но?

- Но там мост, - сказала я, задумчиво хмурясь. – Туда должны были идти те скауты. Мы попадем к мосту до того, как дойдем до конца оползня. Его используют редко, но теперь, чтобы обойти этот кошмар, люди могут ходить там чаще, - я прикусила губу, тревожась, что придется вести Аластейров к дороге скаутов.

- Мы можем пересечь мост быстро и пропасть в лесу? – спросил Кольм.

Я выдохнула.

- Придется. Слушайте. Времени на паузы не будет, ясно? Мы дойдем до моста, переберемся и убежим оттуда. Никаких разговоров, ничего глупого. Мост старый, придется идти по одному друг за другом.

- Думаю, мы справимся, - сказала Мона.

- Надеюсь, - сказала я, поворачивая на юг. – Иначе это ужасно беспечно.

Я повела их вдоль оврага, подальше от края, что обваливался. Они молчали, но все еще умудрялись отыскать способ хрустнуть всеми палками и ударить по каждому камню, что мы проходили. Я думала о земле впереди, тропа за оврагом повернет на юг, как только мы пересечем мост. Мы могли пойти сразу в лес, продолжить путь на запад и надеяться, что нас никто при этом не заметит.

Надеяться и молиться.

Я была рада, увидев, что у моста не было признаков недавнего использования, кроме тех трех скаутов. Но я все равно заставила Аластейров скрыться в тени, пока я пригнулась у ели, разглядывая овраг. Я была уверена, что в любой миг из леса появится отряд скаутов. Но прошло несколько минут, никто не появился, и я поманила ребят, сердце трепетало в предвкушении.

- Хорошо, - шепнула я им. – Нужно быть быстрыми, ясно? По одному. Через мост и в лес. Идем.

Я вышла из-за деревьев и пошла вдоль оврага, пересекла открытое пространство. Не замирая на краю, я запрыгнула на канат, поставила сапоги так, чтобы бежать выгнутой частью стоп. Схватившись за две веревки на уровне талии, я побежала над оврагом. Дул ветер, и канат под моими ногами раскачивался, но я испытывала переходы и страшнее. Я добралась до середины моста без криков, без стрел, свистящих в воздухе. Еще несколько шагов, и я почти перебралась. Я посмотрела на лес. Ни движения, ни шепота. Я добралась до конца моста и спрыгнула на другую сторону. Я развернулась.

И чуть не закричала от возмущения. Мона не шла по мосту за мной, начав в миг, когда я спустилась. Она стояла на той стороне, раскрыв от потрясения рот.

- Иди! – отчаянно прошептала я, надеясь, что мой голос слышно. Я не хотела кричать.

- Ты говорила мост, - воскликнула она тихо, но не достаточно.

- Что ты...

- Это, - возмущенно сказала она, - не мост.

- Великий Свет!

- Это канат, Мэй!

- По нему ходят! – я указала на канат над оврагом. – Держись за веревки по краям!

- Не могу.

- Земля и небо, Мона! Хватит глупить! Так мы всегда пересекаем овраги! Идем, пока никто не показался!

- Мы можем идти на юг. Мы найдем, как перейти овраг.

- Нет, - яростно сказала я. – Дальше на юг поселения. Мы здесь, и мы перейдем. Ты ничего не изменишь, Мона.

Если бы я так не злилась, я бы обрадовалась ее смятению, но она не вовремя решила развалиться. Я видела такое пару раз у новых скаутов, часто те, что задирали нос выше всех, не справлялись с первым переходом. Я отчаянно посмотрела на Кольма, размахивая руками. Он понял и поднял ее на мост.

Я не слышала, что он сказал ей, но видела, как она глубоко дышит сквозь сжатые зубы. Она смогла поставить ногу на канат.

- Это невозможно, - сказала она.

- Я только сделала это, да?

- Это безумие, - рявкнула она.

- Другую ногу, Мона, давай. Вот так.

Она схватилась за веревку и подвинулась на дюйм над оврагом.

- А если канат порвется?

- Порвется, если не поторопишься, - сказала я.

Зря я так сказала. Она сжала веревки так, что побелели костяшки, зажмурилась. Я проверила лес за собой.

- Мона, - сказала я, отчаянно размышляя. – Расскажи о своей семье.

- Что?

Так мы порой делали со скаутами, которые расклеивались при переходе. Заставляли их отвечать, отвлекали мысли, и ноги двигались дальше.

- Расскажи о Черном панцире. Какого цвета ваше знамя?

- Я знаю, что ты делаешь!

- Говори со мной, Мона! Какого цвета ваше знамя? Не помню.

- Голубое. Голубое с белым, - она сделала шаг. – Два скрещенных камыша, окруженные двенадцатью жемчужинами, - еще шаг.

- Почему двенадцать?

- Из-за двенадцати островов, конечно, - еще шаг.

- На каком острове ты живешь?

- Мы не... Черный Панцирь на берегу! Ты это знаешь! Я знаю, что ты делаешь! – она снова застыла.

- А твои родители, Мона? Как их звали?

- Ты знаешь их имена!

- Думаешь, я помню все мелочи вашей истории?

- Мирна, - сказала она, продвигая ноги чуть дальше. – Королева Мирна и король Каэл.

- Кто лучше нырял?

- Отец. Он был главным советником по добыче жемчуга, пока не женился на моей матери.

- Хорошо, - сказала я, она продвинулась еще немного по канату. Она прошла четверть пути. Я оглянулась. – Какую самую большую жемчужину ты находила?

- Великий Свет, не знаю...

- Любимый цвет жемчуга?

- Серый.

- Серый?

- Как поверхность озера зимой.

- Мило. Любимая озерная птица?

- Не знаю...

- Любимая рыба?

- Это бред! – она замерла снова, впившись в веревки.

Мне нужно было найти правильную тему.

- Я никогда не видела твою корону, Мона. Расскажи о ней. Думаю, там был жемчуг?

- Двенадцать жемчужин, как на знамени, - хорошо, она снова шла. – Белая, из серебра. А по форме похожа на волны.

Я не очень-то разбиралась.

- И с ней идут украшения?

Она прошла половину пути. Но тут поднялся ветер, и канат закачался под ее ногами. Она вскрикнула, согнула ноги, пытаясь зажать веревки под руками.

Я пыталась придумать подходящую тему.

- Ты сказала, твой народ поет над водой. Когда вы это делаете?

- Во время солнцестояния, в другие праздники... Надводный пир, например. Свадьбы, похороны, - она зажмурилась.

- Встань, Мона. По шагу за раз.

Она выпрямилась и подвинулась вперед, не открывая глаза.

- Один начинает, - сказала она без вопросов. – Они стоят на лодке посреди озера, у них зажжен фонарь. Лодки вокруг них подхватывают песню, когда слышат ее, зажигают при этом фонари, - она шагала, набирая скорость. Глаза все еще были закрыты. – Песня добирается до берегов, пока все острова не озаряет свет, музыка звенит над водой, - ветер налетел снова, она судорожно вдохнула.

- Ты хоть раз начинала песню? – спросила я. – Посреди озера?

- Один раз. На похоронах матери.

Ох. Плохая тема. Я хотела сменить ее, но, к моему удивлению, Мона продолжала:

- Она просила перед смертью не делать этого. Она считала, что лучше не делать то, чего не сделаешь хорошо. «Никто не идеален, но королева должна вести себя идеально», - я вскинула брови, но она не смотрела. – Она не хотела, чтобы я, только став королевой, опозорила себя. Она думала, что я от горя не смогу запеть.

- А ты? – удивленно спросила я, забыв, что должна манить ее идти по мосту.

- Конечно, я смогла. Но я знала, что смогу жить по ее девизу. Я знала в тот миг, что почитать ее смогу, действуя идеально в глазах всех, - она двигалась, сосредоточенно хмурясь. – И я так сделала. Я отогнала все, я вела себя так, как она всегда учила меня, и запела. Запела хорошо. Идеально, - ветер раскачивал канат, но теперь она ровно двигалась и не замечала. – Мои родители были старыми, когда я родилась. Годами они пытались родить наследника, и я появилась. А потом Колям через год, а там – сюрприз! – Арлен. Три ребенка родились внезапно у стареющих правителей. С первого моего вдоха все знали, что я займу трон ребенком. И мама готовила меня. Она дала мне все, что требовалось для правления страной – как себя вести, как править, когда доверять другим, а когда – себе. Она не хотела, чтобы кто-то правил за меня, потому что я слишком наивна, чтобы делать это сама.

Я тихо слушала, потрясенная словами, льющимися из ее рта. Ветер свистел, я не была уверена, слышали ли ее с другого конца Колям и Арлен.

- Она заставляла меня произносить речи на совете, - продолжала она. Глаза Моны были все еще закрытыми. – Она заставляла меня разбираться с некоторыми делами. Как-то раз один житель спорил с другим, поджег его пристань, и она заставила меня решить, каким будет наказание, она заставила меня зачитать вердикт при нем. Мне еще не было одиннадцати. Она заставляла меня требовать уважения к себе, потому что она знала, что, когда умрет, больше никто это для меня сделать не сможет.

- Мона, - сказала я. – Ты это сделала.

Она вздрогнула и открыла глаза. Она стояла на краю моста, ее ноги были у прочной земли. Мона осторожно сошла с каната, отпустила веревки. Она смотрела мгновение на землю между ног, а потом возмущенно посмотрела на меня.

- Это был низкий прием, - сказала она.

- Но ты же перешла? – Арлен за ней уже забрался на мост. Он сжал веревки так, что побелели костяшки, как его сестра, и пошел вперед шагочками. Я посмотрела на Мону. – Итак. Я теперь немного понимаю, детства у тебя не было, да? Не было времени представлять русалок или драконов, ведь ты была занята написанием законов. Может, потому ты так скептически относишься к Свету. Это слишком похоже на сказку.

- Хватит, - холодно сказала она. – Я сказала слишком много.

Арлен покачивался на мосту, притягивая веревки к поясу.

- От себя, Арлен, - крикнула я. – Отталкивай, - я показала руками. – Не тяни веревки к себе, - я повернулась к ней, склонив голову. – У тебя ведь не было много друзей? Только союзники.

- Я сказала: хватит, - ледяной барьер вернулся. – Не дави на меня, Мэй, - она указала на овраг. Арлен почти дошел. – Ты должна выполнить работу, ты еще не закончила. Думай об этом, а не комментируй.

Но я делала работу, нравилось это ей или нет, но ее монолог делал работу чуть проще. Теперь я чуть лучше знала, с кем имею дело.

Я взяла Арлена за руку и помогла ему спуститься. Он вытер пот со лба дрожащей рукой. Кольм шагнул на канат. Он делал мелкие шаги, как его брат и сестра, но его хватка на веревках не была такой крепкой.

- Все хорошо, Кольм? – крикнула я.

- Да.

Он перешел, почти не качаясь. Как только он присоединился к нам, я повела их в лес, показывая им, куда наступать, чтобы не оставить след разрушений. Мы осторожно двигались по лесу, старались уйти подальше от моста. Когда мы ушли достаточно далеко, я остановила нас.

- Неплохо, да? – спросила я.

Мона оглядывалась на лес, словно окружение ее злило.

- Идем дальше.

Я повернулась к склону, задумываясь, отомстит ли она мне за то, что я слышала немного того, что скрывалось под ее короной.

ГЛАВА 6

Следующим утром густой туман окружил место нашего ночлега. Он окутал деревья, растекался, как ручей, давя на нас одеялом. Я медленно проснулась от неприятно тяжелого воздуха. О, как же мы ругались в лесной страже на влагу – как от этого ржавели ножи, портилась еда. Но теперь я была рада этому ощущению, как старому другу, наслаждалась каплями на коже, в волосах. Туман скрывал нас. Я глубоко вдохнула влажный воздух, но мои тихие мысли разбил некорольевский стон.

- О, реки к морям, это отвратительно!

Я открыла глаза и увидела, что Мона сидит и отцепляет мокрый плащ от кожи. Волосы выбились из ее косы и прилипли к влажному лицу. Я провела руками по своей голове, а она вскочила на ноги, убирая волосы с лица. Арлен потянулся с гримасой, протирая глаза. Он открыл рот и высунул язык, словно пробовал воздух.

- Только не говорите, что у озера утром нет тумана, - сказала я удивленно, глядя, как Мона идет к ручью.

- Не такой, - сказала она, кривя недовольно губы. – У нас есть туман, легкий, прохладный, освежающий. Этот как суп. Фу, - она расплела косу, и пряди волос упали волнами. Она склонилась у воды и умывала лицо.

Кольм тоже сел, провел пальцами по своим волосам. Они торчали от влажности.

- Как только мы вернемся к озеру, - заявила Мона, наливая пригоршни воды на волосы, - я нырну в канал между Черным панцирем и Лунным дном, пока меня не очистят.

- Я найду Сорчу, - сказал Арлен, вздохнув, растянув руки, лежа на спальном мешке. – Я подхвачу ее на руки и поклянусь, что нас больше не разделят.

- Она презирает тебя, балда, - рявкнула Мона.

- Ну, - сказала я, приподняв бровь, - кому-то утром давит корона.

- Мне надоели эти гадкие горы, - сказала она. – Надоело просыпаться мокрой и в грязи, надоело, что по мне бегают жуки, пока я сплю. Конечно, ваш король хочет забрать Люмен. Я бы тоже хотела быть в другом месте, если вы с таким сталкиваетесь каждое утро.

Я приподнялась на локте, нахмурившись.

- Ты говоришь не как та, что хочет восстановить союз между двумя странами.

- Я не очень-то надеюсь на союз, - она шмыгнула носом. – Я хочу безопасности для Люмена, и чтобы твой народ оставил нас в покое. Поверь, я не хочу связываться с Сильвервудом, как только мы переберемся через гору.

- Почему ты думаешь, что король просто оставит вас в покое? – спросила я. – Или хочешь покорить его?

Она отряхнула юбку.

- У меня есть несколько планов, но я о них тебе не расскажу.

Я недовольно смотрела на нее.

- Я могу вас бросить. Здесь, сейчас, не переживая ни секунды. Не думаешь, что это помешает твоим планам?

- Хорошо, - сказала она. – Бросай нас. Вернись и чини неводы морскому народу или чисть конюшни народу холмов. Может, ты накопишь себе на новые сапоги, пока эти не развалятся, хотя тебе придется голодать какое-то время.

- У вас крохотные шансы добраться до озера отсюда, как ты не поймешь? Вас за три часа сцапает лесная стража.

- Меньше. Мы не можем перейти горы без тебя, так что и пытаться не будем, - она встала, пошатнувшись, но с гордым видом. – Я сложу влажные ветки и разожгу большой дымящийся костер, и, когда меня отведут к твоему королю, я скажу ему, где мы оставили тебя, чтобы его скауты поймали тебя. Что с тобой сделают, поймав? Казнят, да?

Я села, потрясенная ее наглостью, кипя от гнева, пока она разыграла спектакль из плетения волос в корону. Арлен все еще лежал на земле, смотрел перед собой, подняв

брови до волос. Кольм сонно почесывал бороду. В тумане пело несколько птиц, заполняя звуком пространство между нами.

- Что ж, - сухо сказала я, - похоже, придется продолжать, да?

Она отошла от ручья важной поступью.

- Да. Но я сперва поем, а потом уже мы пойдем.

Не самое приятное начало дня. Мы съели в ледяной тишине по горсти кожуры фруктов, все избегали смотреть друг на друга. Солнце золотыми пиками проникло между деревьев, но не сжигало туман, а подогрело его, и мы мокли от влаги в воздухе и потели, еще не сойдя с места. После жалкого завтрака Мона пополнила флягу в ручье, Арлен отошел за камень, а Кольм свернул веревку и завязывал наши мешки с едой. Мне впервые за время путешествия было нечем заняться. Он молчал, совал припасы в свой мешок и затягивал его. Было ли это безмолвным извинением за резкие слова сестры или старания ускорить наше движение, я приняла это и молчала. Может, если бы я оказалась с ним подальше от его брата и сестры, я бы тоже извинилась за то, что перегнула палку с Моной, но не перед ней.

Когда все были готовы, мы пошли по склону. Лес стал гуще, тень – темнее, и мы шумно дышали, поднимаясь среди деревьев. Туман медленно рассеивался, хотя воздух все еще был влажным. Мона шла сразу за мной, и я порой отпускала ветки и слышала ее возмущенное цоканье, когда они задевали ее лицо. Это было по-детски, но приносило мстительное удовольствие.

Мы взбирались не долго, выбрались из тени на залитую солнцем поляну. Большое дерево упало недавно, забрав с собой несколько мелких, сплетение его огромных горней торчало из земли. Густой ковер зелени пользовался освободившимся местом, растения тянулись к солнцу вокруг дерева, лучи пробивались сквозь листву. Я перестала сверяться с компасом и разглядывала густой лес впереди в поисках ориентира. Я уже хотела идти дальше, когда визг Моны вспорол воздух, послышался грохот. Я развернулась.

Все королевичи были на земле. Мона отползала, как краб. Арлен лежал на спине, а Кольм – лицом в травы, почти скрывшись в них. Гудение заполнило воздух, словно ветка застряла в колесе прялки.

- Что? – рявкнула я, направившись к ним, сердце билось в горле. Я не видела признаков тревоги, но Мона поджимала под себя ноги так, словно зубастая рыба могла напасть и откусить их. – Что такое? Вы ранены?

- Осторожно! – завопила она, размахивая рукой.

Я застыла и посмотрела туда, куда она указывала. Сжавшись агрессивным клубком, подняв голову, там была длинная черная змея толщиной с мою руку. Ее хвост шумел, скрытый в листве.

Я посмотрела на змею, потом на них, распластавшихся на земле. Мона явно отпрыгнула на братьев, и они упали на скользком склоне, отлетев в кусты. Они не выглядели сейчас величественными, Кольм пытался поднять голову из листьев, но вес ноги Арлена на его плечах мешал ему.

Я глубоко вдохнула и расхохоталась.

- Хватит! – приказывала испуганно Мона, ее волосы снова выбились из плетеной короны. – Как ты посмела...

Я не сдержалась. Я пыталась остановиться, да, но вид был таким приятным, а ее резкие слова все еще звенели в моей голове, так что я прислонилась к корням дерева, держась за живот от смеха. Я не знала, кто злился больше: Мона или змея.

- Хватит! – снова приказала она.

- Бесполезные, - выдавила я, хохоча. – Все вы бесполезные.

- Это гремучая змея! – возразила она, указывая на существо перед собой. – Гремучая! Я чуть не наступила на нее! Она отравленная!

- Ядовитая, - сказала я. – И это не она, - я взяла ветку. Кончиком ветки и убрала листья у хвоста змеи, гладкого и обычного. – Видите, что она делает? Ее хвост дрожит в

листьях, и они шумят. Она хочет, чтобы ее считали гремучей. Она даже голову подняла, будто ядовитая, - я чуть подтолкнула умное существо, и змея напряглась. – Но это просто большеглазый полоз, не ядовитее вас, Ваше высочество. Вы его напугали.

Ее рот открывался и закрывался, глаза стали ледяными, глядя то на змею, то на мое лицо. Я ткнула змею еще раз, чтобы она уползала. Она спрятала голову в листья и поспешила прочь, шурша листвой и травой. Я отбросила веревку и повернулась, чтобы помочь королевичам встать.

Я застыла рядом с Моной и отпрянула, словно оказалась на краю обрыва.

- Ох!

- Что? – едко спросила она, пытаясь встать со склона.

Я указала на них.

- Великий Свет. Не двигайтесь! Не ерзайте!

- Очень смешно, - сказала Мона. – Мне уже надоели твои...

- Не двигайся, дуручка!

- Что? – осведомилась Мона в ярости.

- Ядовитый плющ. Земля и небо, вы в нем тонете. Кольм! Подними голову!

- Я пытался, - сказал он, убирая лист с губ.

- Ах, - я в отчаянии оглядела залитую солнцем поляну. Мона попала туда только одной рукой, Арлен, к счастью, задевал листья не кожей, а плащом и сумкой. Но Кольм упал лицом в листья, его предплечья и шея были голыми из-за жаркого подъема.

- Хорошо, - я пыталась оценить ущерб. – Хорошо, старайтесь... ничего не трогать. Осторожно поднимайтесь и идите сюда.

Они слушались, Арлен двигался как медведь на задних лапах, его руки были раскинуты по бокам. Я недовольно выдохнула.

- Песок, - сказала я. – Вам нужно немного песка и цветов-недотрога. Особенно тебе, Кольм. Если повезет, реакции будет не очень много, но масло растекается как пожар в лесу. Не три глаза. Идемте. Ничего не трогайте.

- Куда мы идем? – осведомилась Мона, я возвращалась по пути, откуда мы пришли.

- Нам нужен песок. Придется вернуться к ручью. Вам нужно потереть кожу мокрым песком, чтобы снять масло. А я поищу недотрогу.

- До ручья идти полчаса, - сказала она.

- Веришь или нет, я вас спасаю, а не гоняю туда-сюда по склону. Подави хоть раз свое желание управлять всеми мелочами. Доверься мне. Лучше остановить масло, - я пошла по склону. А потом, не сдержавшись, бросила через плечо. – Этого не случилось бы, если бы ты не сошла с ума из-за безобидной змейки.

Она кричала. Не помню, что. Обзывала, проклинала мою голову и мою семью, кричала, как я посмела так говорить. Мы шли по склону с осязаемой тучей над нашими головами. Когда она устала, повисла яростная тишина, дымящаяся и бурлящая. Мы спускались быстрее, но никто не был этому рад, ведь потом придется подниматься снова. Мы вошли в воду, и я склонилась и зачерпывала горсти мокрого песка.

- Трите, - сказала я. – Везде, где растение вас коснулось. Кольм, лицо протри хорошенько. Не используйте воду, так масло растечется. Арлен, протри плащ и сумку, - я бросила свою сумку на берегу ручья. – Я поищу недотрогу. Не уходите отсюда.

Я не слушала возражения, а пошла вдоль ручья, пробираясь через царапающийся рододендрон. Мы были слишком высоко для недотроги, но если она и росла бы где-то, то у воды. Дело было не только в высоте, сейчас оранжевые цветочки не цвели, и заметить растение было еще сложнее. Я спустилась в ручей и разглядывала берега в поисках зубчатых листочков.

Через десять минут я нашла их. Я срезала горсть стеблей и сунула за пояс, развернулась с вздохом и побежала обратно. Воздух стал тяжелым и жарким, слишком теплым для начала мая. Может, близилась гроза. Мы должны пересечь холм. Я могла

лишь представить возмущения, если я разверну ребят в поисках ровной поверхности. Возмущения из-за молний могли услышать стражи.

В царапинах и потная, я добралась до места, где их уже было видно, и увидела, что Арлен стоит на мшистом камне. Заметив меня, он замахал руками. И закричал.

Я поспешила вперед, разбрасывая камни.

- Что? – крикнула я, подобравшись достаточно близко. – Что такое?

- Кольм, - он безумно размахивал руками.

Я пересекла холм и увидела Мону, склонившуюся над братом, тот лежал на спине, ноги остались в воде. Она подняла голову, когда я подошла, лед в ее глазах сменился тревогой.

- Он упал, - сказала она, голос был выше обычного. – Две или три минуты назад. Он молчал.

Я упала на колени, прижала два пальца к его шее. Его кожа покраснела. Сердце билось быстро, но слабо.

- Кольм, - сказала я ровным, но громким голосом. – Кольм, - я затрясла его плечо. Он не пошевелился.

- Что случилось? – спросила безумно Мона. – Ядовитый плющ?

- Он отреагировал на яд, - я вспомнила лист на его губах, желудок сжался. – Яд попал ему в рот.

- Что это значит? Что будет?

- Не знаю. Некоторые люди чувствительнее других, но я еще не имела дело с тем, кто проглотил масло... - я поднесла ладонь к его рту, мое сердце колотилось в груди. Его дыхание вырывалось слабыми порывами в мою кожу. Я указала на его ноги в ручье. – Арлен, прислони его ноги к чему-нибудь. Пусть они будут выше него, - я растегнула воротник его туники, отодвинула цепочку на его шее и прижалась ухом к его груди. Его легкие шумели с каждым коротким вдохом.

- Что делать? – спросила Мона, сжимая руку Кольма. – Что ему нужно?

Я ударила кулаком по лбу.

- Мы раньше носили с собой хвойник, но он растет далеко на западе Алькоро. Я и не подумала купить его на рынке.

Над головами загрохотал гром.

Мона сжалась, впившись в плечо Кольма.

- Что нам делать? – спросила она. – Мэй? Что нам делать?

- Сначала успокоиться, - сказала я, подняв руку. – Паника не поможет. Дай подумать.

Я перебирала доступные варианты, и что-то укололо меня, старая мантра, которой нас учили в начале тренировок. Я помнила Роэля, старого Лесничего, у которого я была скаутом, при каждом упражнении он заставлял повторять фразу: «Все выделяй, что важно, а что срочно. Расставь приоритеты».

Я жевала губу. Гром заворчал снова.

- Нам нужны травы, - сказала Мона, молчать она не могла.

- Знаю, - сказала я. Приоритеты.

- Нам нужно как-то заварить их.

- Знаю, - я вдохнула. – Мы рискнем. Но это сложно, и многое будет зависеть от удачи.

- Ты о чем?

- Старая серебряная шахта. Она заброшена, недалеко отсюда, меньше часа, если мы поторопимся. Мы можем укрыться у входа, разжечь там костер, - я закрыла глаза. – Но это очень-очень близко к главной дороге.

Мона посмотрела на темнеющее небо.

- Но если пойдет дождь... люди будут в домах. Скаутов короля может там не быть. Да?

Нет, но им не нужно было знать об этом.

- Возможно. Дождь хотя бы скроет наш дым.

- Но у нас нет нужных трав, - сказала она снова. – Что мы заварим?

Я выдохнула, посмотрела на покрасневшую кожу Кольма.

- Есть другая идея, даже безумнее первой. Но я думаю, что нам нужно пойти в шахту. Ничто не поможет, если мы застрянем тут в грозу, - несколько тяжелых капель упало на камни.

- Ты не можешь построить шалаш? – спросил Арлен.

- Могу, конечно. Но он не спасет от дождя, а Кольму придется еще и бороться с ознобом.

Озноб. Я знала, что они охнут. Их народ должен был знать об этом, проводя половину жизни в холодном озере в любую погоду. Холод и влага не убивали их, но я знала, что они хотя бы понимают опасность. Я вдохнула.

- Нам нужно укрытие, чтобы мы могли разжечь костер. Самое близкое и безопасное место сейчас в шахте.

Кольм шумно вдохнул и закашлялся. Я инстинктивно проверила его пульс.

- Как нам туда попасть? – спросил Арлен.

Я посмотрела на склон, скользкий и пологий. Дождь сделает его еще хуже.

- Придется нести его, - сказала я.

Я думала, они будут возражать, снова возмущаться, но Арлен только кивнул.

- Понесешь мою сумку?

- Сам ты не справишься. Не вверх по склону. Мы будем нести его между собой...

- Не нужно. Мы будем идти со скоростью улитки.

- Он большой, Арлен, - сказала я. – Больше тебя. Ты уже так делал?

- Я носил каноэ, - сказал он, снимая сумку. – Вряд ли это отличается.

Как по мне, это сильно отличалось.

Мы прикрепили его сумку к моей, а сумку Кольма – к Моне. Капли дождя за это время превратились в ливень, ожидаемый поздней весной. Холодные капли били по нашим плечам и склоненным головам. Я сломала стебельки недотроги и втерла в кожу Кольма, надеясь, что это замедлит распространение жуткого покраснения. Я склонилась к его груди. Я задела цепочку на его шее, и она выскользнула из-под туники. На цепочке висело кольцо, маленькое и изящное, украшенное рядом розовых жемчужин.

Мы замешкались на миг, а потом Мона спрятала кольцо под его тунику.

- Его жены? – спросила я.

- Да.

Дождь стал громким, оглушающим, лился сквозь ветви, гремел по камням и ручью, и мы закончили разговор. Гром раскатами бушевал над горами. Арлен закончил прикреплять сумки и склонился над Кольмом. Он взварил брата на плечо, его плечо оказалось между ногами Кольма. Все еще на коленях, он удобнее устроил Кольма на спине.

- Арлен, - сказала я. – Ты уверен? Мы можем соорудить носилки...

Он тяжелым движением выпрямил ноги, его колено хрустнуло, но он встал.

- Уверен. Бери сумку, я не хочу стоять так весь день, - он пошел по склону. Я закинула сумку на плечи и поспешила за ним.

Подъем по ужасно скользкому склону был тяжким. Дождь усиливался, шипел, мы промокли и дрожали, а земля часто выскальзывала из-под ног. Мы шатались, поднимаясь, Мона постоянно придерживала Арлена, раскачивающегося под весом брата. Порой я останавливала его и проверяла пульс и дыхание Кольма. При этом я недовольно отмечала наши следы среди мокрой листвы, ямы в грязи. Но я ничего не могла сделать. Время было против нас. Кольм все еще дышал слабо, пульс был быстрым, вялым. Нам нужно было доставить его в укрытие, пока он еще мог дышать. Я могла лишь надеяться, что дождь смое следы нашего прохода раньше, чем их заметят скауты короля.

Через полчаса нас окружили хвойные деревья. Температура упала, пробиралась под нашу мокрую одежду. Я не замедлялась, ощущала себя мышкой под надзором кота,

который мог в любой миг напасть. Дождь заглушал звуки, это помогало и мешало. Лесничие с острым слухом не сразу уловят наш шум, но даже скауты-новички смогут тихо идти по мокрой земле. Мы не услышим, пока нас не окружают с луками наготове.

Мы приблизились к гребню горы, дождь жалил, он превращался в мокрый снег. Наши шаги стали неровными, от капель немели руки и лицо. Мона не отреагировала, когда упала лицом в грязь. Она встала на ноги, вытерла грязь с веснушек, ее волосы теперь были в листьях и прутиках. Пару минут спустя моя нога проехала по мокрой земле, цепляясь за камешки. Это было слишком для моих поношенных сапог, шов ослаб на правой ноге у подошвы. Вода и грязь лились на мою голую стопу. К счастью, Арлен не упал, он ступал осторожно, голова Кольма покачивалась у его плеча. Гром шумел вокруг нас, молнии рассекали небо, и я молилась, чтобы отряды скаутов не решили сейчас устроить поиски, я держалась подальше от тех деревьев, что могли приманить молнию. Я покачала головой, отгоняя мысли. Против молнии не выстоять. Одиннадцать человек погибло от одного удара на горе, когда я была скаутом... Я отогнала тревоги. Укрытие. Я должна была думать только об этом. Это важнее. По проблеме за раз.

Ветер усиливался, свистел вокруг нас, воровал из нашей одежды остатки тепла, пока мы взбирались. Я обрадовалась, когда мы пересекли знакомый холм и пошли по травянистой впадине, раскинувшейся перед нами. Темный проем зиял в склоне холма, деревянная решетка, пострадавшая от погоды, прикрывала проход. Наше убежище.

Мы поспешили вперед, ноги хлюпали в лужах в траве. Я отодвинула решетку. Выступ у прохода заслонял ее половину от дождя, и я бросила деревянную решетку внутрь, чтобы потом использовать для костра. Проем вел во тьму, воздух был холодным и влажным. Я схватила Арлена за руку и повела внутрь, помогла спустить Кольма с его плеч. Без слов он прижался спиной к мшистой стене, съехал к земле, его ноги растянулись перед ним, как у лягушки.

- Эй, - сказала я ему, устраивая Кольма у стены. – Хорошая работа.

Он застонал.

Я повернулась к Кольму, хотела прижать пальцы к его шее, но моя рука застыла в воздухе. Его щеки не были больше красными, они стали белыми, как кора березы. Пораженный участок был красным и с волдырями на фоне белизны. Моя рука поднялась с его шеи на лоб. Я резко вдохнула.

- Что такое? – Мона опустилась рядом со мной.

- Он пылает. Лихорадка, - я занесла руку над его ртом, его дыхание было едва заметным. – О, земля и небо, Кольм...

- От ядовитого плюща? От него бывает лихорадка?

- Я о таком не слышала, но час под дождем и снегом на пользу ему не пошел, - я махнула ей и Арлену. – Соберите сухие ветки и мох. Нужно разжечь костер.

Пока они ползали на четвереньках, собирая все, я выкопала яму, насыпала туда мох, что они собрали, окружила его прутиками. Я оторвала куски от решетки, устроила их в центре. Мои руки немели от холода, я возилась с кремнем и огнивом, высекая искры на мох. Сначала ничего не случилось, и я переживала, что все слишком промокло. Я снова ударила огнивом, и – земля и небо – мох загорелся. Червячки оранжевого света разошлись в стороны, и я легла на живот рядом с ямкой и дула на мох. Огонь трепетал, танцевал, рос, и вспыхнул первый высокий язык пламени, добрался до хвороста. Золотой свет мерцал на стенах.

Арлен сел на пятки, его плечи опустились от усталости.

- Прекрасное зрелище.

Я продолжила ломать решетку.

- Вытащи котелок из моей сумки, - я сложила сухие куски решетки подальше от входа, мокрыми остатками я загрозила проход.

- Что ты делаешь? – спросила Мона, передавая мне почерневший котелок.

- Защитную стену, - сказала я. – Отражает жар, и дерево сохнет, - я наполнила котелок из фляги и поставила его на огонь. В котелок полетела черная кора ивы из моей аптечки. Я оставила воду закипать и подползла к Кольму. Мона присоединилась ко мне, в тревоге заламывая руки.

- Он будет в порядке? Лихорадка... может одолеть.

- Может, но он уже борется, - я прижалась ухом к его груди. Его дыхание kloкотало в легких. – Я переживаю за его воздушные пути. У меня нет ничего, чтобы открыть их, кроме перечной мяты.

Она склонилась надо мной с тревогой на лице. Надеясь отвлечь ее занятием, я указала на наши мешки.

- Поищи что-нибудь сухое, чтобы накрыть его. Арлен, натяни чуть дальше веревку из моей сумки. Повесим вещи сушиться и задержим тепло.

Пока они занимались этим, я поставила чашку мяты на огонь. Вода в котелке забурилась, и я подняла его с огня, налила отвар в чашку Кольма. Я вручила ее Моне.

- Пусть он выпьет немного.

Она влила отвар в его приоткрытый рот, придерживая подбородок. Он кашлял, грудь содрогалась, он пытался вдохнуть. Я зажала его нос, жестом попросила ее попробовать еще раз. Она сделала это с напряженным лицом. Он глотал, отплевываясь. Арлен закончил развешивать наши мокрые плащи, опустился на землю и прижался головой к стене.

- Спи, Арлен, - сказала я. – Ты заслужил. Отдыхай, пока можешь.

Уговоры не требовались, он сжался в комок на боку, отвернувшись от нас. Мона продолжала прижимать чашку к губам Кольма, пока он не выпил все. Ее нос все еще был сморщен, она пристально смотрела на брата, и я через миг поняла, что она пытается не плакать.

- Это была не твоя вина, - сказала я, к своему удивлению. – Все это.

Она отвела взгляд, наливая еще отвара в чашку. Я вытащила из сумки влажный платок, намочила под дождем. Я прижала его ко лбу Кольма, его веки затрепетали. Он приоткрыл глаза, щурясь.

- Привет, Кольм, - сказала я. – Как себя чувствуешь?

Он пошевелился.

- Ама, - сказал он хрипло.

Мона перестала возиться с чашкой. Я склонилась к нему.

- Что?

- Ама, - он шарил пальцами по земле. Он нашел ими край моего плаща, сжал в кулак. Он вздохнул.

Я похлопала неловко по его руке.

- Прости, Кольм. Я не твоя мама.

- Нет.

Я повернулась к Моне. Она сидела неподвижно, сжав кружку.

- Ама, - сказала она, глядя, как Кольм засыпает, - его жена.

Я посмотрела на него, его грудь вздымалась и опадала от слабого дыхания. Цепочка на его шее чуть выглядывала из-за воротника.

- Она умерла в тот день? – спросила я.

- Да. Они были женаты меньше года, - она посмотрела на кружку в руках. – Ты сказала, что у меня не было друзей в детстве. Ты ошиблась. Была одна подруга. Ама, дочь одного из моих советников. Она была одной из лучших ныряльщиц в Люмене, могла добраться до самого глубокого дна, куда доплывали редкие, - Мона посмотрела на Кольма. – Она умерла, дав нам сбежать от алькоранцев.

Дождь стучал по заслонке, порой долетая до огня. Мона прислонилась утомленно к стене. Она вытащила из сумки свою чашку и налила себе немного отвара.

- У нее было отличное чувство юмора, - она сжала чашку. – Она дразнила меня, только она относилась ко мне как к подростку, а не королеве. Кольм всегда любил ее,

даже когда мы были маленькими, и через какое-то время она решила, что он тоже ей нравится. Они были невероятно счастливы вместе, - она склонила голову к парю, поднимающемуся из кружки, но не пила. – У них была роскошная свадьба – фонари на воде, лодки и цветы, еда... Она была в прекрасном платье. Арлен пел. Кольм плакал.

Она сделала пару глотков, я молчала, боясь сбить ее.

- Не знаю, сколько ты знаешь о дне вторжения Алькоро. Ты тогда была изгнана. Но я всегда думала, слышал ли твой народ звуки вторжения с гор. Видел ли дым и огонь в Лампириней. Мы не были готовы к нападению, мы торговали с монархами Алькоро десятки лет без проблем. Они не были самыми щедрыми союзниками, но они просто были такими людьми. Их сила в их стратегии, хитрости и военном опыте. И, конечно, в их желании увидеть осуществление пророчества. Если бы я подумала об этом, я бы ожидала их нападение. Король Селено, седьмой король Алькоро, получил власть всего несколько лет назад, ему выпало исполнять пророчество. Мы были самой логичной жертвой. Тот день начался как все остальные, их корабли прибыли с южной стороны, с захваченных ими портов в Сиприяне, но их было больше, и они не причалили у Озерота, как должны были. Они направились к нашему замку в Черном панцире, перекрыли отступление по воде, растянувшись меду островами и берегом. Утром люди как раз ныряли в каналах. Мы были рассредоточены. А потом, конечно, началось нападение, огонь и дым. Даже если бы мы были готовы к атаке, наша жалкая армия никогда не выстояла бы против них. Некоторые пытались дать отпор, но это лишь увеличило количество смертей среди нашего народа. Алькоранцы отправили корабли к островам, принялись грабить там дома. Я все еще помню крики, звенящие над водой.

Она замолчала, сделала глоток из кружки. Рука Кольма отпустила мой плащ, но я не отодвигала его.

- Они прошли по берегу к Черному панцирю. Не было времени обороняться, собирать мечников или лучников. Арлен успел схватить старый церемониальный атлатл со стены, и все. Мы бежали – мы вдвоем и Ама – по замку, пока алькоранцы захватывали его. Арлен и Кольм пару раз сразились, они пытались довести меня до южных доков. Если бы мы нырнули, мы думали, что сможем уплыть от опасности, придумать план и напасть в ответ. Мы не были уверены, что сможем. Алькоранцы в то время уже были всюду. Мы пререкались, Ама отдала Кольму свое кольцо. Мы не успели даже спросить, зачем. Мы приближались к дверям, она схватила корону с моей головы. «Для сохранности», - сказала она. Я не подумала спросить ее. Не было времени на паузы, на разговоры. Мы вырвались из замка, алькоранцы преследовали нас, пока мы не нырнули в воду. Мы плыли, как никогда раньше, оставались под водой как можно дольше. Когда мы всплыли посреди разрушения, мы поняли, что нас только трое.

- Она не нырнула с вами, - тихо сказала я.

- Нет, - сказала Мона. – Не нырнула. Она даже из замка не вышла. Мы слышали крики из Черного панциря. Там есть большой балкон, для собраний и речей. Там была суeta. Они поймали королеву. Они спустили наше знамя и установили свое. И во дворе на коленях стояла Ама в моей короне.

Я уперлась подбородком в колени, надеясь, что она скажет, что они не видели казнь. Но ее взгляд был далеким, она снова видела эту сцену. Арлен пошевелился в свете огня.

- Они сделали это там, - сказала она. – Не поставили ее голову на подставку, чтобы все могли видеть. Они даже не завязали ей глаза, не подвязали волосы. Их мечник был хорош. Один резкий взмах. И ужасный шум... звуки победы и поражения смешались. Крики и слезы заглушали фанфары. Я думала, что мы потеряем Кольма. Он пытался плыть обратно, он кричал, наглотался воды. Мы держали его за руки и пытались оттащить к реке, что текла из озера. Честно говоря, я сама едва держалась. Я не могла поверить в то, что она сделала, что я позволила ей сделать. Но я теперь я понимаю, что нам нужно было сбежать. «Не порть, - кричала я Кольму. – Не порть то, что она дала». Она умерла, чтобы они не поймали нас, чтобы они думали, что мой трон у них. Мы могли лишь

воспользоваться шансом, что она дала нам. На юг по реке плыть сложно, потому мы и хотели построить дороги через южный Сильвервуд десятки лет назад. Потребовались все навыки, чтобы не утонуть там, чтобы не попасться алькоранцам на кораблях в портах. Мы чудом добрались до Матарики. Мы выбрались на берег на пару миль севернее от города, и тут Кольм сорвался. Он онемел от горя, винил себя, мы не могли заставить его двигаться. Он ощущал, что она обманула его, злился, да, но больше всего на себя, ведь оставил ее, не проверил, бежит ли она с ним. Но кто бы мог подумать, что она не будет рядом с ним?

Она замолчала на миг, смотрела в пустоту и потягивала отвар. Я посмотрела на Кольма. Я невольно коснулась ладонью его лба. Все еще горячий.

- Звучит ужасно, - начала она снова медленно. – Думаю, это помогло мне. Я не могла сосредоточиться на себе и своем горе. Я могла думать только о братьях. У нас с собой было лишь то, что мы схватили при побеге, нечего было продать, при нас было только то, что мы никогда не оставляем, - она похлопала себя по груди. – Мой кулон, наследие и символ моего престола. Кольцо Амы. Атлатл Арлена. Позже он выиграл меч в таверне, но продал его, когда мы пытались найти путь через Сильвервуд, - она покачала головой, глядя на его сжавшееся в комок тело. – Ты понимаешь, как я злилась на него, когда он выдал нас в Санмартене. После всего, что для нас сделала Ама, он все это сделал напрасным в той глупой драке.

- Оттуда его шрам? – спросила я, указав на свою щеку там, где был шрам Арлена в форме улыбки.

Уголки ее рта дрогнули.

- О, нет. Этот у него появился раньше. После одного из первых ныряний на глубину. Он просчитался и расцарапал лицо о коричневое дно. Повезло, что не сломал шею, - она покачала головой, закрыв глаза. – Дурачок. Непроходимый идиот.

- Как и многие братья, - отметила я.

Она опустила кружку на колени.

- Знаю, я слишком часто срываюсь на него. Он не хотел причинять столько бед. Он как я: плохо умеет меняться, когда все, к чему он привык, так жестоко отобрали... Конечно, он постоянно борется за свое имя. Ему было всего пятнадцать, когда это произошло, он как раз узнал о своей роли в правлении, - она убрала с лица прядь волос. – Пару раз он нас от бед и спасал. Донес больного брата по горе. Сражался. Я не училась сражению, чаще всего бился Кольм, когда мы потеряли Аму. И пару раз нас могли поймать, если бы не быстрая реакция Арлена. Самоуверенный дурак.

- Я не сплю, знаешь? – сказал он, не оборачиваясь.

- Знаю, - ответила она.

Снаружи прогрехотал гром, дождь усилился. Я встала и сняла с огня мятую, окунула платок в настойку. Пока ткань намокала, Мона крутила кружку в руках, притихнув. Через миг она кашлянула.

- Так что после случившегося понятно, почему я виню себя в том, что подвергла опасности не только нашу миссию, но и жизнь Кольма.

- Это не твоя вина, - снова сказала я. – Змея и плющ... просто неудачно совпали.

- Я разозлила тебя утром. Спровоцировала. Если бы ты не злилась на меня, но не пустила бы к плющу, предупредила бы.

- Я почти не думала об этом, - возразила я. – Я так знакома со всеми растениями и зверями тут, что действую инстинктивно. Там было залитое солнцем пятно, и я знала, что там будет расти ядовитый плющ, может, будет греться змея, и я обошла то место. Я не подумала сказать вам поступить так же. Это и моя вина.

Она посмотрела на свою надбитую чашку.

- Я не была... совсем честной с тобой, Мэй. Королева, которая злит тех, кто помогает ей, не может считаться мудрой или благородной, - она посмотрела на меня. – Я привыкла действовать по принципу доброты к представителям других культур. Не знаю, что случилось с тем лидером в бегах, но я бы хотела вернуть ее.

Мы пару секунд молчали, слышно было только дождь. Я пошевелила хворост, вызвав облако искр.

- Ничто так не меняет человека, как горе и сложности.

- Реки к морям, - Арлен лег на живот и скрестил руки под головой. — Как человек может спать с этими излияниями души? Дайте отдохнуть, я нес взрослого мужчину по горе!

Мы с Моной отвернулись, скрывая улыбки, а Арлен спрятал лицо в руках, ворча.

ГЛАВА 7

День угасал, скрытый одеялами серого дождя, и Кольм боролся. Мятный настой, что я нанесла на его грудь, помог ему дышать глубже. После еще одной кружки ивового отвара его температура снизилась, цвет кожи стал лучше, но сама кожа оставалась сухой. Под шум дождя надела плащ и бродила у проема, пока не нашла коровяк, надеясь, что трава ослабит выделение пота и справится с лихорадкой. Это не помогло, и к сумеркам его температура снова стала выше, дыхание снова стало тяжелым.

Я отчаянно думала об экзотических травах, которые носили с собой в аккуратных свертках скауты, среди них точно был хвойник. Я заварила розмарин, и он дышал паром, но я знала, что это не поможет, не откроет дыхательные пути, но я должна была что-то сделать. Я начала варить пряности, а потом сладкую березу, надеясь, что это поборет его горячку, но это не убирало жар его головы. Когда во время дыхания его грудь начали сдавливать спазмы, я начала думать о том, что маячило в мыслях с момента, как мы ушли от ручья.

- Есть тайник, - устало сказала я, снова смочив платок и отдав Моне, которая прижала его к пылающему лбу Кольма. – Лесная стража оставляет их в горах. Запасное оружие, инструменты, припасы... и аптечки. В каждом тайнике есть полная аптечка. Хвойник, лавр, мази, масла... то, что ему поможет. Ближайший чуть южнее отсюда, и могла бы сходить туда и обратно за полтора часа.

- Там будут скауты? – спросила Мона.

- Хотела бы я знать. Тайники проверяют и пополняют каждые два месяца, их трогают, когда возникает потребность. Надеюсь, скаутов поблизости нет.

Она оглянулась на Кольма, дрожащего во сне.

- А если тебя поймают?

- Не поймают.

- А если да?

Я вздохнула.

- Вари чай. Если Кольм проснется, не задерживайтесь. Идите на запад. Как доберетесь до Частокола, увидите озеро. Следите за камнями, пока спускаетесь. Если поднимется ветер, прижимайтесь к горе. Не ходите далеко на север, - я провела пальцами по волосам. – И еще сотня предупреждений. Не важно. Я вернусь до полуночи.

Они с Арленом смотрели так, словно я подписала смертный приговор. Я не обращала внимания и собирала сумку у стены. Я указала на огонь.

- Если дождь закончится, потушите огонь. И не шумите.

Мона проводила меня до порога шахты, я накинула плащ на плечи и вышла под дождь.

- Мэй...

Я оглянулась на нее, но она не могла озвучить свои мысли.

- Все хорошо, - я надеялась, что звучу убедительно. – Просто помогай Кольму. Я вернусь быстро.

Я отвернулась от ее встревоженного лица и побежала в сгушающуюся ночь.

Я была рада, что не ощущала дым от нашего огня у холма с шахтой. Я добралась до елей на соседнем холме, оглянулась на проем шахты. Блеска огня видно не было. Пока льется дождь, наше пребывание там будет скрыто. Я немного взбодрилась и направилась в лес.

Было свободно идти так, как я привыкла, без темпа и шума Аластейров, терзающих мое терпение. Я бежала, пригибалась под хвойными ветвями, полными дождя, огибала пни на полу, покрытом иголками. Рычание грома и молнии были западнее, и лес купался в ровном шипении дождя. Холод после нашего пути прогнал огонь, и я бежала с теплом, меня гнала спешка.

Я знала эту грядку. Я знала ее ямы и складки, ее резкие изменения поверхности и изящные спуски. Днем ветви звенели пением птиц. В воздухе висел запах елей, смешанный с прохладой, которой не было внизу. Перед шахтой была удобная впадина, пересечение поселений шахтеров на юге, Лампириней на севере и городов по сторонам гряды. Большая часть жителей была сосредоточена здесь. Потому это был важный участок гор для лесной стражи, охраняющей дорогу между Новой шахтой и Лампириней, оберегающей жителей.

Это было плохо, я пыталась подавить инстинктивную гордость этим участком земли. Скауты на этой гряде были из лучших, назначенные защищать эту важную часть гор. Они могли заметить шаги в темноте, услышать шорох плаща на ветру. Я знала это, потому что была одной из них. Я была настороже, тихо огибала деревья, держалась подальше от тех, где могли на ветках ночевать скауты.

Ночь сгушалась, гроза не утихала. Несколько сов вопили среди дождя. Я бежала, порванный сапог шлепал при каждом мокром шаге. Поднялся ветер, разбрасывая дождь, а я подобралась к тайнику. Я замедлилась, двигаясь среди стволов, вглядываясь во мгле. Я думала, что сейчас тут скаутов не будет. Они будут глубже в лесу, кутающиеся в плащи, следящие со своих постов или укрывающиеся на ночь. Я пробиралась вперед, пока не добралась до ствола кривого можжевельника у участка пустой земли. Ветер прогнал тяжелые тучи западнее, шипение дождя стало тише. Я замерла, снова ощущая себя мышкой, в этот раз готовясь забрать еду из-под носа кота. Сердце колотилось в груди, я пригнулась, напряженная, настороженная.

Я совру, если скажу, что не испытывала укоры совести. Это было воровство у моего народа. Я представила отчаявшегося Лесничего, несущего раненого товарища к этому тайнику, но аптечки там уже не будет. Я отогнала мысль. Я была тут только за хвойником. Если там его много, то я даже заберу не весь. У стражей был вариант, которого не было у меня – возможность позвать на помощь, искать поддержки в ближайшем поселении, спешить к целителям в Лампириней. Я могла только добраться до тайника. Я выждала мгновение, бросилась к полянке, вонзила руки в мокрые листья.

Я копалась в слоях хвои и прутьев, раскрывая грубую крышку тайника. Я приподняла ее с одного края, заглянула в коробку в земле, натертую смолой, чтобы не пропускать воду. Внутри был плотный мешок. Я развязала узел, развернула мешок, пошарила в содержимом в темноте. Набор ножей, веревка, головки стрел, огниво, несколько факелов из сосны... моя рука сжалась на свитке плотной ткани. Я вытащила ее, закрыла собой от дождя, развернула на земле. Мои пальцы ощупывали аптечку – бутылочки масла, баночки мазей, свертки сушеных трав, завязанные узелками, чтобы узнавать их содержимое в темноте. Сердце билось в горле, я искала по узелкам нужный сверток. Плоская коса, пять узелков... хвойник. Я выдохнула с облегчением, забрала сверток. Я ощупала содержимое, хватило бы на две или три дозы. Мне требовался весь. Я сунула сверток глубоко в карман. Я забрала еще и склянку масла лавра, надеясь, что это поможет Кольму лучше перечной мяты. Я закончила кражу, свернула ткань и вернула в мешок. Дождь ослаб до мороси, постукивающей по деревьям. Я завязала мешок, устроила в ящике, а потом вернула крышку на место и скрыла ее листьями.

Я заканчивала скрывать следы недавнего использования, когда малейший звук заставил меня вздрогнуть. Я упала на четвереньки, пригнулась у скрытого тайника, вслушивалась в шелесте дождя. Через миг я бросилась в панике к кривому можжевельнику и полезла по колючим веткам, подтягиваясь на руках. Короткие иголки вонзались в ладони, но я не замечала, замерла в десяти футах над землей. Я вжалась в кору и задержала дыхание, кровь шумела в ушах.

Голос донесся из-за дождя.

- Левее, Тео. Вот.

Силуэт выбрался из-за деревьев к полянке. Два скаута несли между собой третьего. Четвертый шел с мешком за ними. Я мысленно благодарила удачу за шум, который они

создавали, неловко двигаясь по лесу, за притихший вовремя дождь. Я закрыла воротником рот, чтобы дыхание не было слышно.

Я узнала в Лесничей Дейну, что была старше меня на пару лет, но поднимала ранг медленнее других. Она честно трудилась ради повышения, я помнила, как она сидела в стороне от нас вечерами, изучая ботанические картинки и топографические карты. На зов присоединиться к нам она зажимала уши руками и бормотала то, что учила, под нос. Я была рада за нее, пока я была изгнана, ее тяжелый труд вознаградили. Она стала Лесничей.

- Пришли, - она и другой скаут опустили третьего на землю, он не опускал ногу. Она указала другому. – Аптечка, Теодор.

- Кто-то был здесь, - сказал он, смахивая горсть листьев, что я успела насыпать на крышку.

- Наверное, отряд Хоуэла. Это его участок, - она щелкнула пальцы. – Бинт, Тео, скорее.

Хоуэл Танагер был на моем старом участке? Великий Свет, конечно, меня еще не поймали. Он был умелым, но одержимым статусом, хватался за все шансы заслужить новый значок за заслуги. Конечно, Вандален решил, что эта замена подойдет, ему надоело, что я не слушаюсь приказов. Или Валиен назначил Хоуэла? Глупец. Но он знал, что этот участок останется почти без охраны.

Теодор смел листья с крышки и открыл ящик, отыскал аптечку. Вспышка. Четвертый скаут зажег факел. В мерцающем свете я видела, как раненый скаут осматривает свою рану, его штанина была закатана, его лодыжка была перевязана, кровь пропитала ткань.

Теодор вручил Дейне бинты и флакон антисептика. Она развернула бинты на раненой ноге, открыла сияющую рану, пострадавший явно поскользнулся на камне. Она смазала рану антисептиком, раненный скаут судорожно вдохнул.

- Полегче, Дейна!

- Не дергайся. Я пытаюсь промыть рану. Я говорила тебе смотреть под ноги, Отто. Ты шел слишком быстро, - она pokrutila его лодыжку в руках. – Болит?

Он вскрикнул.

- Да.

- Я этого боялась. Это не просто царапина. Джен, - она сказала четвертой. – Нужно наложить шину.

Я подавила вопль удивления. Я так сосредоточилась на Дейне и раненом скауте, что не заметила, что четвертым стражем была моя кузина Джен. Она только начинала обучение, когда меня изгнали, юная ученица, верящая в честность стражи. Я смотрела, как она занялась делом, ощущая десяток эмоций. Гордость, радость, тоску... как давно я не видела тех, кого могла звать семьей?

Отто стиснул зубы, Дейна обрабатывала его лодыжку.

- Ты решил перейти Зуб, а не пойти по тропе вниз. Кто-то должен был упасть по пути, по которому ты нас вел. Нам нужно доставить вести королю, ты это знаешь. Алькоро не двигали бы флот по рекам высоко без причины. А ты ушел и повредил ногу, - несмотря на резкие слова она нежно перематывала его ногу.

- Хвойника в аптечке нет, - сказал Теодор, коснувшись пустого места. – И масла из лавра.

- Наверное, кого-то ужалили. Нужно будет упомянуть, что этот тайник требуется пополнить. Но сначала нужно найти укрытие для Отто.

- Может, под утесом у Грязного ручья? – спросил Теодор.

Джен подняла голову, темные волнистые волосы были стянуты в пучок на затылке, как у меня.

- Не подойдет. Там теперь ласточки, они нападут на всех, кто приблизится.

- Медвежья пещера?

- Обвалилась, - сказала Дейна. – Нет. Я скажу, что мы сделаем. Ты сможешь дойти до шахты, Отто?

Я сунула кулак в рот, чтобы не застонать. Мысли об удаче пропали.

- Наверное. Если мы пойдем медленно.

- По пути будет легче. Мы пойдем к шахте, там тебя устроим. Теодор останется с тобой. Мы с Джен уйдем в Лампириней, принесем королю новости, а утром пришьем за вами всадника.

- Неплохо, - процедил Отто, Джен накладывала шину на его ногу. Я следила за ее осторожными руками, гордость за ее навык гибла от осознания, какой плохой стала ситуация.

- Закрой тайник, Тео. Идемте. Я хочу добраться в Лампириней с первыми лучами.

Они вернули все на место, скрыли ящик листьями. Джен подняла сумку Отто, а Дейна и Теодор подхватили его, закинув его руки себе на плечи. Они шумно шли по полю, подо мной, а потом в лес, направляясь к дороге.

Я выждала две минуты, расслабила железную хватку на можжевельнике. Я сжалась. Они шли к шахте. Что я могла сделать? Даже если у Кольма прошла лихорадка, и я могла забрать королевичей, Дейна и ее скауты увидят следы нашего присутствия. Выследить нас будет просто, еще проще с медленной скоростью, какая у нас будет из-за Кольма.

А если я могу одолеть их по пути? Я чуть не рассмеялась. Да, если? Что я могла, что я сделала бы, чтобы не дать им дойти до шахты? Я не так испортилась, чтобы нападать на свой народ, на свою кузину, и уставшая бывшая Лесничая против троих скаутов не выстоит. Я могла их отвлечь, увести от горы, надеяться, молиться, что они уйдут в другое укрытие...

О, земля и небо, это было невозможно.

Я сжала сверток и флакон в кармане. Кольму требовались лекарства, и быстро. Успею я принести ему лекарства и встретить отряд Дейны в пути? Я пыталась оценить, как быстро они двигались по открытой дороге. Медленнее, чем я, из-за раны Отто. Но насколько медленнее?

Важное и срочное. Важно. Срочно. Что именно? Лесничий Роел рычал в моей голове. Приоритеты.

Голова звенела от неуверенности, я съехала с можжевельника, зацепившись дырой в сапоге. Не замирая, чтобы передумать, я побежала в лес, выбрав путь в стороне от Дейны и ее скаутов.

Я обогнула дорогу и побежала по лесу, вытаскивая иголки можжевельника из ладоней. Тревога давила на меня из-за обрывка новостей, что озвучила Дейна – алькоранцы двигали флот по водным путям. Они отреагировали на новости, что Мона жива и возвращается забрать престол? Как долго они будут добираться до озера? Я попыталась рассчитать. Дейна и ее скауты видели флот с южных постов, откуда было видно водные пути Сипри. В обычном темпе скаутов они дошли сюда дня за три-четыре. Отто поранился на Зубе, наверное, прошлым вечером, и они шли к тайнику за аптечкой.

Алькоранцы были близко. Я встревожилась сильнее. У нас оставалось дней шесть, и они доберутся до озера. Может, гроза их немного задержит.

Я прорывалась через лес, заставляя себя помнить, что не только отряд Дейны патрулирует этот участок, даже если он принадлежал Танагеру. Ливень не скрывал звуки моей спешки, я замедлилась, чтобы управлять движениями, молясь, чтобы меня не заметили.

Туман поднимался вдоль гряды, когда я добралась до впадины у шахты. Я побежала по траве, изорванный сапог хлопал с каждым шагом. Огонь Аластейров мерцал в тумане.

Белое лицо Арлена с большими глазами появилось в полумраке.

- О, - он обрадовался. – Ты вернулась. Она вернулась!

- Тихо, - прошипела я, толкая его за порог. – Слушай. Молчи. Слушай. К шахте идет отряд скаутов.

Мона резко вдохнула, но я опередила ее, склонившись над Кольмом.

- Как он?

- Думаю, с температурой стало лучше. Но он не просыпался и плохо дышит...

Я вытащила сверток и флакон из кармана.

- Хвойник. Завари весь, а потом потуши огонь. Отвар не должен быть крепким. Оставшееся перелей во флягу, - я вручила ей флакон. - Масло из лавра. Натри им его горло и грудь.

- Куда ты? - спросила она. - Что ты собираешься делать?

- Я попытаюсь увести их. С ними раненый скаут, и будет непросто сбить их с пути, но если я достаточно пошумлю...

- А мы? Нам оставаться здесь? Или пытаться уйти?

Я задумалась.

- Оставайтесь. Пока оставайтесь. Вы оставите след, а тут есть и другие скауты. Лечи Кольма, - я встала и кое-что придумала. Я протянула руку Арлену. - Дай свой атлатл.

Я видела возражение на его лице, он замешкался на три секунды, но сдался из-за опасности ситуации. Он осторожно передал его мне вместе с горстью дротиков.

- Ты таким уже пользовалась? - спросил он, я мысленно похлопала ему за то, что он скрыл презрение в голосе.

Я взвесила оружие в руке, жемчуг мерцал в свете огня.

- Нет, - я похлопала его по плечу. - Это разве сложно?

Он скривил губы, отчаянно желая парировать, но Мона прервала его:

- Ты же не думаешь стрелять в них...

- Нет. Не знаю. Я не знаю, что я думаю, - я повернулась к проему. - Я не могу обещать. Простите. Я вернусь, как только смогу.

Я не могла прочесть выражение ее лица. Это не был страх. Смирение?

- Удачи.

- Не сломай, - крикнул вслед Арлен.

Я побежала в туман, повернула направо к заброшенной тропе, ведущей к главной дороге. Я быстро добралась до мокрой дороги и вспомнила, как мы рисковали, укрываясь в шахте. У меня не было плана, не было идей. Мысли путались, я бежала, содрогаясь.

Через пятнадцать минут я замедлилась, стараясь услышать шум Дейны и ее скаутов. Они медленно двигались, Отто мог сломать лодыжку, а не подвернуть. Дорога была каменистой, полной дорожек от телег, на западе был резкий обрыв. Туман делал дорогу еще опаснее. Я отошла к краю дороги, держалась деревьев, слышала их шепот в тумане. Через пару мгновений я поняла, что они не двигались, а остановились, чтобы Отто отдохнул на дороге.

- Оставьте меня, говорю вам, - возмущался Отто. - Мы спали и на худших койках, чем здесь.

- Я доведу тебя до шахты, - сказала Дейна. - Не важно, как.

- Оставьте меня здесь. Вам нужно добраться до короля, таким темпом вы не дойдете до бреши до полуночи. Идите.

Я молилась, чтобы Дейна приняла это предложение, оставила его с Теодором и пошла по дороге, не заглянув в шахту. Но я слышала решимость в ее голосе.

- Нет, Отто. У тебя кровь, ты в лавандовом масле. Ты пахнешь как прекрасный завтрак для медведя. Я не оставлю тебя на дороге.

Отто простонал, он спорил, но Дейна не отступала, и через минуту они пошли дальше по дороге. Удача была против меня этой ночью. Нужно что-то делать.

Но я все еще не знала, что.

Я тихо отошла в лес, ждала, когда они минуют меня. Я надела капюшон на голову. А потом, собравшись с силами, все еще действуя на импульсе, я бросилась через кусты. Я гремела ветвями деревьев, шуршала мокрыми листьями, ломала прутья под ногами, пока не вышла на дорогу. Я посмотрела на Лесничую и скаутов, застывших от моего внезапного появления, на их лицах застыло удивление. Джен смотрела, но не видела мое лицо в тумане. Мгновение ошеломленной тишины. Дейна отпустила Отто и вытащила лук.

- Ни с места, чужак. Опусто капюшон. Назови имя и свое дело.

Я вдохнула и бросилась в другую сторону, уводя их от шахты, заставляя себя бежать как можно шумнее. Дейна крикнула, между моими тяжелыми шагами я слышала ее приказ Теодору отвести Отто в безопасность. Нет. Нельзя. Я вставила дротик в атлатл и развернулась, пошатнувшись. Я сделала так, как видела с Арленом, дротик попал в землю в паре шагов от меня. Дрожащими руками я попыталась во второй раз, стараясь бросить прямее. Этот дротик пролетел с пугающей силой и вонзился, дрожа, в камни у ног Дейны. Получилось. Я развернулась и сосредоточилась на дороге, слыша другие приказы.

Гонка не длилась долго. Это не удивляло, туман сгустился, обрыв был вдоль дороги. Я оглянулась через плечо, проверила скаутов – они двигались тихо, как призраки – и мне стало не по себе, когда моя нога попала по воздуху. Я полетела вперед, закрыла руками лицо, защищаясь при падении. Я подпрыгивала по камням, вылетали обломки и ветки. Я ударилась о бревно, проехала по склону, освобождая камешки, они гремели в ночи. Я вдохнула в последний раз, крикнула через плечо:

- Поймайте меня!

* * *

Ночь была отчаянной и изнурительной. Западные склоны были отвесными, скрытыми в тумане, и я боролась, чтобы остаться впереди Дейны, не показавшись слишком умелой в ориентировании. Я вела их далеко на север, молясь, что они пойдут в Лампириней с новостями, что нарушители на гряде. Я подумала, что мы ушли подальше, бросила этот путь и забралась наверх, стараясь скрыть свои следы. Я добралась до дороги и повернула на юг, утомленно побежав в тумане.

Когда я прошла, хромя, в проем, озаренный мутным серым светом, я ощущала себя так, словно меня тянули за телегой. Я была в царапинах, все болело, колени и икры покрывали синяки. Шов на правом сапоге держался только в двух местах, хлопал, как язык уставшей собаки, с каждым шагом. В руке я сжимала Птаха, дротики были потрачены. Воздух был тяжелым и чистым, ни следа дыма, тишина возле проема. Я подошла к темной двери шахты, подумала, что Аластейров нашли и забрали, несмотря на усилия. Я поспешила к проему, застыла на пороге.

Мое резкое появление испугало Мону, пролившую отвар на Кольма.

- Мэй! Реки к морям, где ты была? Что случилось?

Я выдохнула с облегчением и прижалась к краю проема. Арлен пошевелился и поднял голову с плаща, сонно моргая. Но приятнее всего было видеть Кольма, держащего чашку в руках. Его волосы были мокрыми от пота, щеки пылали красным.

- Привет, Кольм, - сказала я.

- Привет, - ответил он хриплым голосом.

- Мой атлатл, - сказал Арлен, забирая его из моего кулака. Он поднес атлатл к свету, разглядывая в поисках ущерба.

- Дротики нет, - утомленно сказала я, двигаясь дальше.

- Ты потеряла жемчужину! Великий Свет, я говорил не ломать его!

Я не слушала его, подошла к Моне рядом с Кольмом, прижала ладонь к его лбу. Жар его головы превратился в тепло. Пот смешался с маслом лавра.

- Как твоя грудь?

- Лучше.

- Он начал дышать лучше, как только мы дали ему отвар, - сказала Мона. – К полуночи лихорадка спала, и он вскоре проснулся.

- Голова кружится? – спросила я. – Что-то болит?

- Немного, - сказал он. – Не сильно. Спасибо, Мэй. Мона рассказала, что случилось.

- Я хочу знать, что случилось ночью, - настаивал Арлен, теребя пустую выемку одноглазого Птаха. – Как ты использовала все дротики?

- Я рассыпала их, - тяжело сказала я, бросив сумку. Тело гудело от усталости.

- Ты рассыпала их? Даже не метала?

- Арлен, включи голову, - сказала Мона, обычную резкость в ее голосе сменила усталость. – Она всю ночь рисковала собой, чтобы спасти нас.

Сквозь усталость я ощутила удивление, вспомнив наши резкие слова прошлым утром. Земля и небо, казалось, спор был много лет назад.

- Я метнула два дротика, - сказала я, - чтобы привлечь их внимание. Они оставили раненого скаута и пошли за мной, но я упала с обрыва и... начала оползень.

- Оползень?

Я потеряла ушибленные ноги.

- Я кричала с акцентом людей холмов, пытаюсь сделать вид, что со мной товарищи. Я шумела как целая группа, но не знаю, поверили они или решили, что я сумасшедшая. Они шли за мной по склонам, близко к Частоколу. Я увела их на север, чтобы они ушли в Лампириней, а не вернулись к дороге. Они захотят принести новости о нарушителях королю вместе с отчетом.

- Каким отчетом?

- О, - я провела рукой по лицу, усталость усилилась от мысли. – Я не говорила? Это были скауты с южных постов гор. Они несли новости королю Валиену, что флот Алькоро движется по водным путям к озеру Люмен.

Мона сжала ткань штанов, костяшки побелели.

- Нет.

- Да. Я обдумала это. У нас осталось меньше недели на путь.

- Мы близко? – спросил она напряженным голосом. – Сколько еще дней?

Я посмотрела на Кольма.

- Прежним темпом? Три дня. Три дня от гряды и Частокола.

Мона посмотрела на Кольма. Его взгляд был опущен, он хмурился.

- Когда мы уходим?

- Этой ночью, - сказала я, закрыв глаза. – Мы слишком близко, чтобы безопасно двигаться днем. Но, как только король услышит о шуме прошлой ночью, они удвоят дозор на гряде. Нам нужно уйти к ночи. Если повезет, спустимся к Частоколу к утру, - я опустила голову на мох на стене, укутала плащом плечи. – Надеюсь, потом у вас будет план, потому что я не представляю, что делать на другой стороне.

ГЛАВА 8

Я могла спать неделю, но заставила себя выбраться из проема к полудню. Я пошла к ручью у шахты, чтобы пополнить наши фляги. Я промыла порезы, полученные при падении ночью, и смазала синяки мазью. Я ополоснула рубашу Кольма, ставшую твердой от пота. Я пошла к входу в шахту, расстелила рубашку сохнуть на холме.

День угасал, я отбросила осторожность и выбралась из леса к дороге, решив отыскать лучший путь для королевичей к Частоколу. Там было несколько путей, что вели по склонам к откосу, я не могла рисковать еще одним оползнем, как тот, что я начала прошлой ночью. Я пошла вдоль дороги, держась теней деревьев, искала самый мягкий склон, чтобы поскорее переправить Аластейров через эту часть. Если кто-то из них поранится при спуске, укрыться будет почти нигде.

Я развернулась, чтобы идти обратно, и уловила любопытное шарканье с дороги выше. Я не могла представить, что за зверь создает такой шум – треск и хруст камешков под ногами. Я прошла сквозь деревья и увидела фигуру среди стволов. Я выдохнула с облегчением, а потом ощутила волну вины. Отто ковылял по дороге. В обеих его руках было по палке, он вонзал их в землю и прыгал на здоровую ногу. Его раненая нога была приподнята над землей.

Я размышляла. Почему никто из замка не пришел за ним с телегой или лошадью? Дейна и ее скауты ведь уже дошли туда? Я прошла чуть ближе. С ним была сумка, уже хорошо, но его кожа была бледной, истекала потом, лицо искривлялось от боли с каждым шагом. А потом я с тревогой заметила его деревянную флягу, висящую вверх тормашками на его поясе. Без пробки. Пустую. Желудок сжался. Еще десять миль впереди ручьев не было, ближайший остался у шахты. Он еще часами будет двигаться без воды.

Я пригнулась за елью, стараясь подавить желание поспешить помочь ему. Нет. Нет, я не могла переживать за Отто. Я шла по лезвию ножа. Я медленно встала, готовая повернуться к шахте. Я смотрела, его здоровая нога поскользнулась на камне, он замер, опираясь на костыли, его грудь содрогалась. Его рука потянулась к пустой фляге, а потом сжалась на посохе.

Я отпрянула на шаг от дороги, замерла, шагнула к нему и замерла снова, кусая губу. Я посмотрела на небо, свет таял золотом. Времени мало. Я замешкалась еще на миг, а потом побежала от дороги, оставив Отто обираться с силами. Но я не побежала сразу к шахте. Я побежала параллельно дороге, надеясь, что деревья хорошо скрывают меня. Когда я оказалась далеко впереди Отто, я вышла из-за деревьев, сняла полную флягу с плеча и поставила на выступающий камень у дороги. Я надеялась, что это поможет ему добраться до следующего ручья. Я услышала хруст его костылей, не ждала, а побежала сквозь деревья, оставляя дорогу позади.

Я вернулась к шахте, когда солнце поравнялось с верхушками деревьев. В оставшемся свете я села у проема шахты и зашивала сапог. Иголлка, что была со мной, была слишком тонкой для кожи, и я постоянно рвала нить, когда затягивала стежки, руки подрагивали от тревоги. От каждого мелкого шума я замирала, стараясь определить источник. Кольм прислонился к краю проема, его рубашка была расстегнута в свете последних лучей солнца. Он использовал последнее масло лавра и глубоко медленно дышал. Мона и Арлен за ним спали в прохладной темноте шахты.

- В это время мы видим Свет.

Я подняла голову. Кольм смотрел на небо, где появились первые оранжевые лучи.

- Перед тем, как солнце скрывается за восточными пиками, оно сияет над озером, лучи попадают на водопады Частокола.

Я вонзила иглу в кожу сапога.

- Почему-то я всегда думала, что вы видите Свет в своем жемчуге.

- Отчасти это так. Мы видим его в отражениях. Луна отражается в озере, солнце – на его дне. И в цвете и сиянии жемчуга.

Я узнавала тоску в его голосе.

- Сложно быть там, где Свет другой, да?

Он теребил край рубашки, и я знала, что он бессознательно трогает кольцо Амы.

- Я не думал, что так будет. Свет – это Свет. Не важно, где люди видят его, и как почитают, - он чуть нахмурился. – Но это важно. Месяцами после нашего прибытия к берегу я ловил себя на том, что поворачивался на восток на закате, чтобы увидеть, как загораются водопады. И каждую ночь я не видел их, и это делало меня... не знаю, как описать. Не печальным, просто...

- Оторванным, - предложила я. – Понимаю. Светлячки соединяли меня со Светом. За годы путешествий я не смогла найти сходство в поклонении луны у народа холмов, и первым лучам рассвета у морского народа. Ближе всего понимание у Алькоро.

- Да? – спросил он. – Звезды?

- Звезды, - я посмотрела на небо, облака порозовели. – Земля там такая сухая и открытая, что небеса тянутся бесконечно. Купол звезд, - я взмахнула руками. – Это было невероятно. Но все же не родное.

Он прислонил голову ко мху.

- Знаю, Мона хочет разорвать связь со Светом, потому что он ведет Алькоро, - он посмотрел в шахту, где она спала под плащом. – Она не хочет признавать, что поклонение Свету у нее и короля Селено может быть общим.

- Твоя сестра немного упряма, - сказала я, делая еще один стежок. – Хотя, думаю, такой она была всегда.

- Ты должна понимать, что вторжение изменило ее. Она была намного...

- Хуже?

- Совсем другой, - сказал он. – Совсем. Она исполняла важную роль, это помогало ей легче приспосабливаться ко всему. Знаю, теперь так не выглядит...

- Нет, я понимаю, - я вонзила иглу в кожу. – Она через многое прошла. Думаю, она даже не смогла сама погоревать из-за потерь вашего народа. Особенно Амы.

Я так увлеклась шитьем, что не сразу поняла, почему он уставился на меня. Я замерла и подняла голову. Он выпрямился, склоняясь из проема. Тишина растянулась между нами.

- Вы говорили об этом вчера, - сказал он. – Великий Свет, я думал, это сны от лихорадки.

Тишину пронзали сверчки, начавшие вечернюю песню. Мои руки застыли над швом сапога.

- Она рассказала тебе о том дне.

- Да, - тихо сказала я. – Ты говорил: «Ама».

Он уставился на меня, грудь вздымалась и опадала, его дыхание стало быстрым. Я не знала, какая эмоция разгоралась в нем. Гнев? Смущение?

- Прости, - быстро сказала я. – Я не пыталась докапываться.

- Я видел это при каждом слове, - его голос был резким. – Все снова происходило передо мной.

- Мне жаль.

Напряжение гудело между нами еще миг, а потом Кольм прижался к стене.

- Ничего, - он провел пальцами по волосам, а потом сделал то, чего я не ожидала. Он рассмеялся. Я впервые слышала его смех, но звук был горьким. – Я не безумен, Мэй. Но это было самое яркое ее изображение с тех пор, как ее убили.

Я сглотнула, не зная, как ответить. Он вытащил из-под рубашки кольцо Амы и надел на свой мизинец. Оно едва налезло на кончик пальца.

- Она бы тебе понравилась. Она была увлечена своим делом, как ты. Чудесно ныряла, - его губы дрогнули, он смотрел на ряд розовых жемчужин. – Я говорил Моне в Тиктике, что пошел бы за ней куда угодно, это так. Но я не рад возвращаться в Люмен. Совсем. Ей

с Арленом есть куда возвращаться. Ее ждет престол. Арлена – Сорча, по крайней мере, он так думает. У меня нет ничего. Только отсутствие Амы.

Я пыталась кашлянуть, разум все еще был пустым.

- Может...

Он повернул голову ко мне, и я испугалась тяжести его взгляда.

- Что «может», Мэй? Может, я найду кого-то еще? Начну еще раз? Что это пройдет, будет угасать с каждым днем, хотя я буду ходить мимо места, где ее убили? Это глупо. Попробуй пожить с такой потерей, увидишь, что это с тобой сделает.

Я сидела, потрясенная его резкостью, а потом опустила взгляд на сапог. Последнее четыре стежка задевали только один край шва. Я решительно набросилась на стежки, лицо пылало. Свет угасал, и мои стежки были широкими и неровными, как и биение моего сердца. Я сделала еще четыре стежка, я иголка застряла в плотном материале.

- Прости.

Я не поднимала голову.

- Мэй. Прости. Я... так вышло нечаянно. И ты жила с такой потерей. Я вел себя как эгоист.

Я пошевелила иголкой, пытаюсь проткнуть ею кожу.

- Нет, ты прав. Моя семья еще жива. Сестра, братья, тети и дяди, кузены, друзья... человек, за которого я собиралась выйти. Они все еще живы.

- Но их у тебя забрали. Знаю. Мне жаль. Может, даже хуже знать, что они живут без тебя, что ты не можешь быть частью их жизни.

- Это не хуже, - сказала я. - И не лучше. Нельзя так определять горе, - пальца скользнули по игле, она согнулась и вонзилась в подушечку большого пальца. Я тихо выругалась и сунула палец в рот, пытаюсь завязать узел на нити и пряча сломанную иглу в мешочек.

- Ты была помолвлена.

- Успела. Он сделал предложение на той же неделе, на которой меня изгнали.

Я ощущала его взгляд. Я надела плохо зашитый сапог на ногу.

- Мне жаль.

- Хватит так говорить, - я завязала шнурки и глубоко вдохнула, пытаюсь прогнать напряжение из груди. Я посмотрела на него. Его волосы сияли в последних лучах. - Это ведь никогда не уйдет, да?

Хмурость пропала с его лица, он выглядел уставшим и печальным.

- Да, - сказал он. - Никогда, - он смотрел на меня еще мгновение. А потом... - Почему тебя изгнали, Мэй?

Я сорвала травинку.

- Я вроде говорила.

- Нет. Не совсем. Ты сказала, что перечила Вандалену.

- Да.

- Ты не сказала нам, что именно сказала ему.

Я сорвала еще пару травинок, думая о том дне, о днях, что последовали за ним.

Он быстро помахал рукой.

- Думаю, теперь я докапываюсь. Не страшно, если ты не расскажешь...

- Почти не важно то, что я кричала Вандалену, - сказала я, глядя на него. - Я могла сказать что угодно, результат был бы тем же. Думаю, ты уже понял, что это касалось приказа отстреливать чужаков.

Он покрутил кольцо Амы в пальцах.

- Я помню, что получал письмо где-то в то же время, как тебя изгнали. Помню, потому что как раз купил это, - он держал колечко между пальцами.

- Ясно. Это был не просто приказ. Все шло плохо и до этого, - я вытянула ноги не траве. - Думаю, ты знаешь о семье, что забрала корону после того, как род изначальных правителей оборвался много лет назад?

- То были серебряные магнаты, да?

- Да. Управляли шахтами. И монархия после них всегда интересовалась шахтами. Но шахты разрушают природу, потому и были созданы Лесничие. И потом миссия Лесничих начала сталкиваться с интересами монархии.

- Они пытались обхитрить Лесничих?

- Мы были полезными, а они – не совсем глупыми. Они знали, что мы играли важную роль в защите гор. Но они пытались изменить наши цели, ослабить ограничения на шахты. Вандален оказался хуже многих. Со временем он переместил наше внимание с защиты ресурсов на патрули границы. Никто из скаутов не был этому рад, но я... была громче многих. И у меня было много друзей в страже.

- Опасное сочетание.

- Для него – да. И я обходила его приказы, я брала минимум скаутов на выполнение его глупых заданий, а потом отправляла остальных выполнять настоящую работу – проверять вред от шахт, срубить зараженные деревья. Но у него были верные глаза в страже, и весть дошла до него. Он предупреждал меня, угрожал понизить. Но, чем больше менялись его приказы, тем сильнее напрягались Лесничие. Он нервничал из-за нас. И что-то нужно было сделать, чтобы все увидели кого-то примером.

- И это оказалась ты?

Я теребила траву.

- Это не был случай с не тем местом и не тем временем. Он был умным. Он вызвал меня на совет, одну, без поддержки других Лесничих. Он приказал мне стрелять в лесу, сообщить это остальной лесной страже. Он знал, что я не соглашусь. Это было глупо, мы не были вооруженными солдатами. Это работа вооруженной стражи, и даже они были больше сосредоточены на тренировках к бою, а не на убийстве чужаков. И я закричала, - я поджала губы, вспоминая, как он настроил меня, как спровоцировал, чтобы я сорвалась. – Ему было просто. Ему не пришлось ничего доказывать совету. Не требовался суд. Через час я была в темнице, а до рассвета следующим утром меня вывели из Лампириней.

- Как узнали другие Лесничие? Ты знаешь?

- О, - сказала я, не успев прогнать горечь из голоса. – Они были там.

- Где?

Я раздавила травинку между пальцев.

- Во дворе, где меня официально приговорили и увели. Они не знали, почему я сорвалась, слышали лишь, что я сделала это перед королем. Там была вся стража – лесная, с оружием, дворцовая. Даже ученики. Вандален... постарался сделать из этого спектакль.

Мне не нравилось вспоминать те моменты, море лиц передо мной, их подняли из постелей за два часа до обычного подъема.

- Он заставил нарядить меня в мою официальную форму, а потом вывел перед всеми. Он созвал других Лесничих и заставил сорвать меня все, что означало мой ранг. Они забрали мой серебряный наплечный шнур, пояс с инструментами и сапоги с двумя рядами бахромы, - я вспомнила, как Джен стояла с другими учениками, смотрела огромными глазами. – Он заставил их оторвать знак с моей туники. Они даже оторвали вышивку с воротника плаща. Он заставил их сломать мой лук, придурок, его можно было хоть отдать кому-нибудь, но нет, ему нужно было усилить впечатление.

Я погрузила пальцы в мягкую землю, глядя в пустоту.

- Он зачитал мой приговор, чтобы слышали все, лишил меня ранга и назвал чужаком. Он отдал приказы всем отрядам ловить меня в лесу в будущем. И потом заставил Лесничих связать мне руки и завязать глаза, будто они думали, что я не смогу пройти по горе с закрытыми глазами, - я помнила, как решительно смотрела над головами друзей, несколько светлячков летало по краям двора, и повязка опускалась мне на глаза.

Я стряхнула траву с сапог.

- Пять лет я цеплялась за идею, что его спектакль вызвал другую реакцию, что он не запугал стражу, а усилил их презрение.

Кольм крутил колечко Амы на цепочке.

- Потому ты так расстроилась из-за той ямы.

Я посмотрела вверх темнеющего проема.

- Ничего не изменилось. Никому не хватило смелости продолжать нашу настоящую работу. Вместо этого они ходят по старым дорогам, не пуская виндеранских детей собирать грибы. Мы отдаем деревья жукам, и обвалы загрязняют ручьи, - я вздохнула. Он издал тихий смешок. – Что?

- «Моя сила в моей честности», - он спрятал колечко под рубашку. – Никто не может сказать, что ты больше не Лесничая, Мэй.

Простота его слов потрясла меня. Годами я боролась за свое старое ощущение цели, поглощенное отсутствием направлений, пустотой, появившейся в моей жизни. Он назвал меня по старому титулу без сомнений, и от этого в груди стало тепло. Я опустила голову, воротник вдруг стал горячим.

Желтый светлячок лениво пролетел между нами, не замечая нашего разговора. Я вернулась в реальность. Сумерки. Пора идти. Я стряхнула траву со штанов.

- Пора будить твоих брата и сестру, - я встала на ноги. – Как ты? Понести твою сумку?

- Я в порядке. Боли нет. Ты уже много сделала. Я благодарен тебе, Мэй, - он протянул руку в стиле моего народа. – Спасибо.

Я была потрясена этим жестом, улыбалась, пока шла будить Мону.

- Было бы сложнее тащить твоё бессознательное тело с горы, Кольм. Я рада, что ты еще дышишь.

Я уловила его улыбку и потянулась будить его сестру.

* * *

Мы быстро проглотили кожуру фруктов и остатки копченого мяса, а потом закинули сумки на спины. Я указала Моне и ее братьям идти наверх, а сама задержалась, пытаясь скрыть следы нашего присутствия. Я вымела из пещеры траву, разбросала угли. Отряхнув руки, я пошла за королевичами. Мона добралась до вершины, братья шагали за ней, но там она застыла, ее силуэт был черным на фоне темнеющего неба.

- Ох, - услышала я ее голос.

Я напряглась, сердце билось быстро в такт моим шагам.

- Что? Мона, что случилось?

Она не обернулась, но помахала мне, маня на вершину.

- Иди сюда скорее.

Мы забрались к ней и замерли, глядя на мягкий склон и впадину. Я пошатнулась от потрясения, ладонь прижалась к груди.

Внизу, беззвучные, как ночь, и яркие, как луна, двигались голубые призраки, светлячки. Реки, каскады, ручьи света звезд, не мигающего, а сияющего, парили над землей. Они летали среди стволов деревьев, парили, как туман, над кустами. Их было так много в сумерках, что весь лес сиял, стволы купались в голубом свете. В ветвях наверху вспыхивали их желтые родственники, добавляя картине под ними свое мерцание. Я прижала ладони к щекам, горло сдавило от эмоций. Как давно я в последний раз видела это священное зрелище?

Очень давно.

Руки Моны висели по бокам.

- Ох, - выдохнула она снова, словно внезапно поняв.

Я ощутила легкое прикосновение у локтя. Кольм.

- Твой Свет, - сказал он.

Я сглотнула, не могла говорить. Где-то в деревьях к сверчкам присоединился тауи. Выпей-чай! Серый свет угасал на облачном небе, оставляя только сияние во впадине. Несколько одиночек отлетало к нам от своих товарищей, и я видела, как их голубой свет падает на землю внизу. Без тревог, так просто, эти крохи искали тихо себе пару. Пели

сверчки, восклицал тауи, и реки звездного света продолжали разливаться среди стволов деревьев.

Я была наполнена до краев, я тосковала... так сильно, что не поняла, что тауи кричит один в позднее время дня, слишком высоко, не подумала логически, что ему ответили несколько пиви. Нет, я стояла как статуя, пока подсознание не привело меня в чувство, но было слишком поздно. Вдох, и фигура вышла из-за деревьев в облаке светлячков, стрела была поднята в луке.

- Не двигаться, - приказал приглушенный голос, и я разбилась, смотрела на осколки своей глупости на земле. - Вы окружены лесной стражей короля Валиена Голубой дым Лампиринейского, - лицо говорящего было под капюшоном, скрытое темной тканью, но было видно ее глаза, мерцающие в голубом свете. Она держала в руке три стрелы, по одной на каждого из нас. Она медленно двигалась вперед, ее стрела была направлена на нас. - Вы не будете говорить или вытаскивать оружие. Вы протянете руки, чтобы их связали. Вас отведут во двор короля Лампириней, где вы будете... Элламэй?

Она выпрямилась от потрясения, лук опустился. Она моргнула несколько раз, разглядывая в голубом свете.

Это была моя кузина Джен. Мое сердце рухнуло к ногам.

- Земля и небо... - она сняла капюшон и убрала ткань с носа и рта, даже в тусклом свете я видела тревогу на ее лице. Она прошла ко мне и схватила меня за руки. - Элламэй, как же... что ты тут делаешь?

Я обхватила ее руки в ответ.

- Джен, прошу, пропусти нас. Мы только переходим горы. Нас нельзя ловить.

- Я... Элламэй, я уже... ты не слышала мой сигнал? Сюда идут скауты Хоуэла, - она посмотрела на моих спутников. - Что ты делаешь? Кто они?

- Никто, Джен. Просто путники. Мы не навредим. Нам просто нужно пройти.

- Это же... Свет, это не ты была прошлой ночью? На дороге у Частокола? - ее хватка на моих руках стала крепче. Она снова посмотрела на Аластейров.

- Джен, - сказала я, чуть не стряхнув ее руки. - Пропусти нас.

- Я ехала забрать Отто, - сказала она высоким голосом. - Он сказал, что кто-то оставил виндеранскую флягу на дороге. Он подумал, что нарушители прошлой ночи еще рядом, предложил проверить ближайший ручей.

Виндеранская фляга. Черт возьми.

- Ближайший ручей здесь, конечно, - она паниковала, а я слышала звуки скаутов, спешащих по лесу, задевающих кору и листья в спешке. - И... это была ты?

- Джен, послушай...

Она оглянулась, услышав из-за деревьев трель. Пока она отворачивалась, я сняла с Моны кулон с жемчужиной. Я спешно сжала цепочку с кулоном в кулаке и сунула в сапог.

Джен повернулась к нам, ее глаза были полны боли. Она отпрянула на пару шагов и подняла лук.

- Я... я не могу... прости, Элламэй.

Я повернулась к Кольму.

- Быстро, - прошептала я. - Отдай Моне кольцо, пока руки не связали.

Он расстегнул цепочку, снял кольцо и передал сестре. Она надела его на левый безымянный палец, фигуры начали появляться из глубин леса. Луки скрипели со всех сторон.

- Протяните руки, - приказала одна из фигур, он был в капюшоне, как и остальные. - На его плече был плетенный серебряный шнур, на его сапогах были два ряда бахромы. Его значки блестели, поражая количеством. - Бросайте оружие.

- Что делать первым, Хоуэл? - спросила я. - Говори точнее.

- Это Элламэй Бражник, сэр, - тихо сказала Джен.

Я видела, как несколько стрел дрогнуло. Один скаут слева выпрямил лук и снял маску, как Джен.

- Держите себя в руках! – рывкнул Хоуэл, скаут поднял лук. Надежда угасала, он всегда был на стороне короля сильнее всех товарищей. Он смотрел на меня и трех спутников. Я ощущала напряжение Моны. – Исправь, если я ошибаюсь, но тебя изгнали пожизненно, так ведь? – спросил Хоуэл.

- Верно.

- Что тогда ты делаешь в обществе чужаков так далеко в горах?

- Мы мимо проходили, Хоуэл, как невинные путники. Если не заметил, Торговая дорога все еще недоступна, так что через горы приходится добираться самим.

- И зачем, - спросил он, глядя на Аластейров, - вам на другую сторону?

- Я помогала тебе подняться до Лесничего, - осторожно сказала я, - но, боюсь, говорить я тебе не собираюсь.

Его лицо дрогнуло под маской.

- Тогда тебе придется рассказать королю и его совету.

- Королю же нет дела до безобидных путников?

Он махнул скаутам.

- Связывайте им руки.

- Сэр, - с отчаянием сказала Джен. – Вы же знаете, что делал совет все эти годы?

- Это не наша проблема. Если мы пропустим их – что, напомним, будет считаться изменой – они могут попасться снова, может всплыть, что они сначала встретились с нами, и мы ничего не сделали. Мне не нужно говорить, что после этого будет с твоим рангом и репутацией, - он щелкнул пальцами в сторону нерешительных скаутов. – Свяжите им руки, стражи, или я доложу на всех королю!

Несколько бросилось вперед, занялось нашими запястьями. Арлен выругался, когда они забрал из его рук атлатл.

- Завязывать им глаза, сэр? – спросил неохотно другой скаут.

Хоуэл замешкался.

- Нет, - сказал он. – В темноте они ничего не увидят. Не будем затягивать.

И я знала, что это была вся свобода, что я получу от бывших коллег.

Мы хотя бы не были мертвы.

Пока что.

* * *

Мы шли ночью. Я была отчасти рада, что мы отдохнули днем, иначе Аластейры не поспевали бы за шагом Хоуэла. Наш путь озаряли светлячки, но теперь их свет только озарял мои ошибки. Я подавляла отчаяние, сжимающее желудок, разум бросался от одной горькой мысли к другой, как птица, что боялась опуститься на ветку. Как я забыла, что Отто тут же узнает виндеранскую флягу? Почему не подумала, что он свяжет это с вторжением народа холмов прошлой ночью? Как я могла опустить позывные стражи в лесу? Что я скажу королю? Его совет узнает Мону и ее братьев? Что они сделают с ними?

Что они сделают со мной?

Дорога была вытоптанной, широкой, но все еще неровной, и я слышала, как мои спутники пару раз спотыкались за мной. Я с тревогой подумала о Кольме, только пришедшем в себя. Другие скауты несли их сумки, так что он хотя бы не тащил дополнительный вес, но это мало успокаивало. На каменном переходе я услышала, как он пошатнулся, кашляя. Я развернулась, зашагав спиной со связанными запястьями вперед.

- Все хорошо, Кольм?

- Хорошо.

- Молчать, - приказал Хоуэл.

Мы шагали до рассвета. Мы двигались дальше на север, миновали пересечения с путями, ведущими вниз по горам. Я подумала о лесном народе в поселениях, те, кто рано вставал, начинали зажигать костры и набирать воду, и я задумалась, рискнула бы хоть одна душа в Сильвервуде, чтобы спасти меня. Я подумала о семье на севере. Я не успею

послать им весточку. А друзья в страже? Они будут рисковать рангами и титулами за бывшего товарища, приведшего чужаков на землю, что они защищали?

Лучи света пронзали утренний туман, мы вырвались из леса, увидели над собой гору Голубого призрака, дворец Лампириней был на вершине. Сердце встрепенулось, я была ослабевшей и встревоженной. Витые башни все еще были знакомы, как в день, когда мне завязали глаза и вывели за ворота. Башни и арки были построены в горе, возвышались над деревьями, сверкали в первых лучах. Большой Огнепад еще оставался в тених на западных склонах, его не было видно за утесом и Частоколом, но шум его падающих вод доносился до нас у подножия.

Но вид долго меня не радовал. Хоуэл поторопил нас в лес на холме, и дворец пропал за листвой, отчаяние затопило меня. Это был не мой дом. Не мое укрытие. Это больше не было безопасным местом. Там были опасность, отчаяние и поражение. Я сжала кулаки за спиной, ненавидя то, что место, что радовало меня, теперь вызывало лишь страх.

Люди занимались утренними делами в поселении, окружающем стены дворца. Запах дыма и пекущихся лепешек разносился по округе, смешанный с едким дымом печи кузнеца. Я невольно озиралась, пока мы шли, тихо отмечала, что осталось прежним, а что изменилось, пока меня не было. Мастерские стульев и метел, изделий из кожи и кузница. Мельница и пресс для сидра. Утренний шум заглушал стон водяного колеса, от движений которого работала мельница. Мастерскую луков, вроде, обновили, и творец серебра расширила магазин, но таверна не изменилась. Смех детей доносился до нас. Девочка сидела с деревянной игрушкой, заставляла ее танцевать, и все смеялись. Они перестали играть и смотрели, как мы проходили, кукла выглядела как повешенный человек.

Я старалась не видеть в этом зловещий знак.

Когда мы добрались до резных деревянных врат, я удивленно отметила, что узор на них не изменился. Обычно, когда новый король получал корону, старые врата снимали, и новые вырезали с заказанным символом. Но двери передо мной были с орлом Вандалена, раскинувшим крылья над горами, его когти, казалось, хотели вырвать деревья. Я не успела обдумать это, потому что врата распахнулись со стоном, впуская нас во двор.

Мы миновали огромный двор, место ежегодных пиров и веселья людей Сильвервуда у огромного дуба, древнего, как сама страна. Во время летних пиров музыканты сидели на ветвях дерева, окруженные синхронизирующими светлячками, а внизу танцевали остальные. Но теперь во дворе стояла тишина, нарушаемая лишь спешными шагами. Хоуэл повел нас по лестнице к дверям замка, кивнул дворцовым стражам у ворот. Они опешили, когда я прошла мимо них.

- Элламэй...?

Но через миг мы были в арочном коридоре, утреннее солнце озаряло моль, летающую в воздухе. Я ощущала разные эмоции. Этот дворец. Мой дом. Моя тюрьма. Моя победа.

Мое поражение.

Хоуэл не сразу повел нас в тронный зал, он использовал боковой проход. Мы шли в комнату совета. Я подавила волну страха, кашлянула, нарушая долгую тишину.

- Советники те же? – спросила я. – Никто из них, не знаю, не умер от едкости за последние пять лет?

Хоуэл ускорил шаги, словно хотел убежать от моих слов.

- Нет, - тихо сказала Джен сзади. – Совет тот же, Элламэй.

- Геллебор и Блэкторн?

- Там.

Блин.

В окна дворца влетал весенний ветерок, солнце сияло на отполированном дереве в коридорах. Изящные фонари из кованого железа висели под потолком, перемежаясь с люстрами из серебра. Знамя страны, серебряное дерево на зеленом поле, виднелось всюду. В Светлые годы корни дерева украшали голубые жемчужины, представляя призраков, но

Люмен и Сильвервуд рассорились, и жемчуг поставлять перестали. Теперь жемчуг остался только на знамени в тронном зале. Остальные украшали голубые нити.

Дверь комнаты совета навевала воспоминания, от которых все сжималось. Хоуэл выстроил нас в коридоре у комнаты и ушел сообщить королю, оставив Джен и трех скаутов сторожить нас. Впервые за время ареста я посмотрела в глаза Моне и ее братьям.

- Простите, - сказала я.

Мона посмотрела на скаутов, ожидая, что они заставят нас молчать, но они намеренно не смотрели на нас. Я ощутила искру благодарности.

- Не стоит, - сказала она. – Это я убедила тебя вернуться.

Я посмотрела на Кольма. Он серьезно смотрел на стену напротив, где был вырезан Огнепад, шарики серебра на нем представляли светлячков у его берегов.

- Итак, - тихо сказала она, - Элламэй Бражник?

- Такой я была здесь, - устало сказала я. – Это имя кричал король, вынося приговор. Некоторое лучше оставлять позади.

- Бражник – твоя фамилия?

- Скорее Элламэй. Моя сестра Сэрамэй. Мама – Илламэй, - я переминалась с ноги на ногу. Ее кулон натирал ногу, где я спрятала его в сапог. – Бражник – мой эпитет. Мы все выбираем их в тринадцать, и часто они выбраны по глупым причинам. Моего брата Мейку, например, до брака звали Дятел, потому что он идиот. Моя сестра была Тюльпаном, потому что считала цветы красивыми.

- А твой эпитет?

- Ты, наверное, не видела бражника-языкана?

- Нет.

- Это поразительные крохотные существа. Сперва и не поймешь, бабочка это, колибри или пчела. Похоже на всех троих. Я думала, они умные, раз так замаскировались, - я прислонилась к деревянной стене. – Потом могут дать шанс выбрать эпитет заново, или при браке, или при достижении статуса в профессии, - я закрыла глаза. – Мне пока ничего не светит.

За дверью зала слышались тихие голоса, мое притихшее сердце снова заколотилось. Несмотря на наши старания, мы все же столкнемся с новым королем. Дверь открылась, и Хоуэл выглянул.

- Заходите.

Но, когда мы вошли, я с удивлением обнаружила, что короля не было за столом с пятью советниками. Я смотрела на его подозрительно пустое кресло посередине. Где он, раз они приняли нас без него? В лесу? Он болен?

Подавив удивление, я обратила внимание на знакомые лица за высоким столом. Советник Геллебор шуршал пергаментом. Он напоминал паука, его темная кожа выплела со временем работы во дворце, он управлял экономикой серебряных шахт. Он смотрел на меня черными глазами, похожими на жуков. Он помнил, как я отказывала, когда он просил ослабить ограничения на шахтах. Я выдержала его взгляд, не мигая, и через миг он повернулся к Хоуэлу.

- Итак, Лесничий Танагер, - сказал Геллебор. – Начинайте отчет. Кто эти нарушители и где вы их нашли.

Хоуэл замер.

- При всем уважении, советник, разве мы не должны дождаться короля?

- Король занят другими делами. Мы передадим ему содержание допроса. Отчет.

Я стиснула зубы. Такими были отношения между советом и новым королем. Они подавляли его. Я мысленно просила Хоуэла не сдаваться, требовать соблюдения протокола. Но он был слишком привязан к титулу и рангу, чтобы перечить приказу советника. Он кашлянул.

- В сумерках прошлым вечером мой отряд позвала скаут Джен Юнко у заброшенной шахты. Мы обнаружили четверых нарушителей. Как видите, тут чужаки, похожие на жителей озера. С ними Лесничая Элламэй Бражник.

- Бывшая Лесничая, - исправил Геллебор, хмуро глядя на меня. Я не дрогнула под его взглядом. – Они сопротивлялись?

- Нет, сэр. Они были послушны.

- Что за оружие с ними было?

- Люменский атлатл и ножи. Мы еще не успели тщательно обыскать их сумки.

- Сделаете это, - Геллебор скользнул по мне взглядом. – Как же вы объясните свое появление в центре гор с тремя чужаками, Бражник?

Я всю ночь продумывала свой отчаянный рассказ. Я жалела, что мы не обсудили это заранее.

- Я прекрасно знаю, что изгнана, - сказала я. – До этого я мирилась с нечестным приговором, не ходила в горы пять лет. Но я случайно встретила людей озера в Пароа, они выразили желание перейти Сильвервуд, чтобы попасть к озеру Люмен. Они были среди тех, кто смог сбежать при нападении алькоранцев, - я вдохнула, ощущая взгляд Моны. – Этим двоим, - я указала локтем на нее и Кольма, - пришлось бросить ребенка. Они не слышали о ней три года, пытаюсь вернуться к ней. С ними путешествует их кузен, - я кивнула на Арлена. – Они просили только перевести их быстро и безопасно через Сильвервуд. Они не хотят зла королю, не влияют на Люмен. Они только хотят найти ребенка.

Я застыла, глядя на совет, а не королевичей. Советник Блэкторн склонилась вперед.

- А их не заставят быть рабами по возвращении? – она смотрела на моих спутников.

- Риск того стоит, - ровно сказала Мона. Сердце колотилось в моей груди.

Советник Кестрель кашлянула. Только она не высказывалась открыто, что меня нужно изгнать, ведь сама когда-то была скаутом. Она оставила королевскую стражу, когда не смогла стать Лесничей, и ушла в политику.

- Почему вы не пришли к королю с просьбой перейти Сильвервуд?

- Как мы бы связались с ним? – спросила Мона. Я хотела бы, чтобы она и ее братья опустили головы ниже, перестав вести себя величаво. – В горах нет троп, открытых чужакам, и послание никак не доставить. Мы пытались неделями перейти сами, но поняли, что без проводника этого не сделать. Эта женщина была нашим первым шансом вернуться за три года.

- Что вы собираетесь делать, прибыв туда? – спросил Геллебор. – Вас запрут с вашей дочерью. И что тогда?

- Не ваше дело, - властно сказала Мона. Земля и небо, она могла просто приказать им встать на колени.

Геллебор нахмурился сильнее.

- Мое дело, ведь вы в нашей стране. Мы не можем показывать алькоранцам, что помогаем переправить ваш народ через горы, - он выпрямился. – Вы будете задержаны и допрошены по отдельности...

- Прошу, - я перебила его. – Заприте меня, если нужно, но пусть они продолжают путь. Они не выдадут вас Алькоро, они ничего не могут рассказать. Просто отведите их за Частокол к границе...

- Тебя ждет наказание суровее темницы, Бражник, и не тебе просить, - яростно сказал Геллебор.

- А вы не имеете права допрашивать пленных без присутствия короля, - сказала я, гнев кипел. – Хотите забрать корону, Геллебор, или уже сместили короля?

Он стал чудесного багрового цвета.

- Ты, - ядовито сказал он, - лучше молчи, или тебя казнят до конца дня.

- Что в твоём сапоге? – спросила Кестрель.

Все в комнате посмотрели на нее, потом на мою ногу. Я взглянула на свой плохо зашитый шов и проклинала ее зоркие глаза, ее навык скаута. Из прорех шва поблескивала красивая цепочка от кулона Моны.

Я открыла рот, но не успела придумать ответ, за нами раздался скрежет, тяжелые двойные двери распахнулись. Мы с Аластейрами оглянулись.

На пороге стоял король, его лицо было темнее тучи. Он был в зеленой форме стража, но вышивка была лучше, а защелки туники украшали камни. Его сапоги были с серебряными пряжками, бахрома была мокрой и в земле. Серебряный обруч обрамлял голову, пропадая в его черных волосах. Он скользнул взглядом по нам, остановившись на мне.

Великий Свет, когда он так смотрел, он был так похож на своего отца, хотя его взгляд был хитрее и умнее, чем у прошлого короля. Его взгляд переместился на советников, он скрипнул зубами.

- Мой король, - холодно сказал Геллебор. – Мы слышали, утром вы были на гряде.

Он прошел мимо нас, плащ развевался за ним.

- Я был там почти всю ночь, Геллебор, но, по счастливой случайности, я вернулся не так давно и услышал, что нарушителей допрашивают без меня. Я подумал, что дело стоит моего внимания, - он повернулся ко мне и направил палец на мое лицо. – Тебя здесь быть не должно.

- Знаю, - сухо сказала я. Его правая рука была в дюймах от моих глаз, я видела шрамы на его ладони. Причиной таких шрамов был случай в детстве.

- Она призналась, что вела трех чужаков через горы, - сказала Блэкторн. – Их обнаружили у шахты Лоубэк прошлой ночью на пути к озеру Люмен.

- Как же бывший скаут и три ныряльщика прошли половину пути по горам, не попавшись? – спросил король и повернулся к Хоуэлу. – Как, Лесничий?

Хоуэл опешил.

- Я... нас назначили охранять гряду, мой король. Ириен и Клера на восточных склонах...

- Я все еще хочу знать, что в ее сапоге, - сказала Кестрель.

Король Валиен посмотрел на мою ногу. Он щелкнул пальцами в сторону Джен.

- Сними ее сапог, страж.

Джен поспешила подбежать и пригнуться у моей ноги. Я неохотно подняла ногу, размахивая локтями, как неуклюжая индейка. Она потянула, но мой сапог разорвался. Подошва упала на пол. Вывалился кулон Моны.

- Прости, - шепнула она мне и подняла кулон. Король забрал его и разглядывал, сжимая кулаком в шрамах. Его лицо было настороженным, замкнутым.

- Что это? – спросил советник Геллебор, вытянув шею. – Камень?

- Жемчуг, - сказал король.

- Большая жемчужина, - сказала Кестрель.

Я сжала кулаки за спиной. Знали ли здесь, что правитель озера Люмен носит такой кулон? Алькоранцы в переходе Рашера знали.

Геллебор посмотрел на меня.

- Бражник сказала, что эти трое людей озера – простые жители, они не влияют на страну, но если у них ценный кулон...

- Бред, - перебил король, ловко спрятав жемчужину и цепочку в кулаке. – Просто наш бывший товарищ переживал тяжелые времена. Уже воруем, Элламэй? – он быстрым движением застегнул цепочку на шее, спрятал кулон под туникой.

Я почти ощущала жар гнева Моны. Я пожала плечами, насколько удавалось с руками, связанными за спиной.

- Я должна была как-то выживать.

- Логично, - он скользнул по моему разорванному сапогу и потрепанной тунике.

- Мой король, - сказал нетерпеливо Геллебор. – Я думаю, мы должны...

- Простите, но я не буду слушать эту просьбу, советник, - резко сказал король. Он вытащил из-под плаща маленький снаряд. Он протянул его Джен, острие оказалось в дюймах от ее лица. – Страж.

Она сжалась, глядя на предмет.

- Мой король?

- Скажи, что это.

- Дротик, мой король.

- Из тех, что бросили в ваш отряд две ночи назад?

- Да, мой король.

- Тебя учили метательному оружию, страж?

Она не знала, как ответить. Геллебор за высоким столом поджал губы.

- При всем уважении, мой король, - сказал он голосом, что опровергал слова об уважении. – Не думаю, что это...

- Не ставьте меня на место, Геллебор, - приказал Валиен, указывая дротиком на советника. – Я вам помогу. Дротик этот слишком короткий для лука, слишком легкий, чтобы бросать рукой. Дротик этот для копьеметалки, - он повернулся и без колебаний указал дротиком на Арлена. – Скажи, человек озера, кто из вас умеет обращаться с атлатлом? – он смотрел на шрам в виде улыбки на лице Арлена.

- Я, - коротко сказал он.

- Я так и думал. Тогда это не ты. Стреляли плохо. И не ты, - он прошел мимо Кольма, отмахнувшись дротиком. – И не ты, - он прошел мимо Моны, не замечая ее гнев на лице. Он снова встал передо мной. – Элламэй, скажи, что ты делала на гряде две ночи назад, стреляя в моих скаутов и угрожая всем, кто живет у Частокола?

- Пыталась увести отряд Дейны от шахты, - ровно сказала я. – Там мы укрывались от дождя.

- Да, и лечились от какой-то болезни, если траты в тайнике неподалеку с этим связаны, - он отвернулся от меня и прошел к высокому столу. Геллебор смотрел на него как сокол. – Ты не только нарушила приговор, но действовала в интересах чужаков, привела их в сердце Сильвервуда. Ты воровала из моих тайников и ранила скаутов.

- Я никого не ранила! – удивленно сказала я.

- Нет? – он замер. – Ты не учла вывих колена у моей Лесничей, преследовавшей тебя?

Потому Дейна долго шла во дворец. Я ощутила укоры совести.

- Да, я действовала против Сильвервуда, - сказала я. Он стоял на ступеньках у высокого стола, крутил дротик пальцами. – Заприте меня. Делайте, что должны. Но отпустите их. Они не ссорились с вами, им нужно идти к озеру.

Тишина повисла в комнате, момент затянулся, по мнению Геллебора. Он заерзал и кашлянул.

- Мой король, - его голос был слишком громким и натянутым. – Мой король, настаиваю, что вы должны отказать...

И в этот миг я увидела ситуацию юного короля, попавшего меж двух борющихся фронтов. Глаза советника сверлили его взглядом, но он не ждал, чтобы заговорил кто-то еще. Он резко развернулся, взмахнув запачканным землей плащом.

- Настаиваешь? Геллебор, помолчи. Как бы ты ни думал, ты не обладаешь властью, чтобы приказывать мне, что делать, - он обошел высокий стол, добрался до своего места среди совета, но не сел. Он указал на меня дротиком с мрачным видом. – Элламэй Бражник, я придерживаюсь приговора, озвученного моим отцом пять лет назад, я приговариваю тебя к смерти через повешение завтра с первыми лучами света. А вас троих будут держать в темнице, пока я не решу, как вы мне пригодитесь, - он указал на Хоуэла. – Уведи их, Лесничий

Голос Моны вырвался из нее шипением.

- Мерзавец! Ты отравляешь свою страну, как гнилое яблоко! Как ты смеешь...

- Прочь, Лесничий! – громко сказал он.

Хоуэл и его скауты вытолкали нас за дверь в коридор. Я осмелилась оглянуться через плечо, пока двери не закрылись. Король Валиен был неподвижен, как камень, напряженно смотрел нам вслед.

Все мое тело гудело от потрясения. Опасность моего приговора висела надо мной с момента, как мы вошли в лес, но она была далекой, размытой. Даже когда мы шли за Хоуэлом, я знала, что лежит в конце пути. Но услышать это от короля, вслух, было невыносимо. С первыми лучами! Он даже не даст мне провести целый день в темнице. Что я могу сделать за такой короткий период времени? Я слепо шла по лестнице за Хоуэлом в глубины сырого подземелья.

Мы добрались до первых камер, Джен вышла из ряда скаутов и занялась моими запястьями. Скауты Хоуэла вели Мону и ее братьев дальше по коридору.

- Прости, Элламэй, - сказала она, когда они ушли подальше. Ее голос сдавливали эмоции. – Хотела бы я знать, что это ты. Я бы не сигналила остальным.

- Ты делала свою работу, ты справилась. Я тобой горжусь. Ты хороший скаут.

Она ослабила мои путы, но не закрыла дверь. Я стояла на пороге камеры, потирала запястья. Она вдохнула и огляделась.

- Мы не дадим тебя повесить. Не позволим.

Я горько улыбнулась.

- Ты и кто еще, Джен? Кто рискнет жизнью ради изгнанной Лесничей?

Она моргнула.

- Многие, Элламэй. Больше, чем ты думаешь. Поступок Вандалена стражам не понравился. У тебя хватило смелости выразить то, что все думали. Ты знаешь, что Роел Голденсил уволился после этого?

Роел, мой старый наставник. Я помнила, как он склонился к моему лицу, его заставили оторвать знак с моей формы. Он был напряжен, хмурился. Я думала, он разочарован мной. Дыхание застряло в горле.

- Нет.

- Да. В тот же день, когда тебя увели. Оставил Лампириней, ушел от всего этого. Почти сорок лет Лесничим, и он не смог это вытерпеть, - она посмотрела на коридор снова. – Многие остались на местах, но начали обходить приказы. Мелочи, за которые их не накажут.

- У хребта Королепада мертвые деревья, - сказала я. – Земля обвалилась.

- Ну, да, - она посмотрела на меня. – Не все такие смелые, какой была ты.

- И как при Валиене? – я сжала прут пальцами. – Он явно убрал приказ стрелять в чужаков. Он не исправил другие приказы его отца?

- Еще нет, - она теребила щиток на руке. – Мы так обрадовались, когда он унаследовал трон, после всего, что Вандален делал с лесной стражей. Ты знаешь, что принца Валиена любили. Но вдруг на него упали корона и двор, и... не знаю, Элламэй, он просто пропал в этой роли. Когда он взял себе на коронации эпитет Голубой дым, мы пытались понять смысл, надеялись, что он привязан к горам, как туман на склонах, но время шло... - она покачала головой. – Он сам будто в облаке дыма. Никто не может понять его мотивы.

- А совет?

- Ты видела, какие у них отношения. Ты была права, говоря так Геллебору. Они пытаются сместить его. Не думаю, что они доверяют ему, как его отцу, они хотят начать новый род правителей.

- А стража? – спросила я. – На чьей вы стороне?

Она посмотрела на коридор, придвинулась ко мне и понизила голос.

- Мы не знаем. Некоторые думают, что Валиена свергнут, не пройдет и года. А некоторые другие... Элламэй, думаю, он снова пойдет на озеро Люмен. Он удвоил дозор

со стороны озера, заставляет докладывать о странностях в движении алькоранцев. Но он делает это в стороне от совета, словно не хочет, чтобы они знали.

- Ты пойдешь за ним? – спросила я. – Если он поведет стражу против озера, ты пойдешь за ним.

Она несколько раз открыла и закрыла рот.

- Нам придется, - выдавила она. – Но я не думаю, что у него выйдет, или как это поможет Сильвервуду. Впрочем, он может знать что-то еще.

Я прижалась к прутьям.

- Возможно. Он был хитрым принцем, - я провела пальцами по волосам. – Думаю, мне до этого дела быть не должно.

Она встрепенулась.

- Мы не позволим ему исполнить приговор отца, Элламэй. Ни один монарх Сильвервуда не приказывал убить жителя за сотни лет. Мы этого не потерпим.

В коридоре послышался звон ключей. Хоуэл и его скауты шли обратно. Я отошла в камеру, Джен закрыла за мной дверь.

Она запирала замок, я схватила ее за руку.

- Пока ты не ушла... Наша семья. Как они? Как братья и сестра? Родители?

Она опечалилась, но схватила меня в ответ.

- Они в порядке. Все в порядке. Серамэй родила еще и дочь, Авамэй. Твои родители в порядке. Скучают по тебе, но здоровы.

Я выдохнула.

- Спасибо.

Она притянула меня за плечи к прутьям, обнимая меня. Я обняла ее в ответ, холодный металл впивался в грудь и лоб. Это было и в прошлый раз в темнице, беспощадное железо разделяло меня с человеком, которого я любила.

Она поцеловала меня в лоб и отпустила, провела большим пальцем под своими глазами. Хоуэл вернулся со скаутами, поспешил мимо моей камеры.

- Лучше не медлить, Джен.

- Знаю, - она повернулась к нему. – Держись, Элламэй.

- Не переживай за меня. Прощай.

Лесная стража тихо прошла по коридору и пропала, поднявшись по ступенькам. Дверь закрылась с металлическим скрежетом. Щелкнул замок. И я осталась в темноте, тишине и со своим последним словом, сказанным Джен, эхом отдающимся в голове.

ГЛАВА 9

Время жестоко. Некоторые дни тянутся как тысяча жизней, бесконечные и скучные. Некоторые пролетают, как перевернутая страница книги. А бывает день, что проносится быстрее, чем успеешь моргнуть, но медленно пропитывает тебя глубоким страхом. Я лежала на матрасе в темнице, руки были сложены на груди, я смотрела на потолок, жила, пока могла. Я лежала так, как могла оказаться в гробу.

Я перевернулась на бок.

Я спала. А что еще я могла делать? Я ужасно устала после последних дней, морально и физически. Я уже трясла металлические прутья в камне, но они были прочными. За оставшиеся часы ничего изменить не удастся. Три стены были в горе, их ничто не пробило бы, только стекал ручеек воды. Я прижалась лицом к прутьям, кричала в коридор, надеясь, что кто-то меня услышит. Но стены искажали мой голос, и я не могла разобрать тихие слова Моны в ответ.

И я спала, отчаянно пытаюсь закрыться от времени. Холод пробирался под мою тунику, и я много раз просыпалась от этого. Стражи забрали мой плащ вместе с остальными вещами, я бросила бесполезные сапоги в углу. День угасал, я дрожала, конечности сводило от того, как я сильно сжималась от холода.

Несколько раз было слышно тихие шаги стража. Я хотела крикнуть, но передумала, вспомнив соперничество между доброй лесной и дворцовой стражей. Я сомневалась, что мне поможет лесная стража, а дворцовая – тем более. Они не были верны мне. Многие спешили мимо моей темницы, не оглядываясь на меня, и я тоже не обращала на них внимания, пока металл на полу у моей двери не загремел. Дерево шаркнуло по камню, поднос с ужином толкнули в мою темницу.

Я перекатилась и увидела стража, выпрямившегося, чтобы идти по коридору.

- Погоди, - сказала я. Он замер, шагнул в сторону и повернулся ко мне. Он был юным, я его не знала. – Что происходит наверху?

- Не знаю.

- Они строят плаху?

Он замер.

- Да.

- Ты знаешь мою кузину Джен? Джен Юнко?

- Я знаю, кто это.

- Знаешь, что она делает? Она во дворце?

Он покачал головой.

- Король отправил ее в лес с несколькими другими, чтобы созвать стражей в Лампириней. Она ушла к гряде или по склонам.

Земля и небо. Я была уверена, что она как-то поможет нам сбежать. Нервы снова напряглись. Я прижалась лицом к прутьям.

- Спасибо, - вяло сказала я.

Он сделал еще несколько шагов по коридору.

- Наслаждайся,- бросил он через плечо.

Это было странно, но он больше не обернулся. Я придвинула поднос к себе и подняла корочку хлеба, желудок урчал, но я замерла, поднося его ко рту. На подносе с хлебом был кусочек сладкого масла, немного густого джема и, представьте, жареное яйцо. Я заглянула в чашку и обнаружила не воду, а смородиновое вино, какое мы пили на фестивалях. Я посмотрела на коридор, но страж уже ушел. Он сам готовил еду пленникам? Или кто-то другой? Я сомневалась, что король так щедро кормил пленников. Я немного обрадовалась, восприняв это как послание, что где-то наверху друзья обходили приказы, все еще верные делу, которое мы выполняли, пока не наступили темные времена.

* * *

Ночь тянулась, менялись только стражи в патруле, а я больше не могла спать. Я вздрагивала в тревоге, расхаживала по камере, как беспокойный горный кот. Я не могла ничего придумать, не могла сбежать, я сомневалась, что мои старые друзья помешают совету исполнить приговор Вандалена. Я снова задержала прутья, пыталась найти места, где вода разъела металл. Я гремела тяжелым замком о дверь. Я забиралась на прутья, совала пальцы в пространства между прутьями и неровным потолком. Но ничто не поддавалось. Я съехала на пол и несколько раз от злости ударила плечом о дверь, но лишь получил длинный синяк на руке.

После полуночи я ходила по кругу, надеясь, что в голову придет идея, когда я услышала слабый звук в коридоре. Едва слышные шаги сапог с мягкой подошвой, они подошли к моей камере. Но патруль еще не проходил. Я замерла. Фигура появилась у моей двери, как призрак, укутанная в плащ, скрытая под капюшоном и за маской формы лесного стража. Он или она замер у моей двери, просунул бесформенный сверток между прутьями, а потом растаял дымкой.

Я стояла, а шаги утихли в темноте. Я смотрела на маленький сверток. Подобравшись к нему, я развернула его. Два предмета: мой серебряный компас и ключ.

Я за полминуты сорвала шнурки с испорченных сапог, сунула их с компасом в тунику. Я просунула руку между прутьями, изогнула ее неудобно, чтобы достать до скважины. Приглушенный щелчок, и дверь с ржавым скрипом сдвинулась. Не мешкая, я выскользнула, заперла камеру за собой и пошла босиком по коридору, сердце билось в горле.

Мона не спала, ее бледное лицо озарило удивление в свете фонаря. Я открыла ее дверь, отошла, выпуская ее в коридор.

- Как...?

- Не знаю, - прошептала я. – Не знаю, кто это был, но кто-то на нашей стороне. Идем, как можно тише.

Кольм сидел у стены, но Арлена пришлось растряссти, чтобы разбудить, и он удивленно вскрикнул, на что мы яростно зашипели. Я не знала, придет ли время, когда он будет просыпаться не как испуганный младенец. Никто не прибежал на звук, и мы выдохнули. Заперев за ним дверь, я повела их по коридору, холодный камень жалил ноги.

Мы собрались у основания лестницы, слушали стражу.

- Что нам делать? – прошептала Мона. – Как мы выберемся? Есть проход без стражи?

Разум кипел, тревога путала мысли. Я пыталась собрать все знания о дворце. Я хорошо знала только несколько крыльев, но со временем уже забыла некоторые части.

- Несколько, – сказала я. – Но будет сложно пробраться через коридоры незаметно, как и через двор до ворот. И там... придется скрываться в деревне...

- По проблеме за раз, - сказал Кольм.

Я чуть не рассмеялась.

- Да. По одной. Хорошо. Ближайший выход во двор – терраса в крыле целителей. Два этажа выше. Идемте. Старайтесь ступать тихо.

Мы крались по лестницам, замирая и слушая. Все было тихо, ключи не гремели, шаги не отдавались эхом. Я была рада, что нам помогли сбежать между патрулями стражи, а потом поняла, что забыла о двери темницы. Ее отпирал другой ключ. Но, когда мы добрались туда, она была приоткрыта. Конечно. Я открыла ее, вывела остальных в коридор.

- Великий Свет! – охнула Мона. На скамейке у двери обмяк страж, его голова лежала на плече. Полночный ужин был недоеден. – Отравлен? – прошептала она, прижав пальцы к губам.

Я поднесла ладонь под его нос и понюхала его чашку.

- Спит. Мак, наверное. Ему приснятся хорошие сны.

- Великий Свет, Мэй... кто-то сильно рисковал.

- Знаю, - я пошла по коридору. – Потому нам лучше успеть убежать.

Мы пробирались по коридорам, полумесяц отбрасывал наши тусклые тени на отполированные деревянные полы. Каждый шаг Аластейров казался мне раскатом грома, и пару раз я заставляла их замереть и скрыться в тенях. Но никто не выходил. Никто не окликал. И мы шли дальше.

Это крыло я знала. Я получала несерьезные раны, как и мои друзья в страже, годами, и я довольно часто бывала в крыле целителей. Еще два коридора, короткая лестница, и мы прибыли к двойным дверям с цветочным узором.

- Хорошо, - прошептала я. – Эти двери ведут в прихожую. Дальше – зал исцеления, и слева двери на террасу. В зале всегда есть люди, так что тихо, - я подумала об Отто, надеясь, что он спит там крепко от снотворного. Я открыла тяжелую дверь с тихим скрипом и пропустила их внутрь. Напротив были другие двери, чуть приоткрытые. Я повела их через дверь со стеклянной панелью в сторону, камни террасы были бледными и сияли в лунном свете. Я коснулась пальцами ручки, но она не поддавалась. – Заперто? – прошептала я, надавив сильнее. – Заперто! Почему тут заперто? – я дергала ручку, подавляя желание ударить дверь. – Ладно. Хорошо. Есть проход у бального зала. Еще на этаж выше. Великий Свет, идем.

- Я могу взломать замок, - прошептал Арлен.

Мона удивленно посмотрела на него.

- Да?

- Мне нужны нож и шпилька, - он огляделся. Прихожая была в полках и корзинах, там были бинты, пустые склянки от настоек, букетики трав, ожидающие сортировки. Я поискала на полках, пока не обнаружила нож для заготовки трав. Рядом была коробочка с прямыми шпильками. Я вручила это Арлену, и он опустил у дверной ручки.

- Я не знала, что ты умеешь взламывать замки, - сказала Мона, глядя, как он работает, со приподнятой бровью.

Он немного смутился, глядя на свою работу.

- Помнишь, я говорил, что выиграл меч в таверне?

- Да...

- Я его не выигрывал.

Она удержалась от возмущения, глядя на него с неодобрением. Он орудовал шпилькой, зажав язык между зубами. Пару раз раздались щелчки.

- Ой, - сказал он. – Соскользнуло. Погоди...

- Заперто?

Мы развернулись, Арлен выронил нож.

Фигура стояла на пороге зала исцелений, держась за раму. Свет луны сиял на ее белой ночной рубашке.

Я сглотнула.

- Дейна.

- Отто ходит во сне от снотворного, - сказала она. – Он добрался до середины террасы, пока его не заметили. И целители заперли дверь.

Повисла тишина. Она разглядывала сцену с нечитаемым видом.

- Мне сказали, что это была ты, - сказала она.

- Прости за колено, - сказала я. – Я не хотела никого ранить.

- Ты могла навредить гораздо сильнее, чем вывих колена, - она шагнула с опаской вперед. – Мне стоит доложить на вас.

- Прошу, Дейна. Дело не во мне. Мы никому не вредим. Мы просто хотим уйти из дворца, из Сильвервуда. Я не вернусь.

- И не получишь наказание за содеянное.

- Дейна, - вздохнула я, подталкивая Арлена, чтобы он продолжил работу. – Мы обе Лесничие, мы обе верим в одно дело. Я не бросала нашу настоящую миссию.

- Ты сделала это, когда привела чужаков. Ты давно не была Лесничей, Элламэй.

Она повернулась к дверям и закричала так, что могли проснуться мертвые.

- Стража! Дворцовая стража в крыло целителей! Пленники убегают!

Мы бросились от двери по прихожей и в коридор. Дейна хромала за нами, ее крики преследовали нас, усиливались эхом, отражающимся от стен. Мы бежали по коридору, завернули за дальний угол, миновали сонного отвечающего за порядок в замке, решившего увидеть, что за шум. Он в шоке проводил нас взглядом, добавив свои крики к Дейне.

- Вот, сюда, - едва дышала я, распахивая дверь для слуг, заталкивая их внутрь. Мы побежали по узкой лестнице, вышли, к счастью, у бального зала. Но в коридоре появились тени на дальней стене, послышались растерянные голоса. Мы оглянулись и бросились в другую сторону, завернули за угол раньше, чем нас увидели стражи. Мы промчались по примыкающему коридору, за нами звенели голоса. Где-то загудел рожок. Я выругалась. – Сюда, сюда, - я погнала их перед собой в просторную комнату, где выступали музыканты для короля и его двора. Я сюда только заглядывала раньше, но знала, куда она ведет. Мы огибали ряды стульев, направляясь к дальней двери. В комнате было только одно окно, стеклянный круг высоко в стене, в тусклом свете было плохо хоть что-то видно. Мы почти добрались до двери, когда раздался ужасный грохот, Арлен сбил контрабас, и он рухнул на цимбалы. Шум разнесся по воздуху, как гром. – Бегите, правее. Мона, правее! – мы вырвались из комнаты в дальний коридор, голоса доносились отовсюду. Хлопали двери, загорались фонари. Я уже не продумывала маршрут, а играла в кошки-мышки, бросалась в темные и тихие двери. В этом крыле я уже не бывала. Я знала главные коридоры, несколько кратких путей, знала крыло стражей – бараки, тренировочные залы, поля для боев. Но мы были далеко. Мой дом был в лесу. Там я могла двигаться как туман. Здесь я двигалась как медведь в лавке посуды, обезумевшая, запутавшаяся. Дворцовые стражи знали все пути, поняли бы, куда я веду нас.

После трех незнакомых коридоров и буфета мы вырвались в коридор, что был у комнаты совета. Коридор озаряло окно в три створки в дальнем конце, луна была посередине. Мы были у пересечения коридоров, когда из-за угла раздался голос:

- Мой король! Мы потеряли их у комнат с картами, но они могли идти в эту сторону...

Я видела отражение короля Валиена в окне, он шел по коридору. Стражи топали, чтобы встретить его. Еще пара вдохов, и они встретились в пересечении перед нами. Я толкнула Кольма в тень у стены и скульптуры, зная, что, если король и его стражи повернут сюда, все будет кончено.

- К оружейной! – прорычал голос короля.

Шаги застыли. Стражи начали переспрашивать.

- Я сказал, в оружейную! Свет, нам нужны люди озера с оружием в замке? Защищайте оружейную!

- Да, мой король.

Мы задержали дыхание, король пошел за ними, плащ развевался за ним. Его меч был в руке, белый, как зуб, в свете луны.

Он пропал в дальнем коридоре со стражей. Мы выждали минуту, прижимаясь друг к другу у скульптуры, пока звуки в коридоре не утихли. Мы выдохнули. Я вытянула ноги, колени дрожали от облегчения.

- Нам повезло, что твой король – идиот, - сказала Мона, прижимая ладонь к сердцу.

- Он не мой король, - пробормотала я, закрывая глаза. Я медленно вдохнула и встала на ноги. – Хорошо. Минутку, - я накрыла ладонями лоб. – Крыло целителей и бальный зал они заняли. Наверняка, закрыли и главные врата. Остался двор за буфетами и зал для пира. Зал ближе, но рядом бальный зал... Вряд ли путь чист...

- Какой высоты Огнепад? – спросил Кольм.

Я удивленно посмотрела на него. Он смотрел на скульптуру, за которой мы прятались. Это был высокий резной водопад, украшенный серебряными светлячками.

- Откуда я знаю? Это важно?

- Как глубоко под водопадом?

Я открыла рот, а потом поняла, о чем он.

- Нет, Кольм. Земля и небо, нет. Не глупи, я придумаю что-нибудь.

Лицо Моны озарило понимание, она посмотрела на скульптуру. Она повернулась ко мне.

- Как глубоко там?

Я вскинула руки.

- Я не знаю, мы не ныряем. Он падает с горы, вас смочет...

Она провела рукой по пруду скульптуры, чаше из дерева.

- Камни?

- Я... да... нет... немного, я не знаю. Это глупо, так не выйти...

- Выйти, если умеешь плавать, - сказала Мона.

Я смотрела на нее и Кольма, раскрыв рот.

- Я не умею.

- Где начало? На западе, да?

- Там люди умирали, они слетали, их засасывало...

- Где начало? – луна превращала ее волосы в корону.

- У... библиотеки, - вяло сказала я. – Но, Мона...

Где-то рядом хлопнула дверь.

- Я тебе помогу, - сказал Кольм. – Я тебя не отпущу.

- Твоему народу придется следовать пешком, - продолжала Мона. – Мы успеем оторваться. Скажи честно, думаешь, мы можем обогнать твой народ пешком в ночи?

Я застыла перед ними, желудок сжимался. Арлен кивнул на коридор.

- Лучше решай скорее.

- Земля, море и небо, - я повернулась к проходу, сердце трепетало от страха. Мы поспешили по коридорам к библиотеке, залу в два этажа высотой с большой лестницей, ведущей вниз. Мы бежали, Кольм поравнялся со мной.

- Ложки, - сказал он, сложив ладони чашами. – Не вилки, - он растопырил пальцы, показывая. – Гребни от плеча, а не от локтя.

- Не забывай шевелить ногами, - сказал Арлен.

- Когда ныряешь, голову опускай, - добавила Мона.

- Ущипни, когда потребуется воздух, - сказал Кольм.

Я хотела ударить его сейчас.

Мы добрались до библиотеки, стражи появились в дальнем конце коридора. Мы прошли двери, слыша, как они зовут короля. Мы бежали среди полок, бросились к винтовой лестнице, спустились на этаж. Стражи вошли в библиотеку за нами, требуя, чтобы мы остановились во имя короля. Мы топали по отполированному полу, бежали дальше, пока ноги стражей гремели на лестнице. Я оглянулась и увидела, что по лестнице спускается король, его меч блестел в свете луны.

Мы мчались вперед, свет падал из дверей со стеклянными панелями, ведущими к водопаду. Грохот воды эхом разносился по комнате, становился все громче, пока мы приближались. Стражи вошли в коридор, когда мы открыли двери и вышли.

Холодный камень жалил мои онемевшие ноги, мы добрались до низкой стены в начале водопада. Земля обрывалась вдаль. Воздух заполнял рев воды, злой силы, бросающей в ночь пену и брызги. Я застыла от ужаса.

Мона забралась на стену. Туман страха чуть рассеялся в моей голове, я вспомнила канат над оврагом пару дней назад. Как она боялась, как легко было мне, потому что не было воды. Ситуация изменилась. Под ней, как угли из костра, сияли сотни светлячков. Мерцали зеленым, желтым, голубой свет был постоянным. Я старалась дышать медленно.

- Я первая, - сказала Мона. – Кольм, потом вы с Мэй. А затем Арлен.

- Удачи, - сказал Кольм.

Она согнула ноги в коленях, руки завела назад, а потом решительно взмахнула ими над головой, усиливая ее прыжок. Ее тело изящно выгнулось в ночи, она пропала в брызгах.

Меня подташнивало. Кольм забрался на стену, поднял меня за локоть. Я пошатнулась у края, туман кружился как дым в лунном свете.

Я посмотрела на него, пытаясь подавить страх в горле.

- Прошу, не дай мне умереть.

Двери за нами распахнулись, стражи выбежали – стража дворца, леса и с оружием из барачков. Я посмотрела на море знакомых лиц, король спешно расталкивал их, чтобы пройти вперед. На его лице застыл ужас. Он вытянул руку, словно хотел оттащить нас, но Кольм обхватил меня руками, прижал меня к своей груди и спрыгнул в пустоту.

Я зажмурилась, рев воды заполнил мои уши, и я притворилась на миг, что со мной ничего не происходит, что я не двигаюсь, что я в пустоте. Я прижалась лбом к груди Кольма, сжала кулаками его тунику. Он прижал ладонь к моей шее сзади, другую вытянул над своей головой. Я успела подумать, упали ли новые деревья в пруд, когда мы столкнулись с бушующей водой.

Словно ударились о камень. Столкновение выбило из меня весь воздух, что еще оставался в теле. Вода полилась в рот и уши. Сила потока потрясала, терла нас о камни, будто тесала дерево. Мы барахтались к пене, мои руки сжимали тунику Кольма. Мы ударились о бревно, я отлетела от него, подавляла панику, но он дотянулся и схватил меня за запястье, потянул за собой. Я дотянулась до его воротника.

Вода случайно выбросила нас в воздух. Я была так потрясена, что чуть не забыла вдохнуть. Я смогла набрать легкие, а потом снова пропала под поверхностью. Кольм плыл короткими мощными рывками, направляя нас по потокам. Мы двигались в воде, несколько раз жутко упали на каскадах среди брызг. Я была готова ущипнуть его за шею, грудь сдавило от нехватки воздуха, но вода обрушилась на нас. Камни ударили меня по спине, мы проехали по дну пруда. А потом самое ужасное ощущение.

Мы замерли.

Вода обрушивалась на нас, придавливала нас ко дну, удерживая на месте. Я паниковала, выпустила весь воздух, билась под давлением тела Кольма. Но он не отпускал меня, не терялся. Он с силой оттолкнулся ногами, вытаскивая нас оттуда. Мы вырвались на поверхность в жалящий воздух.

Я закашлялась и тут же набрала рот воды, мы подпрыгивали на волнах. Он просунул ладонь под мой подбородок, отклонил мою голову над поверхностью. Я глотала воздух, нас несло по течению.

Я не различала происходящее в полете, все было постоянным давлением воды, шума и тьмы, это прерывали только резкие появления над водой. Я ощущала, как от каждого столкновения с камнем и деревом. В редких перерывах над поверхностью, пока нас кружило в потоке, я видела Арлена и Мону, живых, плывущих решительно сквозь волны. Светлячки на берегах стали полосками света, луна пропала за грядой позади нас. Казалось, прошла вечность, берега пропали, река расширилась, камней стало больше. Впервые Кольм поднял грудь из воды, опустил ноги на каменистое дно. Он остановил нас у упавшего явора, кора была истертой и гладкой от потока. Он осторожно разжал мои руки, застывшие кулаки от холода из страха, и закинул меня на ствол.

- Ну, как, Мэй? – Арлен держался рукой за ствол. Он улыбался. – Весело?

- Надеюсь, ты подавился, - выдохнула я, сжимая дерево.

Мона выбралась из воды и забросила ногу на ствол. Ее волосы выбились в воде и ниспадали на ее спину.

- Ну, - сказала она, разминая плечо, - могло быть хуже.

Я хотела резко ответить, но не могла отрицать, что она права. Нас не убило падение, мы не утонули в бушующей воде у гор. Мы уплыли подальше от дворца, лесная стража не

скоро догонит нас, даже если будет бежать ночью. А еще мы оказались у Частокола. Будет сложно найти нас среди высоких камней по сторонам.

Я пробралась вдоль явора к берегу, вода окружала мою талию. Я едва ощущала ноги, опуская их на дно реки. Онемевшая, побитая и замерзшая, я выбралась из реки и рухнула на выступающий камень. Кольм вышел за мной, сел на расстоянии вытянутой руки.

- Кольм, - сказала я, пока Мона и Арлен выбирались на берег. – Спасибо, - я протянула руку.

- Я помог, как ты мне, Мэй, - он снял сапог и вылил воду. – Если все пройдет по плану, если Алькоро отступят, и мы переживем это все, я научу тебя плавать. На озере будет легче.

- Сейчас я надеюсь, что никогда не зайду в воду глубже, чем по колени.

- Мы снова в твоих руках, - сказала Мона, выжимая волосы. Она указала на камни, озаренные тусклым утренним светом. – Что теперь? Как нам спуститься?

Я глубоко вдохнула и выдохнула страх и смятение дворца и реки. Скалы Частокола не сравнить с тем, что мы только что прошли. Я потянулась в тунику, где пояс удерживал ткань на талии, и вытащила компас. Я мысленно поблагодарила помощника, вернувшего его мне. А потом я открыла компас, и сердце рухнуло, как камень.

- Нет!

Где-то при побеге разбилось стекло, и вода наполнила полость. Теперь вода вытекала, но стрелка свисала и не двигалась. Сломан.

Я сжимала его в руках, последнюю ниточку от моей прошлой жизни, маленький осколок сердца. Я провела большими пальцами по гравировке внутри крышки, тусклый свет мерцал на зеркальной поверхности. Я не успела остановить себя, закрыла его, прижала ко лбу и горевала по куску металла, как по смерти близкого друга

- Что случилось? – голос Моны был сухим. – Сломан?

Я выдохнула и спрятала компас в тунику.

- Сломан, но не бесполезен. Не важно. Я проведу нас по Частоколу, - я с неохотой расправила ноги и встала. – Мы на вершине, дальше – обрыв. Сначала будем идти прямо, но скалы сложные.

- И на завтрак вряд ли что-то будет... - сказал Арлен.

- Я посмотрю, но ничего не обещаю. Придется двигаться дальше, - я стянула волосы на затылке, подвязав одним из шнурков, что я вытащила из сапог. – У меня есть на примете место для ночлега, оно далековато отсюда, но закрытое, можно будет разжечь костер. Он нам понадобится без наших плащей.

- У нас нет огнива, - отметил Арлен.

Я похлопала по талии, где был компас.

- Я же говорила, не бесполезен, - я сделала пару шагов по неровному камню. – Идемте. Лесная стража не будет терять время, они уже бегут за нами.

ГЛАВА 10

Мы шли по вершине Частокола, избегая участков мха и лишайника, которые могли выдать наши следы. Трава пучками цеплялась за склон, ее перемежали кривые от ветра деревья. Аластейры тихо шагали за мной. Они устали, я знала, от побега из Лампириней, но я вела их на большой скорости, желая спустить их как можно быстрее. Не из-за того, что путь станет проще, а из-за того, что, как я надеялась, сделает с ними наше прибытие. Розовое в небе сменилось бледно-голубым, мы добрались до вершины скалы, и я обернулась, глядя, как королевичи присоединяются ко мне на выступе.

Я словно смотрела на рассвет. Мона замерла, взгляд скользнул по панораме. Ее пальцы сжимали ткань штанов. Она резко вдохнула. А потом пошатнулась, прижав ладонь к груди. Утренний свет блестел на слезах на ее глазах. Арлен встал рядом с ней, обвил рукой ее плечи, на его лице была почти мечтательная улыбка. Я посмотрела на Кольма, он стоял за плечом брата. Он слабо улыбался, но не смотрел на раскинувшееся перед нами озеро Люмен. Он смотрел на Мону и Арлен, греясь их радостью. Я чуть помрачнела, мысленно ругая себя. Конечно, он же говорил о том, как не хочет возвращаться. Это не радовало его. Он взглянул на меня, на миг я смогла прочесть его выражение. Благодарность и печаль.

Мона помрачнела, я посмотрела на озеро в тумане. Я знала, что она видела. Даже в такой ранний час воды были усеяны кораблями, и у каждого была красно-коричневая ткань на мачтах. Флаг Алькоро давил на ныряльщиков, работающих на дне озера под ним. Мона провела большими пальцами под глазами и повернулась ко мне, вскинув голову.

- Как нам спуститься?

- Сюда.

- Мы будем приближаться, и нас не увидят с озера?

- Не увидят, если использовать пути скаутов.

- Вдоль озера? У вас есть пути скаутов вдоль озера?

Я улыбнулась от ее удивления.

- Не знала, да?

Она поджала губы, но отмахнулась от информации.

- Вашему народу не будет проще преследовать нас по их тропам?

- Да. Но путей несколько, и мы пойдем по тому, который используют редко. Он уходит севернее, чуть в сторону, но, как я и сказала, там мы сможем укрыться на ночь, незаметно подберемся к озеру. Звучит неплохо?

Она посмотрела на чужие корабли, патрулирующие ее страну.

- Да. Я тебе доверяю.

Я шагнула вниз, но замерла, осознав эти слова. Я оглянулась за плечо. Она пожала плечами.

- Да. Ты много для нас сделала, Мэй, больше, чем то, на что соглашалась.

- Я согласилась провести вас через Сильвервуд, - я повернулась к нашей тропе. — Просто поворотов было больше, чем мы ожидали. Понадеемся, что больше их не будет.

* * *

Солнце появилось из-за гор, мы спускались, прогоняя холод реки. Туман озера выгорел, последние участки упрямо цеплялись за тени островов. С верхней точки мы видели шесть из двенадцати островов, поднимающихся из озера. Мона называла их, ока мы шли по тропе. Остров Грейраен ближе всех к Черному панцирю. Остров Четырцвет, самый большой и густонаселенный, возвышался, как маленькая гора. Остров Между в форме слезы посреди остальных. Маленький остров Пуговка среди дна с розовым жемчугом. Острова Тангтриб и Вайлдердрифт пропадали в тумане у восточного берега.

Сначала тропа по Частоколу была широкой и прочной, появившейся среди выступов в камне, зигзагом дорожка спускалась по горе. Но вскоре тропа стала сужаться, и нам приходилось замедляться, прижиматься спинами к скале или прыгать через пустоты, где

выпали камни. К полудню солнце изо всех сил ударяло по Частоколу, шипело на камнях. Я была рада, что не купила новые сапоги, мозоли на стопах, оставшиеся от вытертой подошвы, спасали мою кожу от натирания.

Многие ручьи начинались высоко в горах и спускались по Частоколу, создавая полосы мха и травы. Там было сколько, и мы шли еще осторожнее, но были рады. Без фляг мы бы пали от жажды до конца дня, если бы не эти ручьи. Мы осторожно перебирались через мелкие ручьи, дольше переходили большие каскады, и брызги смывали с нашей кожи пот.

- Как наш народ умудрялся торговать таким путем? – спросил Арлен, когда мы забрались за водопад, камни скользили от водорослей.

- Была дорога, конечно, - сказала я. – Достаточно широкая для телеги, вырезанная в камне, соединяющая Черный панцирь и Лампириней. Правители позволили ей стать непригодной во время Тихой войны, чтобы не дать людям озера напасть на столицу.

- Ненужный ход, - сказала Мона. – Даже с дорогой мы не подняли бы солдат в горы. Ваши правители прошлого были слишком осторожными, до одержимости.

- Вы построили стену, - я кивнула на озеро. Поселения у берега стало видно лучше, они окружали расправленные крылья замка, который был окружен изогнутой стеной.

- Я тоже хотела защититься, если у твоего народа есть тайные проходы, о которых я не знаю.

- Что ж, в этом ты была близка к правде, - сказала я.

* * *

Мы спустились еще с одного выступа, и водопад превратился в пруд, широкий и неглубокий, усеянный водными травами. Мы шли по краю, Арлен указал на желтую рыбу-солнце, плывущую среди водорослей. Я открыла сломанный компас, постучала треснувшим стеклом о камень, вытащила из осколков стрелку. Кольм провел пальцами по богатой почве у берега, откопав пару толстых червей, стрелка стала крючком, оставшийся шнурок – леской, и королевичи занялись рыбалкой. Через пятнадцать минут берег усеяла извивающаяся рыба. Мы повесили их на шнурок, и Кольм нес их на поясе. Улов меня обрадовал, было бы сложно ночевать без еды после непрекращающихся событий последних дней. Я надеялась, что смогу развести огонь, хотя сырая рыба уже была лучше, чем ничего.

Днем тропу разделили на части выступы в камнях. Мы двигались там, осторожно переставляя ноги. Скала отклонилась, и мы могли держаться за выступы, но ветер летел с озера, то прижимая нас к горячему камню, то толкая без предупреждения, заставляя цепляться за узкие трещины.

- Ты называешь это тропой? – был Арлен, прижимаясь к скале.

- Я говорила, - отозвалась я, ступая на узкий камень. – Мы редко ее используем. Не переживай. Это худшая ее часть.

- Надеюсь, ты не врешь!

Я оглянулась на него через плечо.

- Простой ночью ты прыгал с выступа в сотню футов над землей.

- В воду!

Тут он меня одолел.

Еще несколько опасных выступов, включая напряженный момент, когда камень под носком Моны обвалился, и склон стал более плавным, а тропа – шире. Мы покачивались, устав от дня опасных мгновений, близких к падению. Позднее солнце светило на озеро, превращала камни и воду вокруг нас в золото. Мы прошли уже много водопадов, переходя некоторые и обходя другие. Мы приближались к месту, где я задумывала устроиться на ночлег, когда я услышала вопрос Моны:

- Кольм?

Я обернулась, Кольм замер. Его рука была вытянута над каскадом, что мы только что прошли, вода брызгала ему на ладонь и в воздух, блестя на солнце бусами золота.

- Забавно, да, Мона? – тихо сказал он. – Всю жизнь мы смотрели на эти скалы на закате, чтобы увидеть, как свет попадает на водопады, а теперь мы среди них, когда это происходит, - он повернул ладонь. – Увидеть Свет под другим углом.

- О, вы еще пещеру не видели, - я поманила их. – Идемте, лучше всего там до заката.

Путь огибал утес, вел полумесяцем в скалу. Несколько кривых деревьев сторожили край, водопад падал шторой на дальнем конце, ловил лучи солнца и разбрасывал по пещере радужными лентами. Вода сияла золотом в свете.

Я оставила их смотреть на представление, а сама собирала прутья и траву у корней деревьев. Я наломала хворост на прутики, сложила кучей и вытащила компас из туники. Я открыла компас и поместила зеркальной поверхностью над хворостом, чтобы последние лучи солнца отражались в сердце кучи. Свет быстро угасал, на миг я забеспокоилась, что он будет слишком слабым, чтобы развести костер, но после минуты дымок поднялся над сухой травой. Я осторожно подула, чтобы огонек усилился, а потом отдернула руку, пламя вспыхнуло. Я подбросила туда прутьев, а потом встала и собрала ветви побольше.

Кольм увидел, что я делаю, пришел на помощь, затачивал ветку камнем и нанизывал на нее рыбу. Он устроил ветку над огнем, и мы сели у края пещеры, ноги свисали над обрывом, дышалось легче, чем за многие дни до этого. Даже внимательные скауты короля Валиена не решились бы пойти ночью по нашему пути. Мы были в безопасности. У нас горел костер. Готовилась еда. Воды и веток хватит на всю ночь. И мы сидели, смотрели, как тает солнце, превращая небо в оранжевое, розовое и фиолетовое, водопад над пещерой делал цвета ярче.

Кольм потянулся перевернуть рыбу и посмотрел на потолок.

- Что это? – спросил он.

Я проследила за его взглядом.

- О, точно. Простите, я забыла со всем этим. Петроглифы. Люди зовут это место пещерой Письмен.

Мона и Арлен тоже посмотрели на знаки, вырезанные на каменном потолке. В мерцающем свете огня они словно трепетали, танцевали то так, то по-другому.

- Что это за язык? – спросила Мона.

- Не знаю, - сказала я. – Это письмена не нашего народа. Я слышала, что они схожи с надписями, вырезанными в Алькоро. Потому я и решила пойти на юг, когда меня выгнали. Хотелось посмотреть, так ли это. Конечно, я не добралась до Каллаиса, и я не знаю, похожи ли они. Сложно понять, может ли так быть, ведь они так далеко друг от друга.

Мона встала, повернув голову.

- Там тоже картинки.

- Знаю. Похоже на человека и солнце. Может, кто-то хотел отметить, что они тут смотрели закат, как мы.

- Уж слишком много стараний, чтобы отметить, что ты смотрел закат, - отметил Арлен. – Особенно с таким путем сюда.

Мона смотрела на письмена, хмурясь. Последний луч солнца вырвался из-за дальних пиков, пронзил водопад красной вспышкой. Мона прошла к воде, вытянула руку, как до этого Кольма, глядя, как свет прыгает на ее ладони.

- Знаете, что сказала мне женщина с холмов утром, когда мы проснулись в ее амбаре? – спросила она.

Мы посмотрели на нее. Мне пришлось напрячь мозг. Наш путь по холмам Виндера был, казалось, годы назад.

- Ты про Хелли? С ягненком на кухне? – я попыталась вспомнить. – Когда она говорила с тобой.

- Ты видела нас у ручья утром, помнишь? Она пришла за молоком, пока я мыла волосы в ручье. И увидела мой кулон, - она прижала ладонь к рубашке и нахмурилась из-за его отсутствия. – Она угадала больше мужа. Наши цвета, наш путь и жемчуг... Она знала, что мы шли к озеру.

- Что она тебе сказала?

- Она сказала, что Свет – больше, чем думают люди. Это не просто полная луна или отражение в водопаде. Он не только в том, как мы его воспринимаем, не только в том, как люди действуют от этого, - она стряхнула капли воды с ладони. – Она сказала не позволять действиям Алькоро лишать меня веры в Свет. Если я это допущу, как она сказала, то я только помогу им захватывать мир. Я позволю им лишиться себя еще кое-чего.

- И? – сказала я. – Как ты ответила?

Солнце скользнуло за дальние пики, водопад перестал сиять. Она вытерла руку о штаны.

- Никак. Что я могла сказать? Что я не хотела больше ничего делать со Светом? Что странно, что мы вообще считаем его возвышенным?

- Тяжелый разговор для утра, - сказала я.

- Да, - она подошла к костру и устроилась рядом с ним. – Особенно, когда половина – пустые слова, а другая половина – упрямство.

- Тебя все еще тянет к Свету? – удивленно спросила я.

- Конечно. Я не могу так от него уйти. Поверь, я пыталась, - она пошевелила угли палкой. – Я ходила кругами, пытаюсь понять, верю ли я своим ощущениям и мыслям?

Я смотрела на озеро. Первые звезды появлялись на небе. Светлячки. Во мне встрепенулась печаль, эта сияющая тишина была болью для Моны. Наверное, ей было сложно испытывать сомнения тут, ведь во всем она была такой уверенной. Я вздохнула.

- Не знаю, но ответить на это можешь только ты, Мона.

- Нет, ты права. Вряд ли я когда-нибудь перестану сомневаться в этом, - она вздохнула и указала на жарящуюся рыбу. – Не в ближайшее время, и не на голодный желудок. Мы будем есть?

Кольм снял рыбу с огня и раздал нам. Мы сидели в тишине, с удовольствием ели, обжигая пальцы о горячую чешую.

- Доказано, - сказала Мона, - что лучшая еда – та, которую заработал.

- Не знаю, - сказала я. – Я готова есть и то, что дадут без мучений.

- Нам давали еду в темнице, - отметил Кольм.

Я издала смешок.

- Точно, - я вспомнила жареное яйцо. – Редкость.

Арлен вздохнул, вытаскивая из зубов косточку.

- Когда все уляжется, я буду весь день лежать на кровати и есть жареных сейнеров.

- До или после того, как ты завоюешь Сорчу? – спросила я.

Он нахмурился.

- Наверное, после. Или во время.

- А я расчешу волосы, - сказала Мона.

Я фыркнула.

- Это нас так обрадует. Это обидно.

- Конечно. Хотела бы я так скрывать их под птичье гнездо, как ты, - она указала на меня рыбной костью. – А какие у тебя планы, Мэй, если не личная гигиена?

- Я еще не решила, - сказала я, бросая кость с обрыва. – Может, уйду в Матарики и уплыву на юг к Самне.

- Да? – удивилась она.

- В Сильвервуд я вернуться не могу, - сказала я. – Меня тут же повесят, да и друзей там осталось мало. Я напала на скаутов, устроила оползень, убежала с тремя врагами страны из темницы и подняла всю стражу посреди ночи... Никто мне рад не будет.

- А тот, за кого ты собиралась выйти замуж? – спросил Кольм.

- Замуж? – Мона посмотрела на меня. – На тебе хотели жениться?

- Удивлена, Мона?

- Похоже, не так прозвучало, - она чуть покраснела. – Я о том, что ты говорила о любимом только в Поке, но не упоминала помолвку...

- Да, - сказала я. – Потому что это не важно. Я уже говорила, это осталось в прошлом, как и все остальное.

- Он мог покинуть горы и уйти с тобой, - сказал Кольм.

Я издала пустой смешок.

- Нет.

- Нет? Почему?

- Потому что не мог. У него своя жизнь в горах. Работа, люди, что зависят от него.

- Ты не думаешь, что ты могла быть для него важнее? – спросил он.

- Нет.

Тишина стала невыносимой, я посмотрела на него и увидела, что он хмурится. Я взмахнула рукой.

- Это не важно. Это в прошлом. Если меня чему-то и научил наш путь по горам, так это тому, что нельзя цепляться за прошлую жизнь. Я не могу удерживать ее, а потом вернуться и все продолжить. Я могу уйти, уйти подальше и создать что-то новое где-то еще.

- Ты можешь остаться в Люмене, - сказала Мона.

Я стряхнула с камней чешуйки.

- Да, ходить на цыпочках вдоль воды в тених гор.

- Мы научим тебя плавать, – сказала она.

- Спасибо, но нет. Мы договорились об оплате, больше мне от вас ничего не нужно, - я пошевелила угли. – И, если вы не хотите столкновений с Сильвервудом, меня лучше у себя не укрывать.

Звезды мигали за тучами, поверхность озера мерцала. Я зевнула и потянулась.

- Не знаю, как вы, но я буду спать. Я ужасно устала, особенно после плавания.

Мона вздохнула, глядя на берег озера внизу.

- Да. Думаю, мы не скоро еще отдохнем.

Мы подложили хвороста в огонь, озаряющий петроглифы на камне, а потом устроились на самых мягких участках, которые нашли. Я ерзала из-за боли в теле, переворачивалась с одного бока на другой. Наконец, я устроилась лицом к огню, а потом поняла, что Кольм на другой стороне рассеянно смотрит на огонь. Я поняла, что мы не спросили у него, что он сделает, когда озеро будет свободным. Он посмотрел на меня, его глаза блестели от огня. Он приподнял уголок рта в улыбке. Я надеялась, что у меня получилось выразить тепло лицом, а потом я отвернулась. Компас прижался к коже под туникой, и я вытащила его. Он остался в моей ладони, что уже не сжимала то, что я удерживала обычно.

* * *

Без лучей солнца и с догоревшим костром утро выдалось влажным и холодным. Нам не нужно было собирать вещи, завтрака не было, как и фляг, чтобы их наполнить. Мы по очереди умылись в водопаде у края пещеры. Я сидела у водопада, отмывала стертые ноги, когда слышала Кольма:

- Нам это оставить, Мэй?

Я обернулась и увидела, что он держит шнурок и иголку компаса, которыми мы ловили рыбу. Я встала на ноги.

- Можно. Я спрячу их в компас, - я проверила несколько горящих точек на пятках, понадеялась, что мозоли не лопнут в ближайшее время. Я умыла лицо и шею, подвязала волосы.

- Куда нас выведет твоя тропа? – спросила Мона, глядя на озеро. Корабли Алькоро уже были на воде. Вдали было видно точки ныряльщиков, всплывающих с добычей.

Я подошла к ней у края и указала.

- Чуть в стороне от крайнего поселения. На берегу мы быстро доберемся до первых домов. Если нам не придется прятаться от алькоранцев.

- Вряд ли их много на восточном берегу, - мрачно сказала она. – Там нет пути из озера. Они сосредоточили основные силы у реки, чтобы не дать сбежать по воде.

- Нам же лучше, - сказала я, разбросав угли и подняв свой компас. – Если ничего не помешает, мы дойдем до сумерек. Готовы? Где Кольм?

Арлен показал на дальний конец выступа.

- За углом.

Мы ждали, но Кольм не выходил, и я направилась по выступу вокруг пещеры.

- Кольм, - позвала я. – Ты в порядке?

Ответа не было. Я заглянула за камни. Кольм прислонился к стене, смотрел на путь, который мы прошли вчера, хмурясь. Его руки были скрещены на груди, костяшки одной руки прижимались к губам.

- Кольм? Что такое?

Он без спешки оттолкнулся от стены. Не глядя мне в глаза, он обошел меня и пошел к остальным.

- Пока не знаю, Мэй.

Я ошеломленно замерла. Что произошло? Это было из-за его нежелания возвращаться к озеру? Сегодня он воссоединится со своим народом. Он это осознал? Или что-то еще беспокоило его? Он пару минут назад был в порядке.

- Мэй? – окликнула Мона.

Я в смятении пошла по выступу. Она выжидающе стояла в конце. Кольм стоял на краю и смотрел на озеро. Я прошла мимо него и повела их по каменистой тропе.

Почти весь день мы не говорили. Путь был не таким опасным, как до этого, но ветер с озера шумел в ушах, тянул за ноги, пока мы опускали их на тропу. Камни порой обваливались, если мы ступали слишком близко к краю. Но мы уверенно шли, к полудню склон стал не таким отвесным. Деревья преграждали путь. Днем мы нашли большой участок земляники, пятнадцать минут ели горстями яркие ягоды. Кольм не говорил, не смотрел на меня, и я не могла понять, что его беспокоит.

Это меня нервировало.

В свете дня мы вышли из тени деревьев и увидели перед собой озеро Люмен. С низкой высоты острова поднимались в небо, отражали горные склоны, которые мы прошли. Мона медленно вдохнула, прошла к воде, опустилась на корточки и опустила ладони под поверхность. Она подняла их с каплями воды и прижала к лицу. Мы подошли к ней, она делала что-то неожиданное. Она медленно встала и повернулась ко мне. На дикий миг мне показалось, что она обнимет меня, но она опустила ладони на мои плечи. Ее глаза находились на восемь дюймов выше моих.

- Спасибо, Мэй, - сказала она, когда я удивленно отпрянула. – Моя надежда была отчаянной. Порой я задавалась вопросом, приняла ли правильное решение. Но ты это сделала, провела нас через трудности. Я так тебе благодарна.

Я хлопнула в ладоши, стараясь отодвинуть ее.

- Это... пустяки, Мона...

- Не пустяки, - сказала она.

Я отодвинулась от ее хватки.

- Мы договаривались. Я рада, что все мы живы, - я посмотрела на Кольма с тенью улыбки. – Хотя ты заставил меня проверить свои навыки.

Он не улыбнулся, не радовался, как брат с сестрой. Он кашлянул.

- Наверное, тебе стоит уйти, Мэй.

Мгновение было слышно только шум воды о берег. Мое сердце забилось быстрее, но я не могла придумать, что сказать. Я не могла уйти. Я еще не закончила. Что он думал?

Мона спасла меня, повернувшись к нему с приподнятыми бровями.

- Не глупи. Она не может вернуться через Сильвервуд, пока Лампириней бушует, и она не сможет идти на юг, пока Алькоро не отступили. И мы еще должны отплатить ей. Не переживай, Кольм. Она будет в безопасности.

Но, когда она отвернулась к озеру, я заметила выражение лица Кольма, и мне показалось, что думает он не о моей безопасности.

* * *

Алькоранцы в восточном поселении были, но их было мало, в самом поселении, а не вдоль берега. Под покровом тьмы мы прошли мимо часового, осторожно обходили каменные дома. От лая собаки мы застыли, но она была привязана у курятника, а не ходила рядом с алькораницами, и она притихла, когда мы прошли. Мона, похоже, знала, куда идти, она решительно вела нас по тихим тропам. Мы обходили полянку, Арлен схватил Мону за локоть и остановил ее.

- Смотри, - шепнул он, кивая на полянку.

Тусклый свет луны озарял толстый шест в земле. Столб, где хлестали. Мона процедила:

- Если я никогда не встречу короля Селено, ему несказанно повезет.

Мы шли по поселению к берегу озера.

- Люди рано притихли, да? – прошептала я. В трещины ставен местами виднелся свет, но шума, гула голосов или смеха не было слышно.

- Наверное, у них комендантский час, - сказала Мона.

Мы прошли таверну, окна были заколочены. За ней был дом у воды. Во дворе валялись части лодок, груды досок. Мастерская у воды была в тени инструментов на земле. Мы ждали в тени таверны, чтобы убедиться, что вокруг никого нет, а потом мы пошли вперед, осторожно переступали работу во дворе. Мы забрались на крыльцо. Я стояла за Кольмом и Арленом, чтобы они заняли места за сестрой. Мона выпрямилась во весь рост, тихо постучала в дверь.

Внутри послышался шорох, словно кто-то отодвинул стул, шепот голосов, скрип и хлопок двери. Через пару секунд тишины шаги приблизились к входной двери. Повернулась ручка. Теплая щель света появилась, когда дверь приоткрылась.

- Да? – спросил хриплый голос.

- Добрый вечер, Каван, - сказала Мона.

Пауза, дверь открылась широко, и стало видно мужчину с сутулыми плечами. Он посмотрел на грязных Аластейров без плащей на его пороге.

- Великий Свет, – прошептал он.

ГЛАВА 11

Он впустил нас, закрыл дверь и задвинул засов на место, когда я миновала порог. А потом он развернулся, держась за грудь, с большими глазами.

- Великий Свет, - сказал он снова.

- Спасибо, Каван, - сказала Мона.

Он упал на колени у ее ног. Он потянулся к краю ее плаща, не нашел и прижал свои пальцы к губам.

- Моя королева, - его голос был полон эмоций, он посмотрел на нее, а потом на ее братьев. – Милорд Кольм... лорд Арлен.

- Прошу, встаньте, - тихо сказала Мона. – Нам нужна ваша помощь, у нас мало времени.

Он медленно встал на ноги, его потрясенный взгляд скользил по ним. Я оставалась у каменной стены в тени Арлена, ощущая себя неуместно. Я разглядывала комнату, чтобы занять себя. Надо мной изящные балки поддерживали крышу. В окне блестела нить с ракушками, их жемчужные внутренности отражали свет огня. Перед камином стоял узловатый стол со следами ужина: доска с неровными буквами мелом, три чашки с остатками чая и планы лодок, исполненные углем.

Слабый скрип, я заметила за дальней дверью рыжую голову, рука оттащила мальчика. Каван повернулся к двери, проведя большими пальцами под глазами.

- Выходи, Эна. Выходи, Бриг, - он толкнул дверь, и стало видно мальчика в руках его матери. – Королева вернулась к нам, Эна. Слухи были правдой. Аластейры сбежали.

- Великий Свет... - женщина прошла вперед, сжимая руку сына, опустилась на колени перед Моной, как делал ее муж. – Я знала, королева, знала, что не вас убили в тот день. Я была тогда на террасе, - она сжала ладонь Моной, ее глаза сияли. – О, как же хорошо. Вы даже не представляете, что это значит.

Кольм напрягся, он стоял спиной ко мне. Я коснулась его локтя. Он убрал его и отодвинулся. Меня залил свет.

- Полольщица мха, мама, - сказал мальчик, указав на меня.

Его родители удивленно посмотрели на меня, ладонь его матери закрыла ей рот. Они не успели вежливо спросить, что я тут забыла, Мона вывела меня вперед.

- Это Мэй, наш проводник. Она провела нас с восточных берегов и через горы Сильвервуд, - она посмотрела на меня с улыбкой. – Почти безопасно. Пару раз было опасно. Путь был не из простых.

- Садитесь, садитесь, - Эна убирала со стола. – Бриг, набери чайник, милый.

- Где Ула, Каван? – спросила Мона, сев за стол.

Он помрачнел.

- Жива, - сказал он, вытаскивая тяжелый деревянный сундук к столу в качестве дополнительного стула. – Она на острове Пуговка. Алькоранцы изменили все поселения на берегу и островах. Разделили людей по способностям. Многие мастера здесь, у берега. Все лучшие ныряльщики на островах, кроме нескольких на берегу, чтобы нырять к лунному дну. Улу забрали, когда ей исполнилось четырнадцать, чтобы она ныряла к розовому дну.

- Вы ее после этого видели? – спросила Мона, взгляд был напряженным в свете свечи.

- Алькоранцы позволяют три визита в год, - тяжело сказал он. – Так они нас держат в узде. У семей разные дни встречи, и мы не пересекаемся. Для этого используется остров Между. Место встречи для семей. Если мы взбунтуем, они лишат нас визитов. Это довольно эффективно, - сказал он, проверив, что Бриг набирает воду и не слышит. – Им даже бить никого не требовалось в последнее время. В этой деревне. Думаю, могло быть хуже.

Мона сжала кулак на столе.

- Все закончится. Завтра мы прогоним алькоранцев.

- Завтра?

- Должно быть завтра, - сказала она. – Флот кораблей направляется к озеру с вестью о нашем возвращении, и они могут быть здесь послезавтра. Мы должны действовать, пока есть шанс.

- Как? – спросила Эна, ставя чайник, принесенный Бригом, на огонь. – Алькоранцы разбросаны по островам и берегу. Их главарь в Черном панцире, он хорошо охраняет стену. Они забрали наши луки и мечи. Вряд ли мы сможем устроить мятеж, который они не подавят.

- Думаю, мы сможем, - сказала она. – Но будет долго повторять план много раз. Кого мы можем собрать здесь? Нам нужны быстрые ныряльщики и лодочники.

Каван встал из-за стола.

- Я схожу в дом Доан, он чуть дальше, скажу ему отправить сыновей к нужным семьям. Мы сможем собраться здесь через час.

- Я не хочу, чтобы вы рисковали, - сказала Мона, глядя, как он берет плащ.

- Алькоранцы не патрулируют долго. Они любят отдыхать, а мы стали послушными.

* * *

Каван ушел, Эна рассказала Аластейрам, что изменилось в Люмене, при этом раскрывая шкафчики и готовя все, что находила. Ставя тарелки с бисквитами, банки яблочного варенья, кусочки сыра и десяток видов рыб, она сообщила Моне, что пение запрещено. Алькоранцы переживали, что люди старой традицией распространять песню смогут общаться и объединиться. Это было бредом, но разделило людей еще сильнее. Она нарезала лук, бросила в котелок, пока описывала распорядок дня. Люди должны были заканчивать завтрак и идти работать ко времени, когда солнце поднималось над горами. Ныряльщиков забирали на озеро на одном из девяти кораблей, патрулирующих каналы, они оставались на озере до заката.

- Радости в этом больше нет, - сказала Эна, бросая горсть моркови в суп. Мона уже сказала ей, что больше еды готовить не нужно, но мне казалось, что так она выплескивала нервную энергию. – В этом не осталось духа товарищества, красоты процесса. Осталось лишь количество. Кто хорошо трудится, может заслужить еще один визит семьи. Медленные могут потерять день, лишиться места на островах и выполнять другую работу. Те, кто не самый умелый, не может нырять вообще. Но, как и сказал Каван, могло быть хуже. После первых месяцев алькоранцы стали не такими жестокими. Были избиения, пару казней, но столько, сколько требовалось, чтобы подавить восстание. Жестокость почти пропала, когда они рассеяли нас по островам.

- А переизбыток? – спросил Арлен. – Алькоранцы ведь не знают, как управляться с раковинами, если они заставляют людей нырять за количеством.

- О, нет. Они все хорошо продумали. Вторжение не было внезапным решением их короля, его планировали годами. Все старые советники занимаются этим. Некоторые отказывались сотрудничать, конечно, но, когда казнили главного советника, они стали послушными.

- Они казнили Кору? – резко сказала Мона.

- Да. Она держалась до конца, отказывалась работать с ними. Это вдохновляло, но...

- она пожала плечами. – У людей есть семьи. Никто не хочет терять жизнь. И если мы позволили им орудовать на дне озера, то что тогда? Мы не могли жить без этих ресурсов. Было логичнее сотрудничать.

Мона начала задавать другой вопрос, но ее перебили резкие шаги на крыльце. Дверь распахнулась. Мы напрялись, но это не был дозорный. Вбежала девушка с рыжими волосами оттенка клубники, ее круглое лицо было в слезах.

- О! – завопила она, бросаясь к столу. Мы отпрянули, она упала к ногам Арлена. – О, о, о! – охала она, прижимая ладони к вздымающейся груди. – О, мой лорд Арлен! – она взобралась по его тунике, впилась в его воротник и прижалась губами к его губам.

Мона зажала руками рот, словно пыталась сдержать смех. Я встретила с ней взглядом и спросила губами: «Сорча?». Она кивнула, трясаясь от веселья. Глаза Арлена были огромными, лицо побледнело под веснушками, он отклонился так далеко на стуле, что Кольм поддерживал его рукой, не давая упасть.

- Мы считали вас мертвым! – плакала Сорча, повиснув на его шее. – О, как мы горевали!

Он мог прохрипеть ответ, но за ее всхлипами слышно не было. Кольм взглянул на Мону с тенью улыбки. Он увидел, как я пытаюсь подавить улыбку, быстро отвел взгляд на людей, заполняющих комнату.

Люди озера приветствовали свою королеву с потрясением. Некоторые целовали ее руку, другие опускались на колени. Кольм встал, чтобы приветствовать в ответ, пожимал руки и предплечья тех, кто опускался перед ним. Некоторые приветствовали Арлена, но он не мог отцепиться от Сорчи, его руки были вытянуты в воздух, словно он пытался не трогать раскаленную сковороду.

Каван вскоре вернулся с несколькими людьми. Постоянно раздавались приветствия, лились слезы, и я восхищалась выдержкой Моны. Она держалась величаво, слушала каждого человека с нежной улыбкой. После еще одной волны людей, набившихся в дом Кавана, я оставила свое место на сундуке и пересела на подоконник в углу. Некоторые удивлялись при виде меня, но, если у них и были вопросы, они оставляли их при себе.

Через час после того, как Каван ушел сообщать о нашем прибытии, все углы в его доме были набиты людьми. Огонь потушили, в комнате и без того было жарко, а мы не осмеливались открывать окна. Все плоские поверхности служили стульями, люди стояли на порогах, устроились на стремянке у стены. Каван положил доски на ящики с картофелем, создав ряды скамеек. Сорча сидела на коленях рядом с Арленом, гладила его руку, а он смотрел вперед рассеянным, ошарашенным взглядом.

- Итак, - сказала Мона, осмотрев комнату. – Мы здесь. Спасибо, что все вы собрались. Знаю, это риск для вас и ваших семей, но, если повезет, к этому времени завтра вам не придется переживать из-за алькоранцев.

- Хотелось бы, - сказал кто-то у камина.

- Мне жаль, что мы так долго возвращались к вам, - сказала она. – Мы сбежали по южным водным путям после вторжения, но оказалось, что мы не можем вернуться через Сильвервуд. Мы были растеряны, пока не встретили Мэй Бражник, бывшую подданную Сильвервуда, противницу монархии Лампириней, - она указала на меня в углу, все посмотрели в мою сторону. Я слабо помахала, щеки горели. – Она провела нас через Сильвервуд, рискуя жизнью, доставила нас сегодня к берегу озера. Но подробности пути сейчас не важны. Сейчас важны следующие двадцать четыре часа. Кто расскажет, какая охрана на островах?

- Нырлящики живут в общих домах, - сказала женщина у камина. – Их двери охраняют по ночам. Но на берегах нет часовых.

- Возможно связаться с теми, кто внутри? – спросила Мона.

- Может, через окно, - сказал старик. – Я плавал, пока они не решили, что я слишком медленный. Когда я жил там, окна были с решетками, алькоранцы регулярно проверяли их, чтобы никто не выбрался. Но ставни были открыты. Осторожный человек сможет поговорить с кем-то снаружи, не привлекая внимания часовых.

- Это возможно, - сказал мужчина, зажатый на пороге. – Так мы с женой поклялись в браке.

- Но, моя королева, - сказала робко первая женщина. – Вряд ли мы сможем вытащить их всех за одну ночь. Не меньше дюжины на Четырехцвете, а еще один в Плавном заливе...

- Нам не нужно забирать всех сразу, - сказала Мона. – Нам нужно девятеро, по одному на каждый корабль Алькоро. Весть разойдется, если мы доберемся до нужных людей. Но, скажите, - она посмотрела на Кавана, - на островах нет лодочников? Строителей доков?

- Нет, - сказал Каван. – Нас забирают туда, если нужен ремонт.
- Инструменты вы берете с собой?
- О, нет. Там есть амбары с досками и инструментами, так что работа проходит быстро. Они не любят, когда мы долго занимаемся не назначенными заданиями. Так за нами сложнее следить.

- Отлично. Теперь берег озера. Какая охрана здесь?

- В крайних поселениях, как здесь, не такая сильная, - сказала Эна. – Но Черный панцирь – центр всего. Они получают отчеты обо всей активности на озере и берегу за день. Если что-то не так, они быстро расследуют это. Один раз ныряльщики затеяли спор с алькоранцами с корабля, и всех их заковали и выпороли у столбов за полчаса.

Мона нахмурилась.

- Плохо дело. Мы не можем допустить, чтобы они быстро поняли, что происходит.

Я была согласна.

- Нам нужно отвлечение, - сказал Каван. – Чем-то занять капитана и его солдат в Черном панцире.

- Можно устроить проблему, - сказал мальчик на вершине стремянки. – Драку или поджог.

- Это не отвлечет капитана, - сказал Каван. – Он пошлет парочку офицеров. Нам нужно что-то необычное. Чтобы он подумал, что это требует его вмешательства.

Во время разговора я обдумывала свои планы, которые казались такими простыми в таверне в Тиктике. Если стратегия Моны провалится, мои стремления не будут стоять и горстки пыли. Все усилия последних недель будут напрасными.

Я еще не закончила с Аластейрами.

- А если это будет посол из Сильвервуда? – спросила я из угла.

Повисла мертвая тишина. Все снова повернулись ко мне. Кольм впервые за день посмотрел мне в глаза, хмурясь. Я пыталась говорить, хоть в горле пересохло.

- Тогда он подумает, что с ним будут вести переговоры.

Мона поджала губы, но это не было неодобрение.

- Мы не договаривались, что ты будешь помогать с нашим планом, Мэй. Я не хочу просить тебя сражаться не в твоём бою. Но отрицать не буду, это помогло бы нам преуспеть.

- Прощу прощения, - осторожно сказала Эна, обращаясь ко мне, будто я была из королевичей. – Вы не выглядите для этой роли.

- Верно, - согласилась я, глядя на свои ноги. – Мне нужно сменить одежду, нужен плащ. Желательно зеленый.

- Но даже тогда ты будешь выглядеть как житель, а не представитель Валиена, - сказал Арлен.

- Я справлюсь, - сказала я. – У кого-нибудь есть украшение? Кольцо или брошь на плащ? Чтобы это выглядело как подарок от короля?

- Алькоранцы лишили нас жемчуга, - Эна встала из-за стола. – Но некоторые украшения спрятать удалось, - она пропала в другой комнате, протиснувшись через толпу людей на пороге.

- Мэй.

Кольм заговорил со мной впервые после пещеры. Он хмурился, глядя на меня, но от смятения, а не гнева.

- Зачем ты это делаешь? – спросил он.

Я пожала плечами.

- Я уже говорила. Мне нужны новые сапоги.

- Даже с зеленым плащом и украшением, - тихо сказала Мона, - риск для тебя слишком велик. А если алькоранцы тебя раскусят и передадут Валиену?

- Ладно тебе, Мона, - сказала я с фальшивой бравадой. – Где вера в мои навыки, которая была у тебя недавно?

- Избегать скаутов и спасать жизни, да. Убедительно врать в комнате, полной врагов...

- Я постараюсь, - уредила ее я.

* * *

Группа в доме Кавана разошлась глубокой ночью. Все шли выполнять задания, даже если нужно было просто лечь спать и делать вид, что ничего необычного не произошло. Сорча задержалась рядом с Арленом, мило плакала и молила его беречь себя.

Я отправилась на свое задание в чужой одежде. Кольцо Эны с коричневым жемчугом стучало в моем компасе. Мона хотела вышить эмблему Лампириней на тяжелом плаще, но времени не было. Я вышла во двор, фигура вышла из тьмы мастерской. Кольм проверял атлатл, который раздобыл для себя. Он замер, увидев меня.

- Удачи, Кольм, - сказала я.

- Спасибо, - ответил он.

Я сглотнула и отвернулась от мастерской, пошла по двору. Я добралась до дороги, когда он заговорил снова:

- И тебе.

* * *

Часовые алькоранцев в Черном панцире были слепыми, как мухи, и тупее ящика камней. Мне пришлось топтать у ворот, чтобы они заметили меня. Загремели луки и мечи, они спрыгнули с постов и закричали мне остановиться именем короля Алькоро Селено Тезозомока. Я не успела заявить, что я – посол Валиена, мои руки сжали, меня потащили через врата. Сапоги с твердой подошвой, которые я одолжила у дочери Кавана, Улы, были мне тесными и неподвижными, как камень, утяжеляли ноги. Я спотыкалась между часовыми, они направляли меня беспощадно, ведя по коридорам замка.

Посол. Я – посол.

- Простите! – пролепетала я, пытаюсь изобразить важный тон. Как сказала бы Мона. – Немедленно отпустите меня!

Не получилось. Они не послушали меня, но хотя бы позволили поджать ноги.

Несмотря на тревогу, я умудрилась оглядеться в замке, пока мы шли по коридорам. Тут было не так роскошно, как в Лампириней, но камень был светлее, на стенах и полу была перламутровая плитка, радужное сияние отражало свет солнца. Здесь не было ветров, как в горах, потому окон было больше, можно было увидеть озеро отовсюду. Несколько кораблей покачивалось на волнах, не было видно проблем. Я смотрела на солнце и надеялась, что время верное.

- Сюда, - алькоранец слева потянул меня в широкий проход, в конце которого были двойные двери с двумя стражами. Они смотрели, как их товарищи вели меня к двери. Зеленая туника Кавана была слишком длинной для меня, Эна и несколько женщин, ловко обращающихся с иглой и нитью, спешно подшили ее. Мона пригладила мои волосы и заплела в аккуратную косу, это было официальнее по ее словам, чем мое обычное «бесформенное гнездо». Но я знала, что все равно выглядела как обычный путник. Это не помогало нервам, от этого разговора зависело многое. Я вскинула голову и смотрела на часовых, надеясь, что я выглядела как человек, понимающий, что делает.

Одна из сопровождающих постучала в двери. Изнутри донесся голос, и она открыла двери и повела меня через порог.

Капитан оторвал взгляд от стола с документами, замер с пером в руке. За ним была изогнутая стена окон с видом на озеро. Ниже широкая терраса выходила к воде. Тут, видимо, алькоранцы сообщили о своей власти, казнив жену Кольма. Я старалась смотреть на капитана.

Острые стрелы в арбалете коснулись моей спины, и я шагнула вперед. Я сделала пару шагов, потирая там, где часовые держали меня. Капитан опустил перо в чернильницу и выпрямился.

- Что у нас здесь?

- Шпион, капитан, - сказала женщина справа от меня. – Сильвер ходила у наших бойниц.

- Я не шпион, - сказала я. Посол. Я выпрямилась. – И я не ходила. Я искала путь внутрь, чтобы найти того, кому можно передать новости.

Он возвышался надо мной, как башня, рот обрамляли темная борода и усы.

- Какие новости?

- Соглашение. Договор, - сказала я, - от короля Валиена из Лампириней.

Пара секунд тишины. Он смотрел на меня с недоверием.

- Ты одета не как официальный гонец короля.

- Верно, - согласилась я. – Мы решили, что приходить в форме рискованно. Если тут все пошло плохо, мы надеялись, что жители Люмена примут меня за путника-сильвера, а не посла короля. У меня есть знак, - я показала серебряный компас. Капитан не был впечатлен. Я открыла компас, показывая кольцо Эны.

Он нахмурился, чуть не приподняв в недоверии бровь.

- Это не знак. Это может быть что угодно.

- Но это не так, - я повернула компас, чтобы свет упал на слова, вырезанные внутри крышки.

Валиен Краснорук, сын Вандалена Боевого птаха, короны Лампириней

Капитан прищурился, словно пытался уловить обман. Я вытягивала руку уверенно, не зная, был ли он в курсе наших обычаев именования, знал ли, что принц взял новое имя после коронации. Через пару мгновений он посмотрел на меня.

- Что плохого могло тут быть, и какое дело до этого твоему королю? Мы не слышали ничего от Сильвервуда с неудачной попытки Вандалена свергнуть нас в прошлом году. Что его сын хочет от нас?

Я прошла к окнам с видом на озеро, стараясь выглядеть властно. Я слышала, как дернулись часовые, но они не сдерживали меня.

- Ваше положение впечатляет, капитан, - сказала я, глядя на воду. – Сколько кораблей в вашем флоте? Сколько солдат управляет народом озера?

Он подошел к стене, указал на шторы, и ими закрыли вид на озеро.

- Я не позволю тебе узнать о моих методах и доложить о них своему королю. Ты сказала, что у тебя есть послание из Сильвервуда. Ты здесь за этим или нет?

Я повернулась к нему с удивлением во взгляде.

- Вы не слышали новости?

- Какие?

- О монархах озера Люмен. Королева Мона Аластейр и ее братья. Найдены. Живы. И они возвращаются забрать престол.

Брови напитана сдвинулись, словно захлопнулась мышеловка.

- Что это за бред? Аластейров убили при нашей победе три года назад.

Я покачала головой.

- И мы так думали. Все думали. Никто не сомневался. Король Вандален не пытался бы напасть, если бы думал, что они могли выжить. Он бы отыскал их и попытался обменяться с вами. Всех нас обманули. Аластейры сбежали в день вашей победы.

- Мы поймали и убили королеву. Казнили ее на этой террасе. Люди озера видели и кричали. Они узнали ее.

- Они узнали ее, но не свою королеву. Они кричали, потому что вы убили одного из них, потому что вы собирались убить больше людей, захватывая берег. Но они не скорбели по королеве. И вы не задумывались, что стало с двумя мужчинами? Братьев королев вы в тот день не поймали.

- Королева – женщина, которую мы поймали, - говорила, что мы убили их, - сказал капитан с раздражением. – Она горевала из-за их смертей. Их не было среди живых, и мы решили, что она сказала правду.

За дверью зазвучали спешные шаги, тревожные голоса. Я попыталась развеять его сомнения.

- Вас обманули, капитан. Люди здесь тихие, но не простые. Конечно, они не хотели сообщать вам, что вы убили не их королеву.

Капитан отмахнулся.

- Это глупости. Чем ты докажешь, что они живы?

Кто-то застучал в дверь, крик приглушало толстое дерево. Капитан повернулся в ту сторону.

- Доказательство на виду и в использовании логики, капитан, - быстро сказала я. - Трех путников схватили в Сильвервуде две ночи назад. Трое людей озера, женщина с длинными золотыми волосами, двое мужчин один с бородой, а другой - с изогнутым шрамом под глазом. У женщины был кулон из большой жемчужины. У младшего был хороший атлатл.

Он застыл на пути к двери и повернулся ко мне. Часовые в комнате заерзали, переглядываясь. Стук продолжился.

- Врешь, - сказал он. - Эту ложь придумал твой народ, чтобы продолжить старания Вандалена расшатать наш устрой.

- И что нам от этой лжи, капитан? Уверяю вас, король Валиен отправил бы посла, только думая, что вы поверите ему.

- Докажи. Где они? Надеюсь, заперты?

- Ах, - я переминалась и потирала шею сзади. - К сожалению, нет. Жаль говорить, но они смогли сбежать.

- Что?

- Они бежали вдоль реки на вершине гряды. Наши скауты окружили их, и они прыгнули в воду. Все водные пути горы опасны, мы не могли так преследовать их. Они - хитрый водный народ, мы не могли так, пришлось преследовать их пешком.

Он нахмурился.

- Они могут уже быть здесь, - он озвучил эту мысль и повернул голову к двери. Человек на другой стороне все еще кричал.

- Возможно, - сказала я. - Нам нужно быстро принимать серьезные решения. Я прибыла сказать, что король Валиен решил отказаться от неудавшейся идеи отца. Он знает, что нашим народам выгоднее вступить в союз. Если мы снова откроем вам торговые пути, вы сможете распространить влияние на восточный берег, что, если не ошибаюсь, король Селено и хотел сделать. Но, если Мона заберет корону, она не будет торговать с нами.

- Ей придется с кем-то торговать.

- Мой король полагает, что она будет торговать с Сиприеном. Она прогонит вас и сделает эту нацию великой снова, позволив им переплавлять богатство Люмена в Матарики и дальше. Сильвервуд и Алькоро не увидят больше жемчуг. Что будет с вашим седьмым королем, капитан, если он не сможет выполнить пророчество Призма?

- Она не свергнет нас, - возразил он. - Разве у нее есть такая сила? У нее нет армии. Мы лишили людей озера оружия. Мы разделили их, поместили воинов среди них. Мы сокрушим попытку до начала, - он с отвращением отмахнулся. - И ты все еще не доказала, что говоришь правду. Аластейры сбежали от твоего народа? Как удобно!

Ручка загремела, дверь распахнулась.

- Капитан, - выпалил часовой, входя без разрешения в комнату. Он подбежал к окнам и раздвинул шторы. - Народ озера устраивает мятеж!

Капитан смотрел не на окно, а на меня. Я вскинула бровь. Его челюсть двигалась мгновение, а потом он пошел посмотреть. Я присоединилась к нему.

Было видно озеро. Сперва показалось, что все в порядке. А потом стало заметно, что гладкая поверхность озера поднималась у кораблей, разбросанных по воде. Понемногу

они тонули, их мачты опускались к поверхности. Крохотные безумные фигурки бегали на палубах, а потом спрыгивали. Вскоре воду заполнили покачивающиеся головы.

Смятение на лице капитана сменилось ужасом.

- Что, во имя Света...

- Я не говорила? – спросила я, стараясь придать голосу страх, что было не сложно, ведь я нервничала. – Мы обнаружили Аластейров в лесу, потому что услышали, как они обсуждают свою стратегию. Буры. Они нырнули под ваши корабли и сделали в них дыры.

- Это невозможно, - но мне не нужно было указывать на окно, чтобы он понял, что это очень даже возможно.

- С их пристанями и лодками народ озера, подозреваю, умеет обращаться с деревом, - сказала я. – У них нет армии, да, но люди умеют работать под водой. Им нужен лишь умный лидер, что объединит их. Нация тихих, сильных и верных пловцов, и вы, капитан, вы и ваш король умудрились очень их разозлить.

Он повернулся к часовому.

- А остальные корабли? – осведомился он. – Вдали у Четырцвета и у Вайлдердрифта? Скажите, что они целы!

- Вряд ли королева Мона бросает дело на полпути, - сказала я, все еще пытаюсь звучать убедительно тревожно. Мне нужно было его доверие, чтобы он был на моей стороне хоть пару минут. – Если рассказы о ее правлении правдивы. Думаю, остальным кораблям так же несладко, как этим.

Он посмотрел на сцену, развернувшуюся перед нами. Светлые головы показывались над водой, сильными движениями плыли к берегу.

- Итак, - сказала я, - что теперь будет с нами? Ваши ближайшие корабли в днях пути в Сипри. Когда они доберутся сюда, народ озера закроет выход из реки. Они будут стрелять по вашим кораблям. Думаю, для вас они придумают изобретательную смерть, капитан, и украсят их жемчужное дно вашим телом, как трофеем.

Я повернулась к окну, он пронзал меня ядовитым взглядом.

- Если их не остановить.

На берегу гудели рожки, но алькоранцы ничего не могли поделать с несколькими суднами, оставшимися у причала. Несколько солдат уже бежало по холму, готовясь ворваться в комнату капитана, моля о приказах.

Я сделала вид, что вытягиваю шею, чтобы рассмотреть берег озера.

- Похоже, королева Мона забрала уже достаточно людей с мест, где вы рассеяли их по островам. Она сама скоро появится на берегу. О других ее ходах можно лишь догадываться, но если они решат штурмовать Черный панцирь, вас будет меньше.

Капитан смотрел в окна на растущий хаос внизу. Я не унималась.

- Но мой король подготовил помощь, капитан. Он собрал вооруженную стражу, как только мы поняли, кто такие Аластейры, куда они идут. Они сейчас на пути к вратам в горах. Если вы согласитесь на его условия, я открою ему врата, и он пошлет армию сюда. Он подавит мятеж Моны, бой будет коротким. После этого останется только казнить монархов Люмени.

Капитан отвел взгляд от озера. Там было видно лишь мачты, торчащие из воды, как зубы.

- Взамен он ждет контроль над озером? – рявкнул он.

- О, нет. Не контроль, - я отмахнулась. – Вы проделали невероятную работу. А договор о торговле. Семьдесят пять процентов богатства Люмена должны отправить по установленному торговому пути в Сильвервуд королю. И в вашем правительстве в озере должен быть представитель лесного народа.

Люди выбирались на берег, поднимались из воды, сжимая инструменты и оружие. У многих были древние атлатлы, мы смотрели, а женщина метнула дротик в алькоранца, спешащего к ней с арбалетом. Он рухнул на землю. Капитан стиснул зубы, сжимая кулаки по бокам.

- Времени мало, капитан, - сказала я с долей паники в голосе. – Думайте. Думайте о вашем пророчестве. Процветание и богатство народа Алькоро. Может, слова вашего Призма просто развернулись не так, как вы ожидали.

Он впивался в меня взглядом, кривясь в гневе.

- Мы отправим в горы тридцать процентов.

- Семьдесят.

- Тридцать пять.

- Шестьдесят пять.

- Сорок.

- Шестьдесят, и не ниже, - твердо сказала я. – Помните, король Валиен щедро позволяет вашему флагу оставаться тут. Он мог напасть и убить всех вас, и Алькоро, и Люмен.

Он стиснул зубы. Народ озера выходил из воды.

- Хорошо, - рявкнул он. – Ладно. Да, я принимаю условия, хотя вам стоит услышать мнение короля Селено. Он будет злиться.

- Король Валиен приветствует его мнение, - сказал он.

- Думаю, нам стоит заключить соглашение? – спросил он.

- Да. Когда работа будет сделана, он подпишет и поставит печать на документ. Не думаю, что сейчас у нас есть время на это, - я спешно указала на окно. – Нам нужно открыть ворота и подать сигнал королю, скорее, пока народ озера собирается для атаки, - я указала на стража, приведшего меня сюда, он стоял с потрясенным видом, раскрыв рот, у двери. – Если дадите мне ключ, это будет выглядеть не так подозрительно.

Это была наглая ложь, и я переживала, что меня раскроют. Но, похоже, я запугала капитана достаточно, чтобы он не следил за мной. Он махнул стражу агрессивным движением. Страж послушно отцепил ключи от пояса и передал ошеломленно мне.

- Ты умело слагаешь речи, - сказал капитан. – Твой король выбрал хитрую пешку.

- Талант мне помогает, - я благодарно вскинула руку. – Спасибо, капитан. Я вернусь с королевской стражей. А пока вам лучше уступить королеве Моне, если вы не хотите быть публично казнены.

Я повернулась и пошла к двери под яростным взглядом капитана. Я ровно прошла мимо его стражей в коридоре. Я держала голову высоко, пока не повернула за угол, а потом сунула ключи в карман.

И побежала.

ГЛАВА 12

Я бежала по лестнице, ведущей на террасу, топая по камням, сердце билось в горле. Народ озера выходил из берега, мокрые и торжествующие. Многие выводили скованных, почти утонувших алькоранцев, но я смотрела на поверхность озера, знала, что многих оставили тонуть, тех, кто не мог доплыть до берега. Желудок сжался, я знала беспомощный ужас, когда тонула сама, умелые люди воды не придут на помощь алькоранцам, паникующим в воде. Я подавила тошноту и смотрела на светлые головы в поисках Моны.

Она решительно шла по берегу, вода лилась с нее, она сжимала сверло в руке. Ее лицо пылало от ярости.

- Ну? – едва дыша, сказала она.

Я оглянулась через плечо, из окон капитана нас не было видно.

- Сработало, - сказала я, повернувшись к ней. – Он послушал. Думаю, я убедила его пока что сдаться.

- Пока что?

- Пока у вас связаны его солдаты, - сказала я. – Хотя, если он начнет подозревать обман, он может дать отпор.

- Тогда нужно спешить, - она указала на горстку жилистых ныряльщиков. Некоторые сжимали буры, другие - атлатлы. У одного был серп. – Приведите ко мне капитана и его людей. Свяжите им руки и заберите оружие.

- А у тебя? – сказала я, ныряльщики побежали выполнять приказ. Я посмотрела на мачты, торчащие из воды. – Все, похоже, прошло по плану?

- Почти. Одного из сыновей Доан поймали в Вайдердрифт, пока он пытался передать послание общим домам. Он притворился, что пришел к любимой, но его связали и забрали. Но достаточно людей получило послание вовремя. Мы сделали по двенадцать дыр в каждом корабле почти одновременно. Люди сверлили парами, чтобы это было постоянно. Думаю, на одном корабле нас рано заметили, но они были за островом Между, не могли никому подать сигнал. И изнутри не остановишь тех, кто сверлит снаружи. Удача сегодня с нами.

Она прищурилась, пока говорила, глядя меня за плечо. Отправленные ныряльщики появились на лестнице террасы с капитаном и его солдатами. Она пошла к ним, рядом со мной появился Арлен с алькоранским мечом в руке. Он улыбался.

- Заставила их поджечь хвосты, Мэй? – сказал он.

- Надеюсь. Где Кольм?

- Выстраивает пленных, - он кивнул на террасу, где Кольм и несколько других связывали алькоранцев, которых вытащили из воды.

До Моны добрались ныряльщики со связанным капитаном, ударили его по спине, чтобы он упал на колени. Он смотрел на нее с презрением на лице. Народ озера толпился на землях Черного панциря. Где-то в толпе запела женщина, и сотни голосов быстро присоединились к ней. Некоторые плакали, обнимали родных и друзей, с которыми не виделись годами. Другие вопили, поднимали детей на плечи. Только мы у террасы слышали, что Мона говорила капитану.

- Знаете, что вы сделали здесь? – спросила она опасным тоном. – Знаете, что сделали здесь, на моем озере и на этой террасе?

- Ты не знаешь, кому бросаешь вызов, - выдавил капитан. – Думаешь, это жалкое представление остановит пророчество Седьмого короля?

- Я не признаю власти выше меня, - сказала она. – Вы и ваш народ обмануты, народ дураков, и главный дурак – ваш король. У вас нет благородной миссии. Ты примитивные, жестокие разрушители. Мне стоит сделать с вами то, что вы сделали на этой террасе с одной из моих людей, это стоит сделать ее мужу, - она выпрямилась, кривя губы от гнева. – Но я не думаю, что поступлю так. У вас уже большие потери. Половина ваших людей

умерла в озере, которое вы пытались украсть у меня. Думаю, стоит отослать вас к вашему королю, чтобы ответственность за этот день легла на ваши плечи. Надеюсь, слухи о его характере правдивы.

Капитан отыскал в толпе мое лицо, я видела, как он соображает, медленно приходя к выводу, что его обманули. Я пыталась не улыбаться. В его глазах вспыхнула ярость.

И тут раздался крик, стрела вонзилась в землю у ног Моны, разбиваясь о камни. Арлен оттащил Мону, еще одна стрела пронзила воздух.

- Нет...

Я слишком поздно поняла, что часовые рядом с капитаном были не единственными в замке. Они заняли места в окнах, их арбалеты лежали на подоконниках. От внезапной угрозы люди закричали, бросились в стороны, не зная, где безопасно. Стрелы свистели в воздух.

Вспыхнула паника, капитан алькоранцев бросился вперед, врезался в Арлена. Меч его зазвенел по земле, капитан упал на него, разрезая пути о лезвие. Я видела, как еще одна из стражей разрезает веревки на ее брошенных товарищах. Все клонилось к хаосу.

Мона не поддавалась панике.

Она кричала приказы ныряльщикам, собирала их и направляла к пленникам, чтобы не дать им освободиться. Кольм побежал к замку с атлатлом в руке, позвав с собой отряд, чтобы разобраться с часовыми в окнах. Арлен оттащил капитана от меча, ударив его несколько раз по челюсти.

Но бой не успел развернуться, крик вдали пробился через шум. Каван и несколько людей озера пробились через толпу с тревогой на лицах.

- Моя королева! – закричал он Моне. Он выбрался из толпы своего народа. – Моя королева! – он взмахнул рукой, указывая на горы. – Из леса... идет лесной народ. Армия Сильвервуда. Мечники и лучники, а во главе их король!

Лицо Моны заметно побледнело, она повернулась к стене.

- Врата...

- Заперты. Но если они перебрались...

- Нет! – прорычала она. Мона повысила голос в шуме. – Атлатлы сюда! Атлатлы к стене! – она повернулась и пошла, уводя за собой череду людей, выбравшихся из толпы. Я пошла за ними, уклоняясь от людей озера, бегущих в бой или удаляющихся в убежище. Я топала по мосту, ведущему к стене, твердая подошва посылала дрожь от каждого шага к спине. Мона бежала к тропе, ведущей к главным вратам, ее лучники не отставали. Она повернулась, чтобы направить их, увидела меня за ними, замерла и крикнула:

- Мэй, скажи! Твой народ... они полезут через врата или выломают их?

Сердце трепетало в груди, я бежала к ней. Она смотрела, как я приближаюсь, ожидая моего ответа. Но я пробежала мимо нее.

- Мэй?

Я не замедлялась, не поворачивалась к ней. Я опустила голову и мчалась к вратам. Сердце билось в горле, все разваливалось в минуты правды.

- Мэй! – завопила она.

Не было времени объяснять, все происходило слишком быстро, намного быстрее, чем я ожидала. Я бросилась к замкам, использовала ключи, что дал мне страж-алькоранец. Я совала их в скважины, поворачивала, а потом сняла балку с дверей. Она покатила по земле, чуть не ударив меня по ногам. Я схватила за железную ручку и потащила тяжелые двери.

Врата распахнулись, и порог миновал король Валиен, его меч был поднят и сверкал в угасающем солнце. Мона ревела приказы воинам, но они не успели занять места, она увидела всю сцену: волна за волной вооруженных стражей выливалась из-за врат с мечами в руках. За ними вышла лесная стража с луками. Я отпрянула в сторону.

За головами своего народа я видела, как Мона бежит к замку с группой воинов, отчаянно пытаясь найти землю лучше. Солдаты Валиена шагали вперед, люди озера

убегали от них к воде. Но жители Люмена ближе к воде были в смятении, звали членов семьи, бросались в стороны, мешая друг другу отступать.

Крик с террасы, и я увидела капитана Алькоро на ногах. Он вытащил меч и побежал между испуганных людей озера. Я сжалась. Что случилось с Арленом? Я посмотрела на окна замка. Что случилось с Кольмом? Все происходило слишком быстро. Смятение переросло в панику, крики поднимались в небо. Освобожденные пленники-алькоранцы разбегались по берегу, мешая людям Моны сбежать в воду. Я бежала по мосту к берегу, следуя за своим народом, спускающимся в озеро.

О, Свет, о, Свет, о, Свет...

Все должно было произойти не так.

Первая волна солдат Сильвервуда пробилась через массы людей озера. Крики удвоились, люди разбегались, как пыль, к углам земель замка, оттаскивая любимых, сжимая детей. Высокие стены вокруг замка мешали им отступить, но силы Валиена не преследовали их, а направлялись к большой террасе. Я видела мало, вокруг бушевали и толпились тела, солдаты пытались подавить отступление к озеру.

Я не знала, куда повернуться, где верх, пока толпа не начала расступаться. Силы Валиена добрались до Моны, они окружили ее с мечами, отталкивая людей. Она выглядела как загнанная в угол дикая кошка, пригнулась, сжимая Арлена, чье лицо было в крови. Она посмотрела на кольцо врагов, ее лицо потемнело от ярости, пока она не увидела меня. Она кипела от гнева.

- Планировала это с самого начала? – едко спросила она.

Я не успела ответить, слева завязалось сражение. Мечники Валиена столкнулись с капитаном алькоранцев, который все еще кричал приказы, пока лесной народ не опустил его на колени, держа руки за его спиной. Он дико озирался.

Я стояла в кольце королевской стражи. Я не должна была стоять тут на пустом месте, окруженная враждебными и удивленными взглядами. Я подумала, что смогу попятиться, уйти в сторону, но, как только пошевелилась, толпа за Моной и Арленом разделилась. Раздалось несколько хриплых криков, мгновение узнавания, а потом быстрое решительное движение. Красное солнце вспыхнуло на дротике, летящему по воздуху. Я была опасной мишенью. Угрозой. Медведем.

Выстрел был хорошим, учитывая расстояние и давку солдат, дротик вонзился рядом с моими ключицами, отыскав цель. Он надеялся попасть в грудь и левее, но давка людей сбила цель. Я отшатнулась, скорее от удивления, чем от силы, села на пол. Кольма подавили на земле, лицо прижали к камням, а руки завели за спину.

Я коснулась груди, боль растекалась по телу, кровь лилась на тунику. Мое сердце колотилось, ощущение от дротика было жарким, пылало, как огонь, сжигающий бумагу, голова пульсировала, кружась. Я посмотрела на кольцо враждебных лиц, три народа было здесь, представители трех монархий. Десятки людей смотрели на меня, как волки на добычу. Сейчас я могла лишь понимать, что все они считали меня своим врагом.

Все, кроме одного.

Я полетела назад, но не ударилась о землю. Рука оказалась под моей спиной, удержала от падения. Лицо короля Сильвервуда оказалось над моим, его глаза цвета мха были огромными.

- Прости, Вал, - сказала я. – Я не справилась.

Он прижал ткань, пытаясь остановить кровотечение. Моя кровь текла на шрамы на его ладони.

- Ты была невероятной, Элламэй, - твердо сказал он. – Ты была прекрасна.

- Боя не должно было случиться.

- Я собирался продолжить бой, если бы тебя убил принц Люмена.

Я отмахнулась.

- Не глупи. Земля и небо, просто закончи с этим.

Он взял меня за руку и прижал мою ладонь к ткани на моей ране.

- Не смей умереть из-за потери крови, - он поманил кого-то за мной, еще одни руки заменили его. Он поднялся на ноги, а я посмотрела на руки, держащие меня.

- Привет, Джен.

- Поверить не могу, Элламэй.

Король Валиен прошел к кольцу стражи с мечом в руке. Мона смотрела на его приближение, на ее лице бушевала гроза. Голова Арлена покачнулась на ее плече, пачкая рукав кровью. Лицо Кольма прижимали к земле, его широкие плечи удерживали шестеро королевских стражей.

- Собираешься сам убить меня, Валиен? – громко спросила Мона. – Не дашь своей гадюке делать это за тебя, как все остальное?

Король ответил не сразу. Он поднял меч, прижал лезвие к ладони и опустил его на землю, при этом встав на одно колено. Его голова оказалась на уровне с Моной, он придвинул меч к ней, подальше от себя.

- Пусть знают подданные Алькоро, озера Люмен и Сильвервуда, что я клянусь на своем мече, что отныне между монархиями озера и гор будет альянс, - его голос был уверенным, сильным, он разносился над толпой. Он вытащил из-под туники цепочку и снял через голову. – Я приношу клятву по доброй воле, компенсируя годы вражды между двумя народами, - он опустил королевскую жемчужину Моны на меч.

Она смотрела то на два предмета у ее колен, то на его лицо, и я знала, что она пытается распознать скрытый мотив, новый обман. Арлен застонал, и король Валиен махнул своим солдатам.

- Врач.

Кто-то выбежал с аптечкой, достал чистую ткань и мазь, женщина занялась Арленом. Мона все еще смотрела на Валиена.

- И поднимите его, - сказал король, кивнув стражам, держащим Кольма. Он посмотрел на солдат, держащих капитана алькоранцев. – Вы связали его руки?

- Да, мой король.

- Хорошо, - он повернулся к Моне, все еще стоя на колене. – Я предлагаю вам свою стражу для помощи с изгнанием алькоранцев из Люмена, если хотите. Я еще предлагаю поддержку своего знамени, если они потребуют вернуть престол.

Она смотрела на него, сузив глаза. Рядом с ней Кольм поднялся с земли, его щека и нос были грязными и в царапинах. Он не встал на ноги, а сидел и смотрел на Мону, пристально смотрел, игнорируя всех остальных. Это выглядело странно, четверо королевичей сидели на земле, окруженные толпой, пытающейся увидеть что-то из-за плеч друг друга.

- В обмен на что? – спросила холодно Мона.

- В обмен на ваш союз и помощь в планировании и строительстве торговых путей через Сильвервуд. Королева Мона, станем же правителями, что вернут процветание нашим народам и восточным городам. Станем же теми, кто поднимет страны их тени войны, что окутывала нас. Затмим же светом фальшивое сияние пророчества Алькоро.

Слова были хорошими. Это ему всегда удавалось. Люди молчали и не шевелились, даже капитан алькоранцев, который, казалось, понял, что его ждет. Мона застыла, обвивая руками Арлена, ее голова была коронована сияющими волосами. Она посмотрела на меня, и я не была удивлена гневу, все еще относящемуся ко мне. Она повернулась к Кольму. Они молчали, говорили взглядами, а потом он опустил голову. Я не видела выражения его лица. Я вообще плохо что-то видела. Рука, сжимающая ткань на моем горле, онемела, кровь уже не удерживалась таким способом.

Мона медленным движением снова повернулась к Валиену.

- Я принимаю условия, - сказала она.

Напряжение в толпе ослабло, шепот трепетом разнесся по воздуху, как бабочки, слова разлетались над толпой.

Она указала на капитана алькоранцев.

- Уберите его и его народ из моей страны.

Валиен встал на ноги. Капитан начал возмущаться, но я не понимала его слова. Я прижалась к Джен, она говорила, все говорили. Почему они все говорили? Что такое? Лица в толпе стали размытыми, и последним я увидела, как Вал повернулся в мою сторону, я выдохнула с раздражением и отдалась пустоте, давящей на меня.

ГЛАВА 13

- Мой король, правители озера Люмен оказались живыми. Вскоре это узнают и наши враги.

Обычно, когда мы Валом встречались во время моего изгнания, мы проводили драгоценные дни в холмах, скрываясь от глаз. Но этой ночью в конце зимы снег летел с неба порывами, заставив нас зайти в таверну в Розмари. Вал был напряжен, стучал пальцами по столу, нервная привычка, которую он не смог побороть. Мне не нравилось так поступать с ним, мы редко могли так встречаться, наше время вместе было слишком коротким. Конечно, он надеялся оказаться вдали от двора, все еще приходящего в себя после смерти Вандалена. А я обрушивала на него такие новости. Но ничего не поделать. Появление Моны могло все изменить в плохую или хорошую сторону.

Вал совладал со своей рукой, сжав ее в кулак.

- Что ж, - сказал он. – Нужно что-то делать, - он стукнул костяшками по столу. – И хвати называть меня королем.

Я улыбнулась под капюшоном.

- Но это так. Наконец-то.

- Официально, нет. Ты все еще изгнана. И я прибыл сюда, чтобы вернуть тебя домой.

- Ты не можешь. Не сейчас.

- Я король. Я могу делать все, что пожелаю, - его голос дрогнул.

- Вал, если ты вернешь меня, совет задушит тебя. Они знают, что ты не поддерживал идею отца. Они будут искать повод заменить тебя кем-то, подходящим для их идей. Тебе нужно время. Нужно укрепить положение. Тебе нужно, чтобы королевская стража была на твоей стороне.

- Это будет, если ты вернешься, Элламэй.

- Нет, если совет все еще сможет изгонять несогласных людей. Страже не будут знать, кому быть верными.

Он прижал ладони к лицу.

- И королева Мона Аластейр как-то это исправит.

- Я еще не придумала всех деталей, - сказала я. – Но если ты поможешь ей вернуть трон, ты укрепишь союз, и даже совет не посмеет выступить против. Если ты сможешь открыто торговать снова через горы, торговать и управлять процессом, то лесная стража снова вернется к своей задаче – помогать горам, а не охранять границы. Тыкрепишь место и объединишь стражу.

Он зажал переносицу.

- Нет, если мне придется тратить жизни солдат, чтобы помочь Моне свергнуть короля Селено.

- Вряд ли придется, Вал. Я слышала, как она ругала младшего брата в Санмартене, когда он раскрыл их личности. Она возмущалась, что они не смогут вернуться, если люди будут подозревать, кто они, и все их старания пойдут прахом. Они хотят вернуться, попытаются. У них должен быть план.

Он выдохнул и опустил руки на стол.

- Так мне послать делегацию в Санмартен к ней? Предложить сопроводить ее через горы и помочь ей вернуть трон?

Я приподняла бровь.

- Нет, - согласился он. – Глупая идея. Совет тогда отравит мне завтрак.

- Она тебе не поверит, - сказала я. – Озеро Люмен и Сильвервуд были врагами почти двести лет. Она знает, что твоего отца убили в попытке забрать страну у алькоранцев, новости были в Санмартене. Она не поверит, что ты вдруг решил помочь ей, а не использовать в своих планах.

Он занес ладонь в шрамах над догорающей свечой.

- И... что? Если мы не можем подойти к ней, не можем дать совету понять... нам нужно как-то в тайне провести ее и ее братьев через горы? Я не могу приказать лесной страже не замечать их.

- Нет, - сказала она. – Они должны быть скрыты от скаутов.

Он фыркнул.

- Элламэй, ты оскорбляешь своих же. Ты – самая зоркая Лесничая со времен старого Нелла Лисохвоста, ты думаешь... - он замолчал. Уставился на меня. Его ладонь была так близко к огню свечи, что он вот-вот мог обжечься.

- Хватит, - я убрала его руку от огня.

- Ты не можешь, - сказал он. – Великий Свет, Элламэй, я не позволю.

- Будто я послушаю.

- Я... король.

Я опустила подбородок на кулак, ухмыляясь.

- Не мой.

Он без слов шевелил губами, а потом поймал руками мою свободную ладонь.

- Тебя схватят! А если тебя схватят?

- Ты же сказал, что я самая зоркая Лесничая после Лисохвоста.

- Провести через гору ныряльщиков с водой в голове, да еще и надменную королеву! Думаешь, скауты вас не заметят? Тебя поймают и приведут совету, и что мне тогда делать?

Я пожала плечами.

- Не знаю. Импровизируй?

- Они тебя казнят!

- Тогда я исполню мечту и ударю Геллебора по лицу, пока они будут готовить веревку.

Не стоило дразнить его, я видела, что тревога терзала его на части. Он поднял мою руку, прижался к ней лбом. Жемчужина на моем кольце прижалась к его коже. Я убрала пальцы из его хватки и прижала ладонь к его лицу.

- Вал, послушай. Я не видела семью пять лет. Я скучаю по друзьям. По горам. По танцам, светлячкам и глупым мелочам, типа своих старых сапог. Я скучаю по тебе. Великий Свет, Вал, я так по тебе скучаю, - я сглотнула. – Я хочу вернуться. Но пока твой совет не перестанет терзать королевскую стражу, пока не станет уважать тебя как короля, я не могу. И теперь появился шанс осуществить это... Я не могу сидеть и упускать его, - я провела большим пальцем по его щеке. – Я помогу сделать тебя моим королем.

Он закрыл серо-зеленые глаза, прижал ладонь поверх моей на его щеке. Он выдохнул.

- Мне это не нравится.

- Я об этом не спрашиваю.

Он прижал щеку к моей ладони.

- Как ты это сделаешь? Мона не поверит тебе, подумав, что ты верна мне.

- Для начала... - я убрала руку от его лица и сняла кольцо с пальца. – Думаю, не стоит показывать им наследство монархии Сильвервуда. – я вложила кольцо в его ладонь.

Он удрученно смотрел на него.

- Что? – спросила я.

Он провел большим пальцем по жемчужине.

- Переживаю, что ты не захочешь, чтобы я вернул его тебе.

- Не драматизируй.

- Элламэй, все это... - он указал на мой потрепанный плащ и поношенные сапоги. – Это моя вина. И теперь ты еще и рискуешь из-за меня.

- Я тебя прощаю, - сказала я. – Не нужно столько слов. Это не твоя вина. Я накричала на твоего отца, потому что он разрушал Сильвервуд, а не из-за того, что он не давал нам жениться, - я сомкнула его пальцы поверх кольца. – Обещаю, ты сможешь вернуть его, когда все это закончится.

Он вздохнул.

- Это не решает проблему. Как ты заставишь Мону поверить тебе?

- Не знаю. Брошусь в океан?

- Не шути так.

- Прости, - я сжала его ладонь. – Я придумаю что-нибудь. Не переживай.

Он выдохнул на свечу, пламя дрогнуло.

- Ох, Элламэй, если бы я мог.

* * *

Целители что-то мне явно дали, что-то успокоительное или болеутоляющее, голова не хотела соображать, зато воспоминание о встрече с Валиеном в Розмари было ясным, как в ночь, когда это произошло. Мелькали и другие воспоминания, Мона и ее братья появлялись там, где не должны были – Арлен передавал мне бинты, чтобы я перевязала обожженную ладонь Вала, Мона стояла за плечом Вала, когда он глупо просил меня выйти за него замуж. Кольм бесстрастно смотрел во дворе, как Вандален и его совет превращали меня в ничтожество.

Я слышала шепот голосов, тревожащий сознаний. Я не понимала, было ли это частью странных снов. Я не всплывала на поверхность, пока звуки не сопровождала боль. Я уцепилась за ясность, голоса утихли. Но другие ощущения – нет. Запах лаванды. Мягкий вес одеяла. Свет за веками. А еще боль в ключицах.

Я разлепила глаз, чуть заерзав. Свет пронзил голову, прогнал обрывки снов. Я не сразу смогла сморгнуть слезы, различить цвета и формы. Слишком поздно я заметила, что не одна. Я зажмурилась.

- Я это видела. Не притворяйся, что еще спишь.

Я вздохнула и открыла глаза снова, присмотрелась. Я лежала на кровати в комнате с видом на запад, с видом на озеро.

- Все еще в Люмене, - сказала я.

- О, да, - сказал голос. – Все еще здесь.

Я с неохотой повернулась к Моне. Она сидела в паре шагов от меня, выглядела как с картины. Ее волосы красиво ниспадали на спину, украшенные, наконец, короной с жемчугом. Теперь я понимала, что она имела в виду, описывая свою корону: серебро напоминало по форме волну, выплеснувшуюся на берег. Ее кулон лежал на платье цвета глубин озера, подпоясанного нитью перламутровых бусин. Но величие, как всегда, исходило не от ее одежды, а от выражения ее лица, она смотрела на меня, как ястреб на добычу.

- Я не могла так легко отпустить тебя, - сказала она. – Мы еще не поговорили, - она с неохотой добавила. – И у тебя была сломана ключица.

Я пошевелилась, левая рука была привязана к груди. Много бинтов пересекало плечо.

- Будет шрам, - сказала она. – Им пришлось вырезать шип.

Понятно, откуда болеутоляющее.

- Где Вал? – спросила я.

- Ты его упустила. Мы с ним почти постоянно вели переговоры эти два дня, - она покачала на документ, что был на ее коленях – договор о союзе между двумя странами. – Он направляет своих стражей, чтобы они отправили алькоранцев к их королю. Но он скоро вернется. Он все свободное время проводил рядом с тобой.

Повисла тишина. Я разглядывала комнату, чтобы не видеть в ее глазах обвинение, но оказалось, что она не собиралась ждать, когда мы пересечемся взглядами.

- Ты, - сказала она, - жуткая лгунья.

Я теребила одеяло.

- Не так часто я тебе и врала, Мона.

- Да? А как насчет самой важной лжи? «Он не мой король»?

- Так и есть. Я правда изгнана. Я была подданной его отца, а не его.

- Я все еще считаю это ложью.

- Одной из нескольких.

- А что насчет того, как мы встретились? Бреда про то, как ты тонула?

- О, нет, - сказала я. – Я не умею плавать. Правда.

- И ты правда упала с пирса? Или прыгнула в океан намеренно?

- И то, и то. Я выбирала момент. Я не хотела, чтобы меня ударили по голове. Это добавило правдоподобности.

- Ты думала, что мы тебя спасем?

- Признаю, это было самонадеянно, - сказала я. – Но времени было мало. Я искала вас три месяца после заявления Арлена в Санмартене посреди зимы.

Она закрыла глаза.

- Санмартен. Ты была там?

- Да. Несколько месяцев. На берегу зимовать проще, чем в холмах. Я была на фестивале середины зимы, как и все из города. Арлен... ну, ты знаешь. Он был громким. Его слышали многие.

- Ясное дело, - она отложила пергамент и перо на стол рядом с собой. – И ты сообщила Валиену. Он рассказал мне о вашей встрече в Розмари.

- Мы встретились, как только смогли. Было непросто, но получилось. Мы несколько дней продумывали план, а потом я вернулась в Санмартен и обнаружила, что вы ушли. Новости расходились по округе, вы вовремя убежали. Но я сбилась. Вал рассчитывал на меня, и, когда я нашла вас в Тиктике, я не хотела терять время.

- Ты была в отчаянии.

- Да. Но сработало. Вы подумали, что это ваша идея, что я в долгу перед вами. Спасение моей жизни позволило этому начаться.

Она молчала и смотрела на меня. А потом тихо сказала:

- Ты могла бы просто сказать мне.

- Ты бы мне поверила? – спросила я. – Если бы я подошла и сказала, что проведу тебя по Сильвервуду в Люмен, и что король Валиен поможет тебе прогнать Алькоро, ты бы честно поверила мне?

- Я могла, Мэй.

- Я не могла рисковать. Слишком многое зависело от этого.

- Мне рассказали. Свергнуть короля, объединить воюющие страны, расшатать испорченный совет... - она посмотрела на меня. – Или ты о другом?

- Я просто хотела домой, - устало сказала я. – Не моя вина, что для этого пришлось сдвинуть страны.

- Ты опасно играла в комнате совета в Лампириней.

Я потеряла лицо свободной рукой.

- Это я буду вспоминать вечно. Этого не должно было произойти. Вал был умнее меня, отвлек их от того, кем вы были на самом деле.

Она тихо смотрела на меня, сжав губы в тонкую линию.

- Что еще пошло не по твоему плану?

- Кроме плена? Все сражения тут, в Черном панцире. Никто не должен был пострадать. Вал собирался показать верность, помогая прогнать алькоранцев из Люмена. Он прошел со своими солдатами, а бой начался, - паутина пропала с моего мозга, и я резко повернула голову в ее сторону. – Как Арлен?

Она смотрела на меня, но помрачнела.

- Он потерял глаз.

Я оттолкнулась свободной рукой, несмотря на боль.

- Что?

Она указала напряженным движением.

- Левый. Не видит им совсем. Капитан ударил мечом.

Я сжала одеяло в кулаке, все дрожало.

- Нет...

- Могло быть хуже.

- Как он?

- Лежит на кровати, ест жареную рыбку, - уголок ее губ дрогнул. – Он будет жить, останется красивый шрам. Он уже подумывает о повязке на глаз с жемчужиной. Сорча от него не отходит.

Рука задрожала от попыток сесть, и я рухнула на подушку, зажала переносицу. Мона ждала, позволяя задать вопрос без спешки. Я выдохнула.

- А Кольм?

Она молчала. Опустив руки на колени, она подбирала слова.

- Он еще придет, - сказала она.

- Он меня простит? – спросила я.

- Он даже стыдится, - она указала на мое плечо. – Он убил бы тебя, если бы попал, как задумывал от злости... Думаю, это его напугало.

- Я не... я надеялась...

- Знаю, - сказала она. – Но он снова и снова видит перед глазами, как казнили Аму. Он не любит обмана, - она склонила голову. – Он был прав в Тиктике. Я слишком быстро тебе поверила. Он не дал желанию вернуться к озеру ослепить себя, в отличие от меня.

- Он начал что-то подозревать в пещере Письмен.

- Да. Он увидел твой компас внутри, - она указала на столик у моей кровати, где лежал потрепанный компас Валиена. Я поздно поняла, что в доме Кавана открывала его, чтобы спрятать кольцо Эны, и нашла несколько вещей. Кольм спрашивал о них – стрелка и шнурок – в пещере. Я сказала ему, что спрячу их в компас. Конечно, он сделал это сам. – Он не знал, что это значит, - сказала она. – И нам все еще нужно было спуститься с Частокола, так что он не мог обвинять тебя там. Он хотел верить тебе, но не мог понять, откуда у тебя компас Валиена. Если бы ты украла это при изгнании, то рассказала бы раньше, - она взяла компас со столика и открыла его. – Но это не так, да? Как ты его назовешь? Знак любви?

- Это было не так. Вал смог принести это мне в камеру, когда его отец приговорил меня.

Она провела большим пальцем по крышке.

- А имя? Краснорук?

- Ах, да. Это имя он взял в тринадцать. Его отец хотел, чтобы он взял что-то в стиле семьи, но Вал, конечно, так не сделал. Он не очень-то придерживался принципов прошлых правителей.

- Расскажи, как юный принц смог так отдалиться от убеждений его предшественников?

Я заерзала.

- Если вкратце, Вандален был ужасным отцом. Если точнее, дело было в его любви к жене.

- Он любил свою жену?

- Королеву Сацию. Маму Валиена. Они полюбили друг друга, сыграли свадьбу, через пару лет она забеременела наследником. Что-то пошло не так. Она заболела. За месяц до конца беременности казалось, что она и ребенок умрут, и целители вырезали ребенка. Вал родился раньше срока, но его мать не пришла в себя после операции. Она умерла с болью.

Мона вздохнула.

- Ясно. И Вандален...?

- Хороший отец принял бы сына, почитая жертву королевы. Но он не был добрым, а горе все ухудшило. Почти все детство Вал провел в обществе няни. А потом Вандален не упускал шанса упомянуть, что из-за Вала у него нет жены, а у страны – королевы. Вал рос, считая, что злость отца – его вина. А потом король начал вымещать гнев ужасными способами.

- Какой ужас.

- Зато Вал вырос хорошим человеком. Он находил наставников, что учили его ездить верхом, охотиться, выслеживать. Его вырастили его подданные. Они помогли ему создать свои принципы, рано понять себя. Он в десять лет знал свой народ лучше отца.

- Вандален, думаю, это не ценил?

- Не совсем. Опасно было перед тринадцатым днем рождения Вала. Вал хотел взять себе эпитет, который подавил бы королевского орла отца, но, конечно, Вандалена это не устраивало. Была ужасная ссора. Вандален замахнулся на Вала подсвечником. Он промазал, а Вал уклонился и упал, угодив правой рукой на раскаленную решетку камина.

Она скривилась.

- Шрамы на его ладони...

- Ожог был ужасным. Той ладонью он по сей день ничего не чувствует. Я нашла его случайно в кладовой стражей через пару часов после случившегося, он пытался перевязать ожог одной рукой. Я тогда его почти не знала, так что не спрашивала, что случилось, а он позволил промыть и перевязать раны. За годы он научился держать меч и лук левой рукой, так что он неплохо владеет обеими руками. Мы с ним сблизилась достаточно, чтобы он рассказал мне, что случилось. Мне и до этого не нравился Вандален, но издеваться над сыном... - я выдохнула. - Я не могла быть верной такому человеку.

- И Вандален не возражал, чтобы Валиен взял себе прозвище Краснорук?

- Возражал. Громко. Ссоры были и после этого. Но Валу было все равно. Он уже не был верен ему, он сосредоточился на тренировках с нами, стражей.

Мона посмотрела на компас.

- Но он на коронации стал Голубым дымом. Что это означает?

Я теребила бинты на плече.

- Люди называют так утренний туман на горах. Он сгорает на солнце. Он взял имя, что не продержится долго.

- Конечно. Ведь он собирается жениться на тебе.

Я кашлянула и впиалась в одеяло. После мгновения тишины она опустила голову, пытаясь поймать мой взгляд.

- Таков план, да?

На одеяле была вышита голубая рыба и белые пузырьки из жемчуга. Один пузырек грозил оторваться. Я катала его пальцами.

- Мэй?

- Да, да. То есть, так и есть.

- Ты хочешь выйти за Валиена?

- Да, - я потянула за жемчужину. - Хочу.

- Но?

Я кашлянула.

- Но... Вал теперь король.

- Ты ведь думала об этом перед изгнанием, - сухо отметила она. - Его отец не жил бы вечно.

- Слава Свету за это, - я крутила жемчужину на нити. - Думаю, я... начала смотреть иначе после пяти лет блужданий. До этого мне казалось, что выступить против Вандалена схоже с прогулками с Валом. Когда он узнал, что Вал сделал мне предложение, он бушевал, кипел, приказал мне больше не смотреть на принца. В ту ночь, в середине лета, я нарядилась и танцевала с Валом до утра, - я снова потянула за бусину. - На следующий день Вандален вызвал меня перед советом, отдал жестокие приказы, я накричала на него, и он выгнал меня из страны.

- Тогда ты победила, - сказала Мона. - Ты вернешься в страну, выйдешь за Валиена, исправишь все, что натворил Вандален. Хватит распускать мою вышивку.

Я пригладила жемчужину на место.

- В том и дело, Мона. Я не хочу больше мстить. Я не хочу становиться королевой, чтобы последнее слово было за мной. Сильвервуду нужна та, что подойдет для этой роли.

- Напомни, - твердо сказала Мона, - как ты клялась, становясь Лесничей? Кольм упомянул часть в Тиктике. Что-то про честность?

- Моя мощь в усердии. Моя честь в верности. Моя сила в честности.

- Мм. Усердие, верность, честность, - она отклонилась на стуле. – Эти качества лучше, чем у многих правителей. Тише, не говори. Послушай, Мэй. Знаю, ты думаешь, что сделала все, что нужно, и все теперь закончено, но это не так, - она указала на окно. – Король Селено не отдаст мне трон так просто, а теперь он и на твоего короля будет злиться. Валиену не нужна напыщенная аристократка на троне, ему нужен кто-то практичный и честный. Как и мне.

Она прищурилась.

- Я не говорю, что простила тебя полностью. Ты многое скрывала от меня, и я совру, если скажу, что не ощущаю себя преданной. Но я стараюсь смотреть мимо этого. Ты сделала то, что обещала, ты дала мне мощного союзника. Ты рисковала из-за нас жизнью много раз. Я благодарна за это. И я буду еще более благодарна, если ты останешься и закончишь начатое, - она раскинула руки. – Я не прошу тебя выходить за Валиена, если ты этого не хочешь. Но не отказывай ему в страхе, что будешь плохой королевой. Ты будешь хорошей.

Неделю назад я отказалась бы верить в то, что слова Моны вызовут во мне благодарность. Но я не упустила высоту этой похвалы. Если Мона и знала что-то, так это как быть королевой.

Я снова кашлянула.

- Я попробую.

- Хорошо, - она подвинула документ на столе рядом с собой. – Тебе стоит посмотреть на это, пока мы не закончили последние правки.

- Ах, - я вытянула здоровую руку. – Я бы с радостью, но... лекарства, - я указала на голову. – Все еще все плывет.

- Понимаю, - она встала и оставила документ на столике у кровати, сверху устроив компас Валиена. – Отдыхай. Выздоровливай, чтобы я могла отправить тебя в горы, в твои родные края. Я скажу Валиену, что ты проснулась, - она похлопала меня по плечу и пошла к двери. Я скривилась от вызванной боли, понимая, что это было намеренно.

Дверь за ней закрылась, оставив меня в тишине. Я посмотрела на документ. Спать не хотелось, но и читать тоже. Я посмотрела в сторону окна. Занавески трепетали на ветру, свежий воздух слабо пах дымом.

Я осторожно отодвинула расшитое одеяло, опустила босые ноги на пол. Я покачивалась, тело плохо двигалось, но я пересекла комнату, впилась в окно и посмотрела на озеро. Берег изгибался слева, позволяя увидеть террасу. Люди двигались, бросали свертки ткани в огонь.

Дверь рядом с моим окном открывалась на балкон. Я открыла ее и вышла к перилам. Ветерок стал сильнее, один из свертков развернулся, летя к огню. Призма и семь бирюзовых звезд вокруг на красно-коричневом фоне. Люди озера жгли флаги Алькоро.

Кольм был там. Я видела, как он отбирает, какие материалы, принесенные ему людьми, оставить, а какие сжигать. Я надеялась, что он обернется и увидит меня. Но я не была готова встречаться с ним, да и он вряд ли хотел говорить со мной.

Я повернулась, вдруг расхотев разглядывать озеро перед собой. Стены Черного панциря поднимались выше моей головы, закрывая вид на востоке. Крыша спускалась к краю балкона, и я подобралась к нижней точке. Не обращая внимания на боль и остатки эффекта болеутоляющего, я неловко забралась и села на перила. Я устойчиво разместила босые ноги, встала и схватилась за крышу здоровой рукой. С рывком, вызвавшим боль в плече, я забралась на дранку и полезла выше.

Крыша замка поднималась в три яруса, но, к счастью, мне не пришлось забираться через конек крыши. Я влезла на вершину, посмотрела на горы в стороне, Частокол был

белым в полуденном солнце. Я придвинулась к трубе, прислонилась к ней, резко дыша. Я прижала стопы к теплой черепице и упивалась запахом дома, как бальзамом.

- Элламэй?

Я услышала тревогу в голосе, донесшемся до меня из трубы.

- Я тут, Вал, - позвала я.

Дверь балкона со скрипом открылась.

- Что... Элламэй, где ты?

- Наверху.

- Наверху... великий Свет! – его потрясенное лицо появилось у перил. – Элламэй... слезай! Погоди, не двигайся. Земля и небо, ты должна была отдыхать!

- Я отдыхаю, - я указала на горы. - Залезай и посмотри. Думаю, отсюда видно водопад над пещерой Письмен.

Он замешкался, но решил, что за мной лучше следить вблизи. Он тихо ругался, забираясь на крышу. Валиен неловко поднялся ко мне, потому что что-то было зажато под его рукой. Он закинул ногу на вершину крыши, бахрома на сапогах раскачивалась.

- Я думал, что могу не переживать за тебя, раз ты проснулась, - сказал он. Но, устроившись рядом со мной, он осторожно обнял меня, стараясь не потревожить перевязанную руку. – О, Элламэй. Как ты?

- Как рыба, которую задел крючок, но она вернулась в воду, - сказала я, прижимаясь лицом к его плечу. Я ощущала, как его объятия стали крепче, я отклонилась и увидела, что он хмурится. Я взяла его за руку. – Не злись на Кольма, Вал.

Он хмуро посмотрел на наши пальцы.

- Я бы так сделал, - сказал он, - если бы не видел, как он до этого спас тебе жизнь. Если бы ты умерла в Огнепаде...

- Я не умерла. И я все еще жива.

- Да. И ты не представляешь, как я рад.

- Я представляю. Я тоже рада, что все сработало, как мы планировали, хотя пару раз события шли не по плану, - я указала на сверток под его рукой. – Что это?

Он развернул одежду на своих коленях.

- Я попросил Джен принести их для марша в Лампириней.

Глупо, что при виде моих старых сапог на его коленях я ощутила такие сильные эмоции. Но это были не те сапоги, что я носила с обычной одеждой, это была часть формы с двумя рядами бахромы Лесничей. Я забрала их, погладила бахрому пальцами.

Я сглотнула.

- Спасибо, – я притянула к себе колено, пытаясь надеть сапог одной рукой. – Джен не подумала, что странно нести их с гор?

- О, она уже знала на тот момент, - он забрал у меня сапог и надел мне на ногу. – Они все знали. Я выдал себя у Огнепада, – он посмотрел на меня, держась за мою ногу. – Было ужасно смотреть, как ты падаешь. Я... обезумел в тот миг.

- Это на тебя не похоже.

- Ты же не видела меня в день, когда отец выгнал тебя? Я говорил и творил много дикостей, - он уткнулся подбородком в мое колено, глядя на меня глазами цвета мха. – Я не всегда... веду себя разумно, когда это касается тебя, Элламэй, если ты не заметила. И видеть, как ты пропадаешь в потоках, знать, что ты могла погибнуть там... Я сдался. Я повернулся к стражам и кричал им собираться и готовиться идти к Частоколу, и я не мог понять, почему они так смотрят на меня. И мне пришлось рассказать им, что мы собираемся прогнать Алькоро и вернуть королеву Люмена. Оказалось, что мне даже не пришлось сообщать советникам, мы ушли раньше, чем они проснулись.

- Как они это приняли? Я про стражей, - я протянула другую ногу. – Как они отреагировали?

- Прекрасно, если подумать. Некоторые сначала злились из-за смятения последних месяцев. Но скоро они остыли. И были готовы идти в рекордные сроки. Думаю, многие

были рады слышать, что наша цель – не подавить страну, - он надел второй сапог. – Помогло и то, что я сказал, что ты вернешься на свою должность. У тебя все еще много друзей.

- Один из них помог нам выйти из темницы, - сказала я, шевеля ногами в сапогах. – Ты знаешь, кто это был? Точно не Джен.

- Это был я.

- Ты?

- Конечно, я. Я отправил Джен к гряде, знал, что она попробует помочь тебе, а я не хотел ей проблем. Я отправил всех стражей во двор строить плаху, убрать во дворце. Я добавил маковую настойку в напиток стража подземелья, чтобы он был вне подозрений, - он вскинул бровь при виде моей тревоги. – Я думал, ты догадаешься. Я отдал тебе свой компас с ключом.

- Я думала, так было, потому что он был мне нужен, - резко сказала я. – Великий Свет, Вал, если бы тебя кто-то увидел...

- Я шесть лет сбегал за тобой на миссии скаутов, - сказал он с тенью улыбки. – Ты ругала меня за шум. Никто меня не видел.

Я заерзала на черепице, медленно, потому что плечо заболело.

- Ты видел нас в коридорах у комнаты совета. Когда отправил стражей в оружейную.

- Мне показалось, что я видел. Я не был уверен. Я пытался открыть путь к заднему двору. Думал, ты побежишь тем путем.

Я прислонила голову к прохладному кирпичу.

- Я добавлю это в список своих ошибок.

Он взял меня за руку.

- О, Элламэй. Послушай себя. Я никогда еще не был никому так благодарен в жизни. Ты сотворила невозможное.

- Я поступила неразумно, - я вздохнула и закрыла глаза. – Но это, похоже, не новое, - я снова коснулась бахромы на сапогах. – Кстати, у тебя разве нет еще одной моей вещи?

Он замешкался.

- Я хотел подождать, пока тебе не станет лучше. Я уже, кажется, заставил тебя потратить много сил.

Я пошевелила левой рукой на перевязи.

- Я хочу вернуть его. Если ты не передумал. Теперь ты будешь просить меня стать королевой.

Он вытащил из кармана мое серебряное кольцо.

- Будто я с того дня не думал об этом, - он надел кольцо на мой палец, поцеловал кончики моих пальцев и вернул мою руку на перевязь. Мы сидели неудобно, но я поцеловала его, прижимая свободную руку к его затылку. Я запустила пальцы в его волосы, черные и блестящие, как крыло вороны. О, как я скучала по таким прикосновениям. По его прикосновениям.

Плечо болело, и я отодвинулась и прижалась к нему, сжимая его пальцы, несмотря на боль. Усталость от событий прошлых дней, нет, прошлых недель, лет, нахлынула на меня. Я утомленно опустила голову на его плечо, радуясь, что могу делать так снова.

Но тревога все еще трепетала рядом с облегчением. Я надеялась, что Арлен был прав. Я не знала, злится ли он на меня. Кольм злился. Я не знала, будут ли они снова считать меня своим другом. А потом я тихо рассмеялась.

- Что?

- С той ночи в Розмари по какой-то глупой причине я думала, что на этом все закончится. Что мы построим альянс с Люменом, и все закончится. Я даже не подумала, что так Алькоро станет нашим врагом, - я открыла глаза. – Что нам делать, Вал?

Он прислонил голову к моей, его глаза, как и мои, были направлены на горы.

- Все, как ты всегда говоришь, Элламэй, - он сжал мою руку. – Мы будем справляться по проблеме за раз.

По проблеме за раз. По одной за раз. Но мне было сложно понять, что будет следующей проблемой. Может, это из-за болеутоляющего. Может, из-за тепла его руки вокруг меня. Может, от вида гор и неба, Частокола, сияющего на солнце. Может, из-за радости от осознания новой реальности.

Я вернусь домой.